

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

2026

Выпуск 1(16)

Научный рецензируемый журнал

Выходит 4 раза в год

Издается с 2017 года

Издание включено в

Российский индекс научного цитирования

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES: THEORY AND PRACTICE

2026

Issue 1(16)

Scientific peer-reviewed journal

Published 4 times a year

Published since 2017

The publication is included in

Russian Science Citation Index

Социальные и гуманитарные науки: теория и практика

Научный рецензируемый журнал «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» отражает научные интересы специалистов в области актуальных проблем философии, социологии, психологии. Публикуются оригинальные статьи, основанные на теоретических и эмпирических исследованиях в данных областях.

Издание принимает рукописи по следующим научным специальностям:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности история психологии;
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых сред;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления;
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Сергеевич Волегов, канд. социол.наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Олег Владиславович Лысенко, канд. социол.наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

РЕДАКТОР

Алена Сергеевна Беляева

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Надежда Юрьевна Биктаева, ответственный секретарь редакционной коллегии

ISSN 2949-5601

Периодичность: 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Философско-социологический факультет)

Сайт: <https://press.psu.ru/index.php/sgn>

Тел. +7(342) 2396-305

E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

Типография: Пермский государственный национальный исследовательский университет, Управление издательской деятельности
Адрес типографии: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно

Подписано в печать 17.04.2026
Дата выхода в свет 24.04.2026
Формат 60x84/8. Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 12,09. Заказ 55

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Елена Михайловна Березина, канд. филос. наук, доцент МВСШЭН, Москва
Екатерина Сергеевна Игнатова, канд. психол. наук, доцент ПГНИУ, г. Пермь
Лариса Александровна Косолапова, д-р пед. наук, профессор ПГНИУ, г. Пермь
Светлана Николаевна Костина, канд. социол. наук, доцент, доцент УрФУ, г. Екатеринбург
Лариса Викторовна Логинова, д-р социол. наук, профессор СГЮА, г. Саратов
Марина Леонидовна Магидович, д-р социол. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
Любовь Анатольевна Метлякова, канд. пед. наук, доцент ПГГПУ, г. Пермь
Дарья Викторовна Моисеева, канд. социол. наук, с.н.с. НИУ ВШЭ, г. Москва
Артем Андреевич Чернега, канд. социол. наук, Администрация Тотемского городского округа, г. Тотьма, Вологодская область
Ирина Юрьевна Черникова, д-р пед. наук, доцент ПНИПУ, г. Пермь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Михайлович Бельский, канд. социол. наук, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск
Светлана Николаевна Лихачева, канд. социол. наук, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, г. Могилев
Илона Генриховна Неделевская, канд. социол. наук, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, г. Гродно
Алеся Андреевна Похомова, канд. социол. наук, Белорусский государственный университет, г. Минск
Мариэтта Хачатуровна Карамян, д-р психол. наук, профессор, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент

Знаком информационной продукции не маркируется

Лицензия СС BY 4.0.

Social Sciences and Humanities: Theory and Practice

The scientific peer-reviewed journal “Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice” reflects the scientific interests of specialists in the field of topical problems of philosophy, sociology, and psychology. Original articles based on theoretical and empirical research in these areas are published.

The publication accepts manuscripts in the following scientific specialties:

5.3.1. General psychology, personality psychology history of psychology

5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital environments

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.6. Sociology of culture

5.4.7. Sociology of management

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education

5.8.7. Methodology and technology of professional education.

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir S. Volegov, PhD in Sociology, Acting Head of the Department of Sociology, Perm State University, Perm, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Oleg V. Lysenko, PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies Perm State University, Perm, Russia

EDITOR

Alena S. Belyaeva

COMPUTER DESIGN

Nadezhda Yu. Biktaeva, Executive Secretary of the Editorial Board

ISSN 2949-5601

Frequency: 4 times per year

Founder and Publisher: Perm State University

Founder and Publisher Address: 15 Bukireva Str., Perm, Russia, 614068

Editorial Office Address: 15 Bukireva Str., Perm, Russia, 614068 (Faculty of Philosophy and Sociology)

Website: <https://press.psu.ru/index.php/sgn>

Tel. +7 (342) 2396-305

E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

Printing House: Perm State University, Publishing Department

Printing House Address: 15 15 Bukireva Str., Perm, Russia, 614068 Tel.: +7 (342) 239-65-47

Distributed free of charge

EDITORIAL BOARD

Elena M. Berezina, PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSS, Moscow

Alexander Elena M. Berezina, PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSS, Moscow

Ekaterina S. Ignatova, PhD in Psychology, Associate Professor, PSU, Perm

Larisa A. Kosolapova, Doctor of Pedagogy, professor, PSU, Perm

Svetlana N. Kostina, PhD in Sociology, Associate Professor, UrFU, Ekaterinburg

Larisa V. Loginova, Doctor of Sociology, Professor, SSAL, Saratov

Marina L. Magidovich, Doctor of Sociology, Professor RSPU, Saint Petersburg

Lyubov A. Metlyakova, PhD in Pedagogy, Associate Professor, PSHPU, Perm

Darya V. Moiseeva, PhD in Sociology, Senior Researcher, HSE University, Moscow

Artyom A. Chernega, PhD in Sociology, Administration of Totma district, Totma

Irina Yu. Chernikova, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, PNRPU, Perm

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr M. Belski, PhD in Sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

Svetlana N. Likhacheva, PhD in Sociology, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

Ilona G. Nedelevskaya, PhD in Sociology, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

Alesya A. Pohomova, PhD in Sociology, Belarusian State University, Minsk

Marietta Karamyan, PhD of Psychology, Professor National University of Uzbekistan, Toshkent

Subscription Free distribution

Signed for printing on April 17 2026

Publication date: April 24, 2026

Format: 60x84/8. Edition: 500 copies.

Printing sheet: 12.09. Order: 55

License CC BY 4.0.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Состояние исторической памяти молодежи Беларуси в социологическом измерении <i>Бровчук Н.М.</i>	6	The state of historical memory of Belarusian youth in a sociological measurement <i>Brovchuk N.M.</i>
Социальные медиа в Беларуси: структура предпочтений молодежной аудитории (по материалам социологических исследований) <i>Кармызова Д.Д.</i>	15	Social media in Belarus: youth audience preference patterns (evidence from sociological studies) <i>Karmyzova D.D.</i>
Социологический анализ деятельности волонтеров: практики, барьеры и ресурсы устойчивого участия (на примере Центра социального волонтерства ПГНИУ) <i>Горбунова В.Р., Маркова Ю.С.</i>	25	Sociological analysis of volunteer activities: practices, barriers, and resources of sustainable participation (on the example of The PGNIU Social Volunteering Center) <i>Gorbunova V.R., Markova Yu.S.</i>
Поведенческие практики здоровья студентов в условиях университетской среды <i>Гордеева С.С., Шилков В.В.</i>	40	Health behavioral practices of students in the university environment <i>Gordeeva S.S., Shilkov V.V.</i>
Эмпирические модели описания профессиональной адаптации и их применение на примере работников общего образования <i>Волегов В.С., Родачев В.А.</i>	48	Empirical models for describing professional adaptation and their application to the example of general education staff <i>Volegov V.S., Rodachev V.A.</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Характеристики психологической безопасности образовательной среды в связи с чертами личности студентов <i>Бояршинов А.С., Дудорова Е.В.</i>	56	Characteristics of the psychological safety of the educational environment in relation to students' personality traits <i>Boyarshinov A.S., Dudorova E.V.</i>
Особенности саморегуляции у лиц с признаками спортивной аддикции <i>Базанова Е.С., Шевкова Е.В.</i>	64	Features of self-regulation in individuals with signs of sports addiction <i>Bazanova E.S., Shevkova E.V.</i>

Взаимосвязь субъективного
переживания одиночества
и агрессивности у студентов
с разным уровнем
зависимости от смартфона

72

*Мехоношина А.А.,
Продовикова А.Г.*

The relationship between the subjective
experience of loneliness and aggression
among students with different levels of
smartphone addiction

*Mehonoshina A.A.,
Prodovikova A.G.*

ПЕДАГОГИКА / PEDAGOGY

Потенциал тьюторского
сопровождения исследовательской
активности младших школьников во
внеурочной деятельности

85

*Косолапова Л.А.,
Шолопова Е.А.*

The potential of tutorial support for research
activities of primary school students in
extracurricular activities

*Kosolapova L.A.,
Sholopova E.A.*

Формирование гражданской
позиции будущих педагогов в
молодежных общественных
объединениях вуза

97

Ретивых П.А.

Formation of the civil position of future
teachers in youth public association of the
university

Retivых P.A.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7:94

EDN AUATSP

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-6-14

Бровчук Никита Михайлович,

младший научный сотрудник

Институт социологии НАН Беларуси

220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, к. 2.

nikitabrovchuk93@gmail.com

СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В данной статье приводятся результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2024 году, позволяющие сформировать представление об актуальном состоянии исторической памяти современной молодежи, проживающей на территории Республики Беларусь. На основе эмпирических данных автор выделяет и анализирует следующие аспекты исторической памяти: наиболее интересные для молодежи страны исторические события и периоды, ключевые характеристики образа Беларуси в общественном сознании белорусской молодежи, важные национально-исторические символы, наиболее популярные источники информации об историческом прошлом страны.

Согласно полученным результатам, для современной белорусской молодежи высокой значимостью обладают аспекты исторической памяти, связанные преимущественно с событиями Великой Отечественной войны и в меньшей степени – эпохи Великого княжества Литовского и первых десятилетий XXI века, а также выявлен высокий уровень неопределенности мнений молодежи по отношению к выбору наиболее интересного исторического периода. Установлено, что опрошенная молодежь воспринимает Беларусь главным образом как свою Родину, в качестве главных национально-исторических символов видит официальную государственную символику Беларуси, народные символы, объекты культурно-исторического наследия страны. Также были определены наиболее распространенные среди молодежи источники информации об исторических событиях, явлениях и процессах в Беларуси: в частности, это Интернет-ресурсы, в меньшей степени – телевидение и книжные издания.

Ключевые слова: историческая память, молодежь Беларуси, исторический период, образ Беларуси, национально-исторические символы, источники информации

Ссылка для цитирования: Бровчук Н.М. Состояние исторической памяти молодежи Беларуси в социологическом измерении // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 6–14. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-6-14> EDN AUATSP

Nikita M. Brovchuk,
Junior Research Fellow,
Institute of Sociology, NAS of Belarus,
1, Bldg. 2, Surganova St., Minsk, Republic of Belarus, 220072
nikitabrovchuk93@gmail.com

THE STATE OF HISTORICAL MEMORY OF BELARUSIAN YOUTH IN A SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

This article presents the results of a sociological study conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in 2024, which allow to form an understanding of the current state of historical memory of modern youth living in the territory of the Republic of Belarus. The author identifies and analyzes, on the basis of empirical data, such aspects of historical memory as: the most interesting historical events and periods to Belarusian youth, the key characteristics of the image of Belarus in the public consciousness of Belarusian youth, important national and historical symbols, the most popular sources of information about the country's historical past.

According to the obtained results, aspects of historical memory associated primarily with the events of the Great Patriotic War and, to a lesser extent, the era of the Grand Duchy of Lithuania and the first decades of the 21st century are of high significance for contemporary Belarusian youth. A high level of uncertainty in the opinions of young people regarding the choice of the most interesting historical period was also revealed. It was established that the surveyed youth perceive Belarus primarily as their homeland, and see the official state symbols of Belarus, folk symbols, and objects of the country's cultural and historical heritage as the main national and historical symbols. The most common sources of information among young people about historical events, phenomena, and processes in Belarus were also identified: in particular, these are Internet resources and, to a lesser extent, television and book publications.

Keywords: historical memory, youth of Belarus, historical period, image of Belarus, national and historical symbols, sources of information

For citation: Brovchuk N.M. [The state of historical memory of Belarusian youth in a sociological measurement] *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 6–14 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-6-14>, EDN AUATSP

Введение

Для современного белорусского общества характерна высокая интенсивность многих происходящих в нем явлений и процессов. Трансформация социальных отношений и связей, смена одних нравственных ценностей другими, переосмысление путей исторического развития привели к тому, что в данном контексте возросла актуальность процессов накопления, сохранения и воспроизводства социально-исторического опыта, передачи будущим поколениям культурно значимых образцов и моделей взаимодействия индивидов друг с другом и с окружающим миром. Как следствие, одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов, стоящих перед обществом в современных реалиях, становится проблема исторической памяти, поиск и разработка решений которой возлагается на многие социальные институты: научно-исследовательские организации, учреждения образования, организации культуры, органы государственного управления и др. [4].

Историческая память – это особый феномен культурной и духовно-нравственной жизни общества. Она хранит в себе огромный объем информации, охватывающей множество аспектов исторической реальности прошлого. Как объект научного познания историческая память многогранна, и все разнообразие форм ее проявления еще в недостаточной степени изучено. В научных сообществах историков, философов, социологов, культурологов и др. уже

не одно десятилетие ведутся споры и дискуссии о сущности исторической памяти, ее предназначении и функциях, а также способах и методах ее формирования, сохранения и воспроизводства [3, с. 53].

Ключевые идеи и положения данного проблемного поля начали формироваться еще с конца XIX в. Так, среди исследователей зарубежного социально-гуманитарного знания следует назвать такие имена, как Э. Дюркгейм [5], М. Хальбвакс [15], П. Нора [10], Я. Ассман [1], научно-исследовательские разработки которых способствовали активному расширению проблематики сохранения памяти о прошлом в научном знании и привлечению к ней внимания со стороны не только академического сообщества, но и представителей органов государственной власти, средств массовой информации, учреждений образования и культуры во многих странах. Исследования в указанном проблемном поле проводили также такие ученые, как Ф. Йейтс [17], П. Рикер [12], П. Хаттон [16] и др. В советском и российском научном знании историческая память исследуется в работах О.Б. Леонтьевой [7], Л.П. Репиной [11], Ж.Т. Тощенко [14] и др. Из белорусских ученых, занимающихся данной проблемой, следует назвать А.А. Коваленю [6], О.А. Матусевич [8], Н.Л. Мысливца [9], В.В. Стариченка [13] и др.

Важное значение в данном проблемном поле имеет изучение исторической памяти молодежи как особой социально-демографической группы, которая играет ключевую роль в дальнейшем историческом и духовно-нравственном развитии общества. Как отмечает Е.Д. Бочкарева, «чтобы по-настоящему оценить историческую память народа, необходимо рассматривать не только вертикальные связи, но и горизонтально-вертикальные, т. е. сопоставлять, анализировать проблемы исторической памяти и исторического сознания молодежи» [2, с. 671]. С данным утверждением трудно не согласиться, т. к. именно молодежь воспроизводит многие аспекты накопленного культурно-исторического наследия в результате взаимодействия с такими социальными институтами, как семья, учреждения образования и культуры, средства массовой информации и др., а также активного использования сети Интернет и информационно-коммуникационных технологий. Это, в свою очередь, позволяет обосновать необходимость проведения фундаментальных и прикладных исследований, направленных на выявление мнений, ценностных установок и ориентаций молодежи ко всему многообразию исторического прошлого общества, к которому она принадлежит.

Цель данной статьи – выявление на основе социологических данных актуальных ключевых аспектов воспроизводства исторической памяти в общественном сознании молодежи Беларуси.

Достижению данной цели будет способствовать решение следующих задач:

- выявить наиболее интересные для молодежи Беларуси исторические события, периоды;
- выявить наиболее распространенные среди молодежи ассоциативные представления, связанные с образом Беларуси;
- определить наиболее значимые для молодежи национально-исторические символы;

- выявить основные источники, позволяющие молодежи Беларуси получать информацию об исторических событиях, явлениях и процессах в стране.

Методы

В качестве эмпирической базы выступали материалы социологического исследования, проведенного государственным научным учреждением «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» в 2024 г. методом анкетного опроса по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе. В качестве генеральной совокупности выступало население Республики Беларусь старше 18 лет. Выборочная совокупность репрезентативна по 7 регионам республики (6 областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (население свыше 250 тыс.), крупные города (от 100 до 250 тыс.), большие города (от 50 до 100 тыс.), города с населением от 10 до 50 тыс. и малые города с населением менее 10 тыс., поселки городского типа и сельские населенные пункты). Контроль квот осуществлялся по полу, возрасту и образованию. Объем выборочной совокупности составил 1850 респондентов, ошибка выборки – $\pm 2,3$ % при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Также была сформирована дополнительная подвыборка, т. к.к объектом исследования данной статьи выступает молодежь в возрасте 18-30 лет: доля данной возрастной группы составила 18,3 % (ошибка выборки – $\pm 5,32$ %).

Результаты

Ключевым компонентом в структуре исторической памяти выступают образы исторических событий, благодаря которым в обществе происходит формирование определенных представлений о своем историческом прошлом. В рамках указанного исследования респондентам задавался вопрос: «Какие периоды истории Беларуси Вам наиболее интересны?» Согласно полученным результатам, молодежь Беларуси проявляет наиболее ярко выраженный интерес к событиям Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): доля респондентов, выбравших данный исторический период, составила 43,7 %. Вторым по значимости историческим периодом является эпоха существования Великого княжества Литовского (ВКЛ) (XIII–XVI вв.), указанная 24,5 % опрошенными. На третьем месте располагаются первые десятилетия XXI века (22,1 %).

Предшествующий эпохе ВКЛ период вхождения белорусских земель в состав раннесредневековых княжеств (Полоцкого, Туровского и др.), длившийся с IX по XIII вв., был отмечен 19,2 % респондентов. К периоду реформ, проводившихся в 1990-е гг., выражают интерес 14,7 % белорусской молодежи. Одинаковые доли ответов были зафиксированы у таких исторических событий, как период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой (1569–1795 гг.) и перестройка (сер. 1980-х – нач. 1990-х гг.) – 13,9 %, а также хрущевская «оттепель» (сер. 1950-х – сер. 1960-х гг.) и брежневская эпоха (сер. 1960-х – нач. 1980-х гг.) – 7,7 %. Интерес к сталинской эпохе (1924–1953 гг.) проявили 11,8 % респондентов. Также из исторических событий и периодов, тесно связанных с эпохой вхождения белорусских земель в состав Советского Союза, необходимо отметить период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1922 гг.) – 8,8 %, и период нахождения Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939 гг.) – 8,3 %. Время нахождения белорусских земель в составе Российской империи (1772–1917 гг.) указали 7,1 % молодых людей. Затруднения с ответом возникли у достаточно большой части респондентов – 31,9 % (рисунок 1).

Рис. 1. Наиболее интересные исторические периоды для молодежи Беларуси, %

Также в исследованиях проблематики исторической памяти научный интерес представляют ряд других ассоциативных представлений, разделяемых жителями Беларуси по отношению к истории своей страны. В них находят отображение не только пережитый исторический опыт, но и значимые для современного белорусского общества культурно-ценностные ориентиры. Так, в рамках рассматриваемых результатов социологического мониторинга респондентам предлагалось высказать свое мнение по поводу того, как они видят и воспринимают Беларусь в целом, каким в их сознании является образ Беларуси. На вопрос анкеты «Продолжите, пожалуйста, предложение: “Для меня Беларусь – это...”» были получены следующие результаты. Больше половины респондентов воспринимают Беларусь как свою Родину (69,9 %), практически треть опрошенных (34,5 %) видят в ней страну, в которой живут, а также землю, которую защищали их деды и прадеды (31,0 %). Представления о Беларуси как стране, к которой они испытывают чувство любви, разделяют 28,6 % респондентов. Выявлено, что белорусскую культуру и белорусский язык считают родными 13,6 % опрошенной молодежи, такой же показатель зафиксирован у представлений о Беларуси как стране, с которой молодые люди связывают надежды на свое будущее. Чувствуют себя гражданами Беларуси 13,0 % респондентов; как сильное государство, способное защитить, Беларусь воспринимается 10,3 % молодежи, тесную связь с белорусским народом ощущают 7,4 % респондентов. Незначительное количество опрошенных отметили, что хотели бы уехать из Беларуси навсегда (2,4 %), а также затруднились с ответом (2,7 %) (рисунок 2).

Рис. 2. Ассоциативные представления молодежи страны со словом «Беларусь», %

Еще одним важным аспектом проблематики исторической памяти является изучение национально-исторических и культурно-нравственных символов, в которых находят свое выражение многие материальные и духовные аспекты человеческого бытия, высокие идеи и смыслы, что позволяет рассматривать их в качестве индикаторов культурного развития социума.

В рамках рассматриваемого исследования респондентам предлагалось выбрать главные, по их мнению, национально-исторические символы Беларуси. Как показывают социологические данные, таковыми являются в первую очередь государственные символы, а именно официальные герб, флаг и гимн Беларуси (67,0 %). Второе место молодежь Беларуси отводит народным символам, таким как аист, зубр, василек и т. д., которые были указаны практически половиной опрошенных (52,5 %); третьими по значимости (40,1 %) выступают объекты культурного наследия страны, (дворцы, замки, Беловежская пуца и т. д.). В качестве важных национально-исторических символов Беларуси выступают также белорусский язык и литература (34,8 %), историческая символика, т. е. геральдические символы, флаги и т. д. (20,4 %), памятники Великой Отечественной войны (19,5 %). Незначительная доля респондентов указали в качестве символов религиозные святыни (5,6 %), а часть также затруднились дать ответ (2,1 %) (рисунок 3).

Рис. 3. Главные национально-исторические символы Беларуси по мнению молодежи страны, %

Формированию представления об особенностях воспроизводства исторической памяти в общественном сознании молодежи Беларуси помогает анализ основных источников информации для респондентов об исторических событиях, явлениях и процессах, происшедших в Беларуси. Проведенный социологический опрос показал, что в данном контексте молодежь Беларуси отдает предпочтение главным образом интернет-ресурсам, под которыми подразумеваются новостные порталы, сайты информационных агентств и т. д. (58,1 %). Также достаточно важными для молодых людей источниками являются телевидение (41,0 %) и книжные издания, а именно художественная, научная и справочная литература (37,2 %). Социальными сетями (Одноклассники, ВКонтакте и др.) для получения информации об исторических событиях в Беларуси пользуются 30,1 % опрошенной молодежи; в гораздо меньшей степени популярны мессенджеры Viber, Telegram, которые указали 11,5 % опрошенных. Прессу (газеты, журналы и др.) отметили 13,0 % молодых людей, радио – 5,0 %. Также информация об исторических событиях в Беларуси может поступать в процессе коммуникации молодых людей с родственниками, друзьями или знакомыми (17,7 %), с коллегами по работе или учебе (10,6 %). Затруднения с ответом на данный вопрос возникли у 3,2 % опрошенных (рисунок 4).

Рис. 4. Источники получения молодежью страны информации об истории Беларуси, %

Заключение

Таким образом, можно заключить, что воспроизводство исторической памяти молодежи, проживающей на территории Республики Беларусь, ориентировано главным образом как на события относительно недавнего исторического прошлого, так и на периоды, значительно отдаленные от современности. Выявлено, что в общественном сознании молодежи Беларуси преобладающими образами исторических событий являются Великая Отечественная война и, в меньшей степени, эпоха Великого княжества Литовского, а также первые десятилетия XXI века. При этом зафиксирована достаточно высокая степень неопределенности мнений молодежи по отношению к выбору наиболее интересного исторического периода. Необходимо отметить, что полученные результаты достаточно схожи с результатами социологических исследований исторической памяти всего населения Беларуси [3; 4].

Большее половины опрошенной молодежи воспринимают Беларусь как свою Родину, достаточно ярко выраженными являются представления респондентов о Беларуси как стране, в которой они живут, к которой они ощущают любовь и с которой тесно связана история их предков. В качестве главных национально-исторических символов Беларуси молодежь видит официальную государственную символику, народные символы, а также объекты культурно-исторического наследия страны. Наиболее распространенными источниками, позволяющими молодежи получать информацию об историческом прошлом Беларуси, выступают интернет-ресурсы, в меньшей степени – телевидение и книжные издания.

В целом для белорусской социологической науки проблематика исторической памяти представляет актуальное поле теоретических и эмпирических исследований, которое позволит сформировать широкое понимание об отношении и социальных представлениях жителей Беларуси ко всему многообразию своего исторического прошлого. В результате начнет формироваться принципиально новый пласт научных знаний, способных в значительной степени расширить возможности для проведения научных исследований, а также помочь в определении дальнейших социально-исторических и культурно-ценностных ориентиров развития белорусского общества.

Библиографический список

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. ISBN 5-94457-176-4
2. Бочкарева Е.Д. Концептуальные подходы к понятию «историческая память молодежи» / Е. Д. Бочкарева // Гуманитарное пространство. 2015. Т. 4, № 5. С. 667–675. EDN: VCSJGH
3. Бровчук Н.М. Историческая память жителей Беларуси: значимые исторические периоды и памятные даты // Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти в системе высшего образования: современное состояние и перспективы: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 мая 2023 г. / Бел. гос. эк. ун-т [и др.] ; редкол: С.И. Скриба и др. Минск: БГЭУ, 2023. С. 53–56. EDN: WQNXBF
4. Бровчук Н.М. Историческая память населения Беларуси в социологическом измерении // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філалогія. Паліталогія. Сацыялогія. 2023. № 2. С. 109–116. EDN: FYNPMM
5. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон, 1995. С. 208–243.
6. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 5. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома Н.В. Смехович; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. Минск: Беларуская навука, 2020. 759 с. ISBN 978-985-08-2632-9 EDN: XVOFWT
7. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Книга, 2011. 448 с. ISBN 978-5-93424-522-2
8. Матусевич О.А. Основные подходы к изучению исторической памяти белорусов: проблемы, достижения и перспективы // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2017. № 2(203). С. 74–78. EDN: YLMAYV
9. Мысливец Н.Л. Историческая память: актуальность исследования и необходимость сохранения // Бел. думка. Сер. Сацыялогія. 2022. № 2. С. 56–62.
10. Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 328 с. ISBN 5-288-02318-2
11. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–52. EDN: QLNKJ
12. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с. ISBN 5-87121-031-7 EDN: QWQRR
13. Стариченок В.В. Нарратив Победы. Великая Отечественная война в исторической политике и общественном мнении Беларуси // Беларуская думка. 2020. № 7. С. 70–75.
14. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14. EDN: RGEDNB
15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с. ISBN 978-5-98379-088-9 EDN: QXSXF
16. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. 424 с. ISBN 5-93615-026-7
17. Yates F. The Art of Memory. London: Bodley Head, 2014. 448 p. ISBN-13 978-1847922922

УДК [316.346.32+316.77:004.738.5]-053.6:303.425.2(476)

EDN EWGZYA

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-15-24

Кармызова Диана Дмитриевна,
младший научный сотрудник отдела социологии культуры
Институт социологии НАН Беларуси
220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, к. 2
dianadmkr@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В БЕЛАРУСИ: СТРУКТУРА ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В статье представлены результаты исследования предпочтений белорусской молодежи (18–30 лет) в отношении использования социальных медиа за период с 2022 по 2024 гг. Работа направлена на внесение вклада в сравнительные исследования медиа в Беларуси. Эмпирическую базу исследования составили данные социологических опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, в рамках оценки и совершенствования работы национальных СМИ. Анализ социологических данных позволил установить, что респонденты отдают предпочтение платформам, ориентированным на видеоконтент. Выявлено влияние социально-демографических факторов на выбор конкретных социальных медиа молодежью. Определено, что Инстаграм* сохраняет лидерство по частоте использования у молодежи, особенно среди женщин, городских жителей и лиц с профессионально-техническим, средним специальным и высшим образованием. Тикток демонстрирует наиболее динамичный рост среди опрошенных со средним общим образованием (11 классов) и у сельской молодежи. Выявлено сокращение аудитории таких платформ, как Ютуб и ВКонтакте. Проведенное исследование вносит вклад в сравнительные медиаисследования, актуализируя данные о цифровых практиках белорусской молодежи в контексте взаимодействия локальных и глобальных медиапространств. Результаты подчеркивают необходимость дальнейших исследований с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: социальные медиа, исследования медиа, молодежь, интернет, белорусская молодежь

Ссылка для цитирования: Кармызова Д.Д. Социальные медиа в Беларуси: структура предпочтений молодежной аудитории (по материалам социологических исследований) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 15–24. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-15-24> EDN EWGZYA

Diana D. Karmyzova,

Junior Research Fellow, Department of Sociology of Culture,
Institute of Sociology, NAS of Belarus,
1, Bldg. 2, Surganova St., Minsk, Republic of Belarus, 220072
ksenia.laputko@gmail.com

SOCIAL MEDIA IN BELARUS: YOUTH AUDIENCE PREFERENCE PATTERNS (EVIDENCE FROM SOCIOLOGICAL STUDIES)

The article presents the findings of a study examining social media preferences among Belarusian youth (aged 18–30) from 2022 to 2024. The research contributes to comparative media studies in Belarus, drawing on empirical data from sociological surveys conducted by the Institute of Sociology at the National Academy of Sciences of Belarus as part of an assessment and improvement initiative for national media. The analysis reveals a strong preference for video-oriented platforms among respondents. Socio-demographic factors were found to influence young people's choice of social media. Instagram* remains the most frequently used platform, particularly among women, urban residents, and individuals with vocational, secondary specialized, or higher education. TikTok shows the most dynamic growth, especially among respondents with general secondary education (11 years of schooling) and rural youth. Meanwhile, the audience for platforms such as YouTube and VKontakte has declined. This study contributes to comparative media research by providing updated insights into the digital practices of Belarusian youth within the interplay of local and global media landscapes. The findings highlight the need for further research that accounts for regional specificities.

Keywords: social media, media studies, youth demographics, internet usage, Belarusian youth

For citation: Karmyzova D.D. [Social media in Belarus: youth audience preference patterns (evidence from sociological studies)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 15–24 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-15-24>, EDN EWGZYA

Введение

История исследования медиа позволяет детально проследить исторический и технологический прогресс: от печатной культуры через электронные медиа к современным цифровым экосистемам. Л. Лессиг, профессор права и лидерства в Гарвардской школе права им. Роя Л. Фурмана, писал в своей книге, вышедшей в 2004 г., следующее: «В ближайшие десять лет мы станем свидетелями взрыва цифровых технологий. Эти технологии позволят практически любому человеку фиксировать и распространять контент. Фиксация и распространение контента, конечно, – это то, чем человечество занималось с самого своего зарождения. Так мы учимся и общаемся. Но фиксация и распространение посредством цифровых технологий – это нечто иное» [9]. В феврале того же 2004 года студенты Гарвардского университета – М. Цукерберг, Э. Саверин, Д. Москович и К. Хьюз – создали одну из крупнейших в мире (по современным оценкам) социальных медиа – Фейсбук^{1**}. Появление этого ресурса ознаменовало зарождение новых многофункциональных медиа, отметив собой новый период в истории цифровых платформ. В этот период были переопределены не только сами медиаплатформы, но и трансформировался концептуальный словарь, используемый для их описания и анализа [6; 7; 5]. Как отмечает

¹ В Российской Федерации «американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram, включена в «Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022). В связи с этим, здесь и далее социальные медиа будут обозначаться следующим образом: Инстаграм* и Фейсбук**.

А. Брунс, эти изменения «привели к тому, что поменялись и сами платформы, и лексика, с помощью которой мы их описываем, но главный довод остается прежним: заводя друзей и подписываясь на личные аккаунты, странички и группы в Фейсбук** или поддерживая те или иные хештеги в Твиттер, пользователи присоединяются к определенным сообществам по интересам, при этом игнорируя участников соцсетей с другими взглядами» [2, с. 26].

Сегодня социальные медиа, охватывающие социальные сети, мессенджеры и платформы для обмена контентом, глубоко укоренились в жизни современных пользователей, особенно среди молодежи [3; 8; 10]. Поэтому особую значимость приобретают эмпирические исследования в рамках национальных контекстов, в частности, в Беларуси, где взаимодействие локальных и транслокальных медиапространств формируют уникальные паттерны цифровой коммуникации пользователей.

В фокусе статьи – белорусская молодежь (в возрасте от 18 до 30 лет включительно). Опираясь на более ранние исследования отечественных авторов по «созданию контекстуальной основы для исследования цифрового пространства Беларуси» [3], данная статья направлена на внесение вклада в сравнительные исследования медиа. В частности, анализ будет сосредоточен на взаимодействии молодых пользователей с ключевыми платформами социальных медиа в Беларуси (Инстаграм*, Тикток, Ютуб и ВКонтакте). Такой подход позволит определить практики цифрового пользования (включая, предпочтения молодежной аудитории и структурную иерархию платформ), а также актуализировать эмпирические данные применительно к конкретному региональному контексту.

Методология исследования

Эмпирической базой служат данные ряда исследований Института социологии НАН Беларуси за 2022–2024 гг., посвященных оценке и совершенствованию работы национальных СМИ Беларуси¹. Во всех случаях в качестве генеральной совокупности рассматривалось население страны старше 18 лет. Исследования проводились методом анкетного опроса по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе. Выборочная совокупность каждого исследования репрезентативна по семи регионам Беларуси (6 областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (население свыше 250 тыс.), крупные города (от 100 до 250 тыс.), большие города (от 50 до 100 тыс.), города с населением от 10 до 50 тыс. и малые города с населением менее 10 тыс., поселки городского типа и сельские населенные пункты). Контроль квот осуществлялся по полу, возрасту и образованию. Дополнительные данные представлены в таблице 1.

Поскольку в рамках статьи в качестве объекта исследования рассматривается молодежь в возрасте 18–30 лет (включительно)², соответствующие подвыборки были представлены в таблице 1.

¹ Здесь и далее, если не отмечено иное, представлены данные исследований Института социологии НАН Беларуси: «Мнение населения о средствах массовой информации» (в 2022 г.); «Разработка рекомендаций по совершенствованию работы национальных СМИ на основе оценки трансформации факторов и условий повышения доверия к ним» (2023 г.); «Факторы доверия государственным средствам массовой информации в условиях трансформации медиапространства: медиаизмерения и социологический анализ» (2024 г.).

² Об основах государственной молодежной политики: Закон Республики Беларусь от 07.12.2009 № 65-3 (ред. от 11.10.2024) // ЭТАЛОН-ONLINE. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H10900065> (дата обращения: 09.06.2025).

Таблица 1. Информация о выборке и подвыборке исследований, 2022–2024 гг.*

	2022 г. (сент.–окт.)	2023 г. (сент.–окт.)	2024 г. (авг.–сент.)
Выборочная совокупность (Беларусь) ¹	1341	1344	1353
Размер подвыборки, человек в возрасте 18–30 лет	250	253	240
Доверительный интервал для подвыборки (18–30 лет)	± 6,2	± 6,16	± 6,33
Доверительная вероятность	95 %	95 %	95 %

Примечание: * – при уровне значимости $\alpha = 0,05$

Результаты и обсуждение

Ввиду того, что использование социальных медиа респондентами подразумевает свободный доступ к интернету, для начала необходимо оценить общее количество пользователей (среди населения старше 18 лет) и проанализировать частоту использования сети. По данным исследования 2024 г., 87,2 % населения Беларуси пользуются интернетом², из них 78,8 %, обращаются к сети практически каждый день. В свою очередь, среди молодежи (18–30 лет) установленное число пользователей составляет 99,2 %, а тех, кто использует интернет практически ежедневно, – 96,7 % (таблица 2).

Таблица 2. Частота использования интернета жителями Беларуси, по данным исследований Института социологии НАН Беларуси в 2022–2024 гг., в %

	Все население Беларуси			Молодежь (18–30 лет)		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Практически каждый день	74,3	73,7	78,8	97,6	94,9	96,7
Несколько раз в неделю, месяц	8,9	10,0	8,4	1,2	2,4	2,5
Не пользуюсь	16,0	15,1	11,1	0,8	1,2	0,0
Затрудняюсь ответить + Нет ответа	0,8	1,2	1,8	0,4	1,6	0,8

Полученные сведения об онлайн-активности жителей Беларуси в целом согласуются с данными официальной статистики³. Статистические данные также позволяют проследить динамику удельного веса пользователей интернета в Беларуси. По состоянию на 2024 г. общее количество пользователей интернета в стране составило 94,3 %. Вместе с тем, удельный вес населения (от 6 до 72 лет), которое использует интернет *ежедневно*, от общей численности населения страны⁴ составляет 86,0 % (таблица 3).

Таблица 3. Удельный вес пользователей Интернета в Беларуси (2015–2024 гг.), данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, в %

Удельный вес пользователей Интернета	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
		67,3	71,1	74,4	79,1	82,8	85,1	86,9	89,5	91,5
Удельный вес населения (6–72 лет), использующего Интернет ежедневно	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
	45,2	48,5	54,3	62,6	68,5	71,3	74,1	78,7	82,1	86,0

¹ Численность населения Республики Беларусь на начало периода (2024 г.) – 9 155 978 чел. Численность молодежи по территории Республики Беларусь на начало периода (2024 г.) – 1 628 339 чел.

² По оценкам международного агрегатора данных DataReportal уровень проникновения интернета в Беларуси на начало 2024 г. сохранился на уровне 89,5 % (от общей численности населения страны) (URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-belarus?rq=Belarus> (дата обращения: 13.06.2025)).

³ Национальный статистический комитет Республики Беларусь: официальный сайт. Минск // URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063268> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Там же.

Современная молодежь активно использует цифровые технологии, при этом ключевым устройством для доступа в интернет остается смартфон. Согласно данным за 2024 г., 96,3 % молодых людей в Беларуси выходят в Сеть именно с мобильных устройств (телефонов, смартфонов), что подчеркивает их доминирующую роль в повседневных практиках. Как отмечают исследователи, столь высокая распространенность смартфонов и мобильных телефонов существенно влияет на форматы подачи информации. В современных условиях обязательным требованием к любому веб-ресурсу становится наличие мобильной версии, а для наиболее востребованных платформ – разработка специализированных приложений [4, с. 62].

Вторым по популярности устройством среди молодых людей стал ноутбук – его используют 47,1% опрошенных. Преимущества ноутбуков (мобильность, компактность, универсальность) играют значимую роль в их популярности среди молодежи, особенно на фоне стационарных компьютеров, которыми они пользуются вдвое реже, – 20,4% опрошенных. Популярность ноутбуков также может быть обусловлена их ценовой доступностью и гибкостью сценариев использования за счет совмещения функций рабочей станции и портативного устройства. Наименее распространенные устройства – планшеты. Используют для выхода в интернет именно планшеты только 14,2% молодых пользователей (рис. 1).

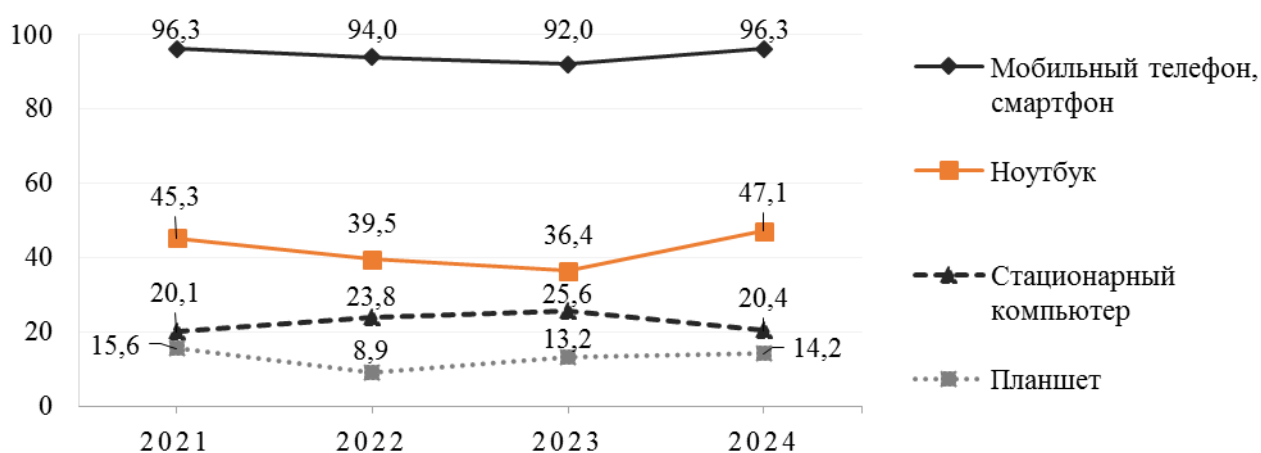

Рис. 1. Использование молодежью Беларуси устройств для выхода в интернет, 18–30 лет, в % от общего числа ответов

Соответственно, можно сделать вывод о том, что предпочтения молодежи отражают общий тренд на мобильность и многофункциональность цифровых устройств, где смартфоны остаются наиболее востребованным и распространенным инструментом, а ноутбуки заняли место стационарных компьютеров, используемых для решения образовательных и профессиональных задач. В свою очередь, планшет – нишевое устройство. Представленные выводы согласуются с результатами исследования А.М. Бельского относительно характера медиапрактик белорусской молодежи в области взаимодействия с социальными медиа в 2021 г.: «<...> мы можем наблюдать снижение востребованности у молодых пользователей социальных сетей таких девайсов для доступа к

ним, как стационарный компьютер и планшет, в пользу их более функциональных аналогов – ноутбука и мобильного телефона» [1, с. 8].

Таким образом, доминирование мобильных устройств формирует новые стандарты цифрового контента и определяет приоритеты в развитии интернет-инфраструктуры, что напрямую связано с цифровой активностью современных пользователей. Влияние мобильных технологий прослеживается в том числе в пользовательской статистике. Согласно отчету DataReportal¹, в январе 2024 г. в Беларуси насчитывалось 8,48 млн интернет-пользователей. Из них 66,4 % (независимо от возраста) использовали как минимум одну платформу социальных медиа². Эта тенденция находит отражение также в эмпирических данных, полученных в ходе исследовательских проектов Института социологии НАН Беларуси в 2021–2024 гг. В рамках исследований респонденты могли указать, «какими социальными сетями они пользуются»³. Перечень платформ (список вариантов ответов) включал наиболее распространенные в Беларуси социальные медиа, исключая нишевые (например, Tumblr или Bluesky). Кроме того, для обеспечения полноты данных в вопрос был включен открытый вариант ответа («другое»), позволяющий респондентам написать о тех платформах, которые не были представлены в основном перечне⁴.

В рамках анализа данных за 2022–2024 гг. было установлено, что пользователи в Беларуси имеют довольно четкие предпочтения в отношении выбора социальных платформ. В соответствии с данными опросов, наиболее популярными платформами оставались Ютуб (YouTube), Инстаграм (Instagram)*, Тикток (TikTok)⁵, ВКонтакте и Одноклассники, тогда как Фейсбук (Facebook)**, Мой мир и X (ранее Twitter) заняли второстепенное положение в структуре пользовательских выборов. На этом фоне особый интерес представляют данные о цифровых практиках молодежи (18–30 лет). Если в целом по стране среди пользователей сохраняется интерес к таким платформам, как Одноклассники (что может быть связано с возрастным фактором), то среди молодежи доминируют Инстаграм*, Тикток, Ютуб и ВКонтакте (рис. 2).

¹ Аналитическая платформа, специализирующаяся на исследовании цифровой аудитории, которая использует агрегированные данные цифровых платформ.

² См. подробнее в отчете Digital 2024: Belarus (URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-belarus> (дата обращения: 10.09.2025)). Результаты основаны на агрегированных данных цифровых платформ и могут варьировать в зависимости от методологии сбора. Соответственно, точная доля населения, полностью исключающего использование социальных медиа, остается неучтенной.

³ На вопрос могли ответить только те респонденты, которые указали, что пользуются интернетом (2022–2024 гг.).

⁴ Отметим долю опрошенных, которые указали, что не пользуются социальными сетями, но пользуются интернетом: 6,9 % в 2022 г., 7,4 % в 2023 г. и 5,9 % в 2024 г.; в *подвыборке молодежи* в возрасте от 18 до 30 лет – 2,4 % в 2022 г., 2,0 % в 2023 г. и 1,2 % в 2024 г.

⁵ Весной 2022 г. Тикток ограничил российским пользователям доступ к прямым эфирам и постингу, просмотру новых видео, загруженных в других странах, и монетизации.

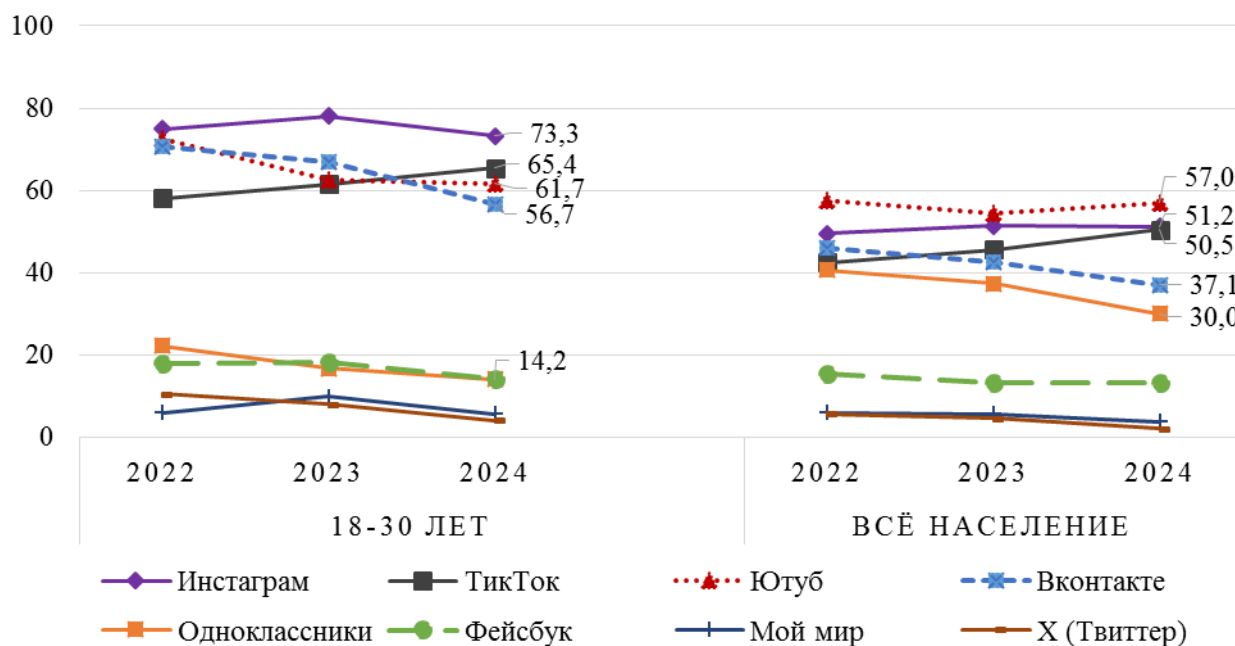

Рис. 2. Пользователи соцсетей, 2022–2024 гг., в % от общего числа ответов

Примечание: на рисунке представлены ответы пользователей интернета.

Далее подробнее остановимся на анализе ответов респондентов, который позволит описать взаимосвязь между социально-демографическими характеристиками белорусской молодежи и выбором ими конкретной платформы. Основное внимание сосредоточено на наиболее популярных платформах, среди которых Инстаграм*, Тикток, Ютуб и Вконтакте, что обусловлено их доминирующей долей в пользовательской аудитории.

Анализ статистических и эмпирических данных последних лет позволил установить, что сегодня Инстаграм* – одна из наиболее крупных и стабильных платформ в медиапространстве Беларуси. По результатам измерений Института социологии НАН Беларуси было установлено, что Инстаграм* занимает лидирующее место у молодежи (по частоте выборов). В 2022 г. указали, что пользуются платформой, 75,0 % молодых жителей Беларуси, в 2023 г. – 78,0 %, в 2024 г. – 73,3 % (рис. 2). Вместе с тем данные свидетельствуют, что на статистически достоверном уровне женщин среди пользователей Инстаграма* больше, чем мужчин¹. т. е., Инстаграм* – ключевая платформа для молодежи и в особенности для женщин. Исследуемая платформа является ключевой также для молодежи с профессионально-техническим или средним специальным, и высшим уровнями образования, а также для молодых горожан² (таблица 4). Отметим, что среди сельской

¹ Пользователи Инстаграма* (в Беларуси) в разрезе пола: в 2022 г. женщины – 83,2 %, мужчины – 66,7 % (различия достоверны по критерию хи-квадрат Пирсона = 9,038, 1 ст. св., уровень значимости = 0,003, для числа ячеек 0 (0,0 %) предполагается значение меньше 5); в 2023 г. женщины – 86,2 %, мужчины – 69,2 % (различия достоверны по критерию хи-квадрат Пирсона = 10,493, 1 ст. св., уровень значимости = 0,001, для числа ячеек 0 (0,0 %) предполагается значение меньше 5); в 2024 г. женщины – 79,7 %, мужчины – 66,7 % (различия достоверны по критерию хи-квадрат Пирсона = 5,188, 1 ст. св., уровень значимости = 0,023, для числа ячеек 0 (0,0 %) предполагается значение меньше 5).

² Доля пользователей среди горожан в 2022 г. – 75,5 %, в 2023 г. – 79,0 %, в 2024 г. – 72,4 %.

молодежи до 2024 г. Инстаграм* аналогичным образом выступал в качестве основной и лидирующей платформы. Однако в 2024 г. Тикток сместил Инстаграм* с первой позиции¹.

Таблица 4. Пользователи социальных медиа в возрасте 18–30 лет, по уровням образования, в % от общего числа ответов

	Среднее общее (11 классов)			ПТО, СС			Высшее		
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Тикток	61,7	79,2	76,0	69,9	63,4	66,0	41,2	48,9	55,3
Инстаграм	78,3	83,0	72,0	75,7	76,2	73,6	71,8	76,6	75,0
Ютьюб	70,0	56,6	60,0	69,9	60,4	56,6	77,6	67,0	68,4
ВКонтакте	75,0	79,2	46,0	73,8	63,4	62,3	63,5	63,8	55,3
Одноклассники	16,7	17,0	18,0	26,2	18,8	14,2	21,2	14,9	13,2
Фэйсбук	8,3	17,0	20,0	19,4	16,8	12,3	23,5	21,3	14,5
X (Твиттер)	6,7	11,3	4,0	12,6	5,9	5,7	10,6	8,5	2,6
Мой мир	5,0	13,2	2,0	4,9	6,9	2,8	8,2	11,7	13,2
Не пользуюсь	0,0	0,0	2,0	0,0	3,0	3,8	1,2	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить + Нет ответа	5,0	0,0	0,0	1,0	4,0	0,9	2,4	1,1	2,6

Примечание: из анализа исключены ответы респондентов с базовым уровнем образования (9 классов): в 2022 г. таких опрошенных в подвыборке молодежи – 0 человек, в 2023 г. – 2 человека, в 2024 г. – 8 человек.

По оценкам белорусских пользователей Инстаграм* все еще занимает лидирующее место по популярности (распространенности) среди молодежи и пользователей в целом. Хотя стоит отметить, что за последние годы Тикток – одна из наиболее быстро растущих платформ в медиапространстве Беларуси (рис. 2).

В рамках гендерного анализа было установлено, что среди молодежи, как и в случае с Инстаграмом*, женщины более активно осваивали Тикток. Имеющиеся данные позволяют сделать такой вывод на основании показателей 2022 г., где количество пользователей Тиктока среди мужчин составило 48,0 %, а среди женщин – 68,0 %². В нашем случае доля женщин-пользователей платформы оставалась стабильно высокой также на протяжении 2023 г. (69,2 %) и 2024 г. (66,7 %), но среди мужчин количество пользователей достигло сопоставимого уровня только к 2024 г. (64,1 %).

Несмотря на доминирующие позиции Тиктока, параметры использования этой платформой среди молодежи Беларуси варьируют в соответствии с образовательным уровнем пользователей. Во-первых, в когорте респондентов со средним общим образованием (11 классов) на протяжении 2022–2024 гг. произошел наиболее заметный прирост аудитории: с 61,7 % (в 2022 г.) до 76,0 % (в 2024 г.) (+14,3 п. п.). В этой же группе респондентов Тикток занял лидирующую позицию в перечне социальных сетей по частоте упоминаний в 2024 г. Во-вторых, молодежь с высшим уровнем образования значительно реже, по собственным оценкам, пользуется платформой. Хотя в целом динамика прироста пользователей (учитывая только 2022–2024 гг.) положительная (таблица 4).

¹ Доля пользователей Инстаграмом среди сельской молодежи в 2022 г. – 72,7 %, в 2023 г. – 74,0 %, в 2024 г. – 78,0 %.

² Различия достоверны по критерию хи-квадрат Пирсона = 10,038, 1 ст. св., уровень значимости = 0,001, для числа ячеек 0 (0,0 %) предполагается значение меньше 5.

Вместе с тем, если в 2022 г. среди городской молодежи безусловными лидерами были Ютуб (74,5 %) и ВКонтакте (72,1 %), а Тикток использовали только 59,3 % опрошенных, то в последующие годы динамика принципиально изменилась. В 2024 г. доля пользователей платформы среди городской молодежи составила 62,3 %, в то же время наблюдался заметный спад популярности Ютуб (до 62,8 %) и ВКонтакте (до 53,3 %). Вклад в рост платформы вносит сельская молодежь: доля пользователей выросла к 2024 г. на +28,2 п. п. и составила 80,5 %.

Кроме того, за анализируемый период сократилась число пользователей Ютуба и ВКонтакте также среди мужчин, женщин и опрошенных всех образовательных групп (со средним общим, средним специальным, профессионально-техническим и высшим) (таблица 4). В отношении использования молодежью ВКонтакте стоит добавить, что белорусская аудитория платформы сокращается во всех исследуемых когортах, за исключением сельской молодежи. По данным 2024 г. разрыв в долевым соотношении между городскими и сельскими пользователями составил 19,9 %, т. е. количество пользователей ВКонтакте среди горожан – 53,3 %, среди сельских жителей – 73,2 %¹.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о предпочтениях белорусской молодежи (18–30 лет) в отношении использования социальных медиа. Определено преобладание визуально-ориентированных платформ (Инстаграм*, Тикток) среди молодежи, что соответствует мировым трендам популярности контента в формате «коротких видео». Инстаграм* сохраняет лидерство по частоте использования (популярности), особенно среди женщин, горожан и молодежи с профессионально-техническим, средним специальным и высшим образованием. В свою очередь, Тикток демонстрирует наиболее динамичный рост среди респондентов со средним общим образованием (11 классов) и сельской молодежи. Аудитория платформ Ютуб и ВКонтакте сокращается во всех исследуемых группах, за исключением сельской молодежи (в случае ВКонтакте). Результаты исследования позволяют сделать вывод о необходимости дальнейшего мониторинга платформенной динамики аудитории в Беларуси с учетом социально-демографических факторов.

Библиографический список

1. Бельский А.М. Медиапрактики современной белорусской молодежи в пространстве социальных сетей и мессенджеров (по материалам социологических исследований) // Современная молодежь и общество : сб. науч. тр. Минск: РИВШ, 2024. Вып. 12. С. 5–12. EDN: MUFNNO
2. Брунс А. Реальна ли стена фильтров?. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 120 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2702-3 ISBN: 978-5-7598-2702-3 EDN: VPIDLU
3. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: Рипол-Классик, 2019. 384 с. ISBN 978-5-386-13461-7
4. Кудревич М.А., Шкурова Е.В. Место социальных сетей и мессенджеров в информационном пространстве Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023. № 1. С. 57–64. DOI: 10.33581/2520-2251-2023-1-57-64 EDN: IJRKTA

¹ Различия достоверны по критерию хи-квадрат Пирсона = 5,485, 1 ст. св., уровень значимости = 0,019, для числа ячеек 0 (0,0 %) предполагается значение меньше 5.

5. Bakardjieva M. Social media and the McDonaldization of friendship. // *Communications*. 2014. Vol. 39, № 4. P. 369–387. URL: <https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/commun-2014-0017/html> (дата обращения: 13.06.2025). DOI: 10.1515/commun-2014-0017
6. Brubaker R. Digital hyperconnectivity and the self // *Theory and Society (An Interdisciplinary Social Science Journal)*. 2020. Vol. 49. P. 771–801. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11186-020-09405-1> (дата обращения: 13.06.2025). DOI: 10.1007/s11186-020-09405-1 EDN: RYJCHN
7. Deuze M. Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture. // *The Information Society*. 2006. Vol. 22, № 2. P. 63–75. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01972240600567170> (дата обращения: 11.06.2025). DOI: 10.1080/01972240600567170
8. Erstad O. et al. How digital technologies become embedded in family life across generations: scoping the agenda for researching 'platformised relationality' / Erstad O., Hegna K., Livingstone S., Negru-subtirica O., Stoilova M. // *Families, Relationships and Societies*. 2024. Vol. 13(2). P. 164–180. DOI: 10.1332/20467435Y2024D000000023
9. Lessig L. *Free culture: how big media uses technology and the law to lock down culture and control creativity*. New York: The Penguin Press, 2004. 346 p. URL: <https://www.loc.gov/item/2019666613/> (дата обращения: 12.06.2025). ISBN 1-59420-006-8
10. Livingstone S. *The Class. Living and Learning in the Digital Age* / Livingstone S., Sefton-Green J. New York: New York University Press, 2016. 356 p. ISBN 978-1-4798-2424-3

УДК [316.627:61]-053.6:303.425.2(476)

EDN MRRRUP

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-25-39

Горбунова Валерия Романовна,
студент 4 курса направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15
leragorbunova13@mail.ru

Маркова Юлия Сергеевна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15
julyamarkova@gmail.com
SPIN-код: 9951-6137
Researcher ID: ABG-6689-2021

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ: ПРАКТИКИ, БАРЬЕРЫ И РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОГО УЧАСТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРА СОЦИАЛЬНОГО ВОЛОНТЕРСТВА ПГНИУ)

В статье представлены результаты социологического анализа деятельности студенческой волонтерской организации, направленного на выявление ключевых практик, барьеров и ресурсов, определяющих устойчивость участия добровольцев. Эмпирическую базу составили 8 глубинных интервью с волонтерами Центра социального волонтерства ПГНИУ, проанализированных с использованием стратегии «обоснованная теория». В ходе исследования выделены основные практики деятельности (выездные мероприятия, рутинная работа, проектная деятельность, обучение) и установлена их дифференциация в зависимости от статуса волонтера. Выявлены параметры организованности работы, влияющие на мотивацию и удержание: четкость задач, наличие обратной связи, учет мнения волонтеров, ресурсное обеспечение. Основным теоретическим результатом стала разработка двухконтурной модели устойчивости участия. Показано, что формальный организационный контур является необходимым, но недостаточным условием удержания волонтеров; критическое значение имеет доступ к межличностному контуру неформальных связей и поддержки. Определены барьеры, блокирующие доступ к данному контуру (дефицит неформального общения, факультетская стратификация, иерархический барьер). Раскрыто влияние волонтерского опыта на профессиональное самоопределение, демонстрирующее структурное неравенство ядра и периферии в доступе к развивающим практикам. Сформулированы практические рекомендации по повышению устойчивости участия и профилактике выгорания.

Ключевые слова: студенческое волонтерство, устойчивость участия, организационные практики, барьеры участия, межличностные связи, социальный капитал, профессиональное самоопределение, качественное исследование, обоснованная теория

Ссылка для цитирования: Горбунова В.Р., Маркова Ю.С. Социологический анализ деятельности волонтеров: практики, барьеры и ресурсы устойчивого участия (на примере Центра социального волонтерства ПГНИУ) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 25–39. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-25-39> EDN MRRRUP

Valeria R. Gorbunova,
4th year student of the field "Sociology"
Perm State University,
15 Bukireva St., Perm, Russia, 614068
leragorbunova13@mail.ru

Yulia S. Markova,
PhD in Sociology
Associate Professor of the Department of Sociology
Perm State University,
15 Bukireva St., Perm, Russia, 614068
julyamarkova@gmail.com
ORCID: 9951-6137
SPIN-код: 9951-6137

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF VOLUNTEER ACTIVITIES: PRACTICES, BARRIERS, AND RESOURCES OF SUSTAINABLE PARTICIPATION (ON THE EXAMPLE OF THE PGNIU SOCIAL VOLUNTEERING CENTER)

The article presents the results of a sociological analysis of the activities of a student volunteer organization aimed at identifying key practices, barriers, and resources that determine the sustainability of volunteer participation. The empirical base consists of 8 in-depth interviews with volunteers of the PGNIU Center for Social Volunteering, which were analyzed using the grounded theory strategy. The study identified the main practices of activity (field events, routine work, project activities, and training) and established their differentiation depending on the status of the volunteer. The parameters of work organization that affect motivation and retention have been identified: clarity of tasks, availability of feedback, consideration of volunteers' opinions, and resource provision. The main theoretical result was the development of a two-loop model of sustainability of participation. It has been shown that a formal organizational loop is a necessary but insufficient condition for retaining volunteers; access to an interpersonal loop of informal connections and support is critical. Barriers that block access to this loop have been identified (lack of informal communication, faculty stratification, and hierarchical barriers). The impact of volunteer experience on professional self-determination is revealed, demonstrating the structural inequality of the core and periphery in terms of access to developmental practices. Practical recommendations are formulated to increase the sustainability of participation and prevent burnout.

Keywords: student volunteering, sustainability of participation, organizational practices, barriers to participation, interpersonal relationships, social capital, professional self-determination, qualitative research, grounded theory

For citation: Gorbunova V.R., Markova Yu.S. [Sociological analysis of volunteer activities: practices, barriers, and resources of sustainable participation (on the example of The PGNIU Social Volunteering Center)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 25–39 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-25-39>, EDN MRRRUP

Введение

В современном российском обществе волонтерское движение приобретает характер значимого социального феномена, демонстрируя устойчивую динамику роста, особенно в студенческой среде. Развитие и популяризация волонтерского движения, студенческого самоуправления направлены на повышение уровня социальной активности студентов и являются одной из приоритетных задач учебно-воспитательной работы в вузе [10]. Волонтерское движение, выступая значимым элементом гражданского общества, играет ключевую роль в преодолении социальных вызовов и укреплении общественной солидарности. Его многогранность, обусловленная взаимодействием индивидуальных, организационных и системных факторов, требует комплексного научного осмысления [4, с. 129–130].

Активная социальная деятельность играет ключевую роль в формировании гражданской позиции, патриотизма и моральных принципов у молодежи. В частности, волонтерство обладает значительной социальной ценностью для общества и является важным инструментом в социализации молодого поколения [3, с. 1]. Государство и общественные институты рассматривают добровольчество как важный ресурс решения социальных проблем, как инструмент формирования гражданской активности и патриотического воспитания молодежи. В России, благодаря совместным усилиям общества и государства, сформированы основы государственной политики, направленной на содействие, развитие и поддержку добровольчества. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [2], говорится о содействии добровольческой деятельности (волонтерству), а Федеральным законом от 5 февраля 2018 г. N 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» [3], вступившим в силу с 1 мая 2018 года, добровольчество отнесено к приоритетным направлениям социальной и молодежной политики.

Однако при всей внешней поддержке и позитивной риторике внутренние процессы, протекающие в волонтерских организациях, механизмы взаимодействия между участниками, а главное – влияние этой деятельности на жизненные и профессиональные траектории самих волонтеров, остаются «невидимыми» и слабо систематизированными. На сегодняшний день существует противоречие между формальной, внешне декларируемой стороной волонтерства как бескорыстной помощи нуждающимся и его внутренней, латентной функцией, которая для самого участника может выступать важным социальным лифтом, пространством личностного роста и профессионального становления. Это же противоречие порождает проблемную ситуацию: с одной стороны, волонтерские организации призваны привлекать и удерживать студентов, с другой стороны, внутренние механизмы их работы достаточно часто остаются стихийными, неосознанными. Иногда даже воспроизводят структурное неравенство, при этом создавая барьеры для включения волонтеров-новичков и реализации потенциала абсолютно каждого.

Волонтерство, в первую очередь, является ресурсом для развития карьеры [5] и самореализации студентов [6]. Оно также влияет на профессиональное самоопределение молодежи, повышает мотивацию к обучению в университете [7], способствует формированию профессиональной компетентности [8], а также играет важную роль в развитии культуры гражданственности и социальной сплоченности [9]. Несовершенство внутренних практик взаимодействия, отсутствие какой-либо системной работы с мотивацией и поддержкой приводит к оттоку волонтеров, не позволяя им в полной мере использовать волонтерский опыт для накопления социального капитала и профессионального самоопределения.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа внутренних механизмов функционирования студенческой волонтерской организации и понимания того, какие факторы в действительности определяют решение студента остаться в этом движении или же нет. Целью является исследование внутренних

механизмов взаимодействия в студенческой волонтерской организации (на примере Центра социального волонтерства (ЦСВ) ПГНИУ). Исследовательский вопрос: какое влияние на устойчивость участия студентов и их профессиональное самоопределение оказывают организационные практики и модели взаимодействия, характеризующие деятельность студенческой волонтерской организации?

Методы

Исследование опирается на качественную традицию, что обусловлено необходимостью глубокого понимания смыслов, которые волонтеры видят в своей деятельности, а также выявления скрытых, неочевидных практик внутри организации. Такой подход позволяет зафиксировать не только формальные практики, но и латентные процессы, недоступные для количественного измерения. Эмпирической базой работы выступил Центр социального волонтерства Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). Выбор данной организации обусловлен ее длительным опытом работы, наличием устойчивого «ядра» участников, разнообразием реализуемых практик (от выездных мероприятий до проектной деятельности). В качестве основного метода сбора информации использовалось **глубинное интервью**. Данный метод был выбран как наиболее релевантный для решения поставленных задач, поскольку он позволяет получить развернутые нарративы информантов об их личном опыте вхождения в организацию, преодоления барьеров, участия в различных практиках и осмысления влияния волонтерства на их жизнь и профессиональные планы. Гайд интервью включал блоки вопросов, посвященные мотивации входа, описанию повседневной деятельности, взаимодействию с другими участниками и руководством, восприятию организационных процедур, а также рефлексии относительно приобретенного опыта и его связи с будущей профессией. Отбор информантов осуществлялся с использованием **комбинированной выборки**, сочетающей в себе две стратегии. На начальном этапе применялся **целевой отбор**, в дальнейшем для расширения выборки и выхода на «невидимых» участников был задействован **метод «снежного кома»**: первые информанты рекомендовали для интервью других волонтеров, в том числе тех, кто находится на периферии или реже проявляет себя в деятельности. Общий объем выборки составил **8 информантов** – действующих волонтеров Центра социального волонтерства ПГНИУ. Среди информантов представлены как волонтеры, входящие в так называемое «ядро» организации (участвующие в планировании, проектной деятельности и принятии решений), так и периферийные участники, чья роль ограничена исполнительскими функциями. Такая структура выборки позволила зафиксировать различные траектории включения и удержания в волонтерской деятельности. Обработка и интерпретация полученных данных проводилась с использованием стратегии **«обоснованная теория»** («*Grounded theory*»). Анализ осуществлялся в три этапа: на первом этапе проводилось **открытое кодирование** транскриптов интервью, в ходе которого вычленялись смысловые единицы и присваивались первичные коды; на втором этапе посредством **осевого кодирования** выявленные коды группировались в более абстрактные категории, между которыми устанавливались смысловые связи; на заключительном этапе **избирательного кодирования** была выделена стержневая категория («путь к своим»), интегрирующая все остальные категории и позволяющая построить теоретическую модель –

двухконтурную модель устойчивости волонтерского участия. В тексте представлены оригинальные цитаты из интервью с указанием кода интервью.

Основные практики волонтерской деятельности

Результаты анализа позволили определить центральный феномен исследования: *«Устойчивость участия: траектория удержания волонтера через преодоление организационных барьеров и формирования профессиональной идентичности»*.

Вся совокупность полученных данных показывает, что устойчивость участия – это не статичное состояние, а процесс, который имеет: точки входа (мотивация, сомнения), барьеры (организационные, коммуникативные, статусные), механизмы преодоления (поддержка, самопреодоление, активность, проба), промежуточные исходы (включение в ядро / периферийное участие), итоговые эффекты (профессиональная идентичность, капитал, выгорание, отток).

Проведенный анализ позволил выделить основные практики волонтерской деятельности, реализуемые в Центре социального волонтерства, каждая из которых обладает своими характеристиками и по-разному влияет на устойчивость участия волонтеров.

Наиболее распространенным форматом выступают **выездные мероприятия** – практически все информанты отмечали, что они *«ездят на выезды»* и принимают *«участие в мероприятиях»*. Такая практика, с одной стороны, дает волонтерам непосредственный опыт взаимодействия с благополучателями и погружения в деятельность, но с другой – требует значительных ресурсов, прежде всего времени и средств на транспорт, что создает барьеры для регулярного участия.

Важной характеристикой организации работы является **соотношение реактивной и проактивной моделей**: в одних случаях деятельность строится «по запросу», когда внешние партнеры приглашают волонтеров для помощи, в других – волонтеры и организаторы проявляют инициативу и *«сами подают заявку»*. Исследование показывает, что проактивность напрямую связана с более высокой включенностью: те, кто участвует в инициировании деятельности, демонстрируют и бóльшую приверженность организации.

Особое место занимает **складская или рутинная работа**, связанная с сортировкой вещей, «перебиранием вещей» на складе. Несмотря на монотонность работы, как раз в процессе этой работы появляется спонтанное общение: волонтеры сближаются, делятся своим опытом друг с другом, а также историями о том, *«как сюда попали, где уже были»*.

Проектная деятельность: «Школа волонтерства», Inclusive Dance, СтудИн. Однако, как выяснилось в ходе интервью, доступ к проектному опыту открыт далеко не для всех – он концентрируется преимущественно в ядре организации, что создает фактор неравенства и ограничивает возможности профессионального роста для периферийных волонтеров.

Практики **обучения** реализуются в нескольких формах: через наставничество, когда более опытные волонтеры передают знания новичкам; через неформальную передачу *«фишек и лайфхаков»*; через формальные обучающие мероприятия, такие как «Школа социального волонтерства». Обучение, несомненно, повышает компетентность участников, однако, судя по данным, оно носит скорее ситуативный, чем системный характер, и его

доступность также варьируется в зависимости от позиции волонтера в организационной структуре.

Уровень вовлеченности волонтеров варьируется в зависимости от их статуса. Наиболее опытные участники (ядро) получают возможность заниматься проектной работой, проявлять инициативу и выступать в роли наставников. В то же время волонтеры с меньшим опытом (периферия) преимущественно выполняют рутинные задачи, следуют инструкциям и участвуют в выездных мероприятиях. Такая дифференциация приводит к формированию различных путей обеспечения долгосрочной активности и приверженности волонтеров.

Влияние организованности работы на результат волонтерской деятельности

Анализ организационных аспектов деятельности в ЦСВ позволил установить ряд характеристик. Каждая из них демонстрирует определенную взаимосвязь с результатами деятельности и стабильностью участия студентов.

Ключевым фактором является четкое **определение и распределение обязанностей**, что обеспечивает единое понимание рабочих процессов в организации. Такая определенность снижает хаос и повышает предсказуемость деятельности, что особенно значимо для волонтеров на этапе входа, позволяя им быстрее ориентироваться в своих обязанностях:

«Руководитель дает четкие задания: каждый отвечает за свою часть...» (И1);

«У нас все схвачено...» (И2).

Интересным оказался параметр **наличия или отсутствия формальных ролей**: в разных подразделениях или на разных уровнях организации могут существовать как жестко закрепленные роли, так и ситуации, где, по словам информантов, *они действуют интуитивно, «как получится»*. Исследование показывает, что обе модели могут быть работоспособными, и их эффективность зависит скорее от контекста и согласованности ожиданий, чем от самой по себе формализации:

«Распределение ролей между организаторами центра, что каждый занимается своей деятельностью...» (И2);

«У нас нет каких-то таких ролей, которые мы даем друг другу...» (И4).

Для развития и мотивации волонтеров крайне важны **рефлексия и обратная связь**. Когда они получают отзывы, обсуждают свои действия и разбирают ошибки, то видят плоды своего труда и понимают, что делать дальше. Но, как показали интервью, со временем организация реже проводит рефлексию, что грозит уменьшением обратной связи:

«Когда больше положительных отзывов, то понятно, что все получилось...» (И1);

«Обратная связь – это, наверное, лучшая благодарность...» (И6);

«Рефлексия у нас была на каких-то первоначальных этапах, но сейчас такое очень редко бывает...» (И4).

Одним из ключевых аспектов является **учет мнения самих волонтеров**, который охватывает как формальное ознакомление с их точкой зрения, так и активное вовлечение в процесс принятия решений. Степень учета мнения напрямую влияет на удовлетворенность и их субъективное ощущение собственной ценности для организации:

«Потом вместе уже принимаем решение...» (И2);

«Я высказываю сначала свое мнение и там уже как бы от этого и отталкиваемся...» (И6).

Хотя **система поощрений** (баллы за активность с обменом на мерч, сертификаты, статуэтки, устные благодарности) стимулирует волонтеров, она не является главным фактором их удержания. Волонтеры больше мотивированы внутренними причинами и смыслом своей деятельности:

«Большая мотивация это когда благодарят за проделанную работу...» (И6);

«Просто хорошо, когда уже сказали лично, что спасибо за то, что сходил куда-то, помог чем-то...» (И4);

«Не благодарность бумажная, а от тех, кому ты действительно смог помочь...» (И1).

Наконец, **ресурсное обеспечение** выступает важным условием реализации деятельности: организация привлекает грантовые средства, решаются вопросы транспорта, но ключевым ресурсом сами волонтеры называют время и накопленный опыт. При этом дефицит любого из ресурсов становится реальным барьером, ограничивающим как возможности участия, так и масштаб реализуемых проектов:

«Пишем гранты, получаем деньги таким образом на наши мероприятия...» (И2);

«Главными ресурсами, наверное, являются больше время и желание...» (И6);

«Сил и времени чаще всего не хватает...» (И7).

Рис. 1. Организованность работы волонтеров

Организованность влияет на результаты через два ключевых механизма (см. рис. 1): предсказуемость и снижение тревоги (четкие задачи + доступность руководства + понятная коммуникация = волонтер знает, что делать, отсюда снижение барьера входа, повышение уверенности), а также признание и обратная связь (рефлексия + персонализированная благодарность + учет мнения = волонтер видит свой вклад, отсюда преодоление «чувства незначительности», укрепление идентичности).

Но организованность неравномерна: для ядра – высокая включенность в планирование, доступ к ресурсам, а для периферии – «нам выдают задачи», «нас информируют».

Влияние волонтерского опыта на профессиональное самоопределение

Волонтерский опыт оказывает непосредственное влияние на профессиональное самоопределение участников, однако характер этого влияния различается в зависимости от траектории, по которой движется волонтер. Анализ позволил выделить четыре такие траектории (см. табл 1).

1) **профессионализация**, при которой волонтерство становится входом в профессию, пространством накопления профессионального капитала и подтверждения правильности выбора;

2) **проба или ориентация**, когда волонтер понимает, что сфера ему интересна, но не связывает с ней карьеру напрямую;

3) **хобби или отдушина, т. е.** деятельность, которая служит источником личного удовлетворения и эмоционального восстановления. Ценность заключается в самой возможности проявить себя с лучшей стороны, а не в потенциале для карьерного роста;

4) **критическая траектория**, некий переломный момент, когда волонтерская деятельность становится пространством для саморефлексии, вызывая сомнения относительно собственной компетентности или правильности принятых решений, что также значимо для самоопределения.

Существует четкая взаимосвязь между тем, как волонтерские траектории развиваются, и положением волонтера в организации. Те, кто находится в «ядре», имеют доступ к проектному опыту, наставничеству и доверию руководства, чаще формируют сильную профессиональную идентичность и идут по пути профессионального роста. Волонтеры на «периферии», напротив, ограничены в возможностях: их опыт в основном состоит из рутинных задач, а профессиональный капитал невелик. Поэтому они чаще рассматривают волонтерство как хобби или временную пробу, получая эмоциональное удовлетворение или общую ориентацию, но не реальные ресурсы для построения карьеры. Таким образом, организация, сама того не осознавая, формирует неравенство в доступе к опыту, способствующему профессиональному развитию, что напрямую влияет на карьерные пути ее участников.

Таблица 1. Влияние волонтерства на профессиональное самоопределение

Механизм влияния	Проявления	Условия возникновения
Приобретение навыков	Коммуникация, организация, решение проблем, анализ, гибкость, эмпатия	Все интервью – универсально
Знакомство с профессией	Работа с инвалидами, аутистами, жертвами насилия	Специфика деятельности (социальная работа)
Подтверждение выбора	«Это мое», «внутренние ощущения, что нравится», «укрепило связь»	Доступно большинству, особенно при совпадении специальности
Накопление капитала	Опыт в резюме, связи с организациями, знание специфики	Зависит от активности и статуса
Ролевое моделирование	«Примерка роли разнорабочего», «анализ работодателя»	Рефлексивные информанты
Сомнение/ подтверждение	«Думала, это не мое» → «можно работать в этой сфере»	Трансформация стереотипов
Волонтерство = работа	«Это непосредственно наша работа»	Высокая идентификация
Волонтерство = хобби/отдушина	«Скорее как хобби», «работа, греющая душу»	Альтернативная траектория

Двухконтурная модель устойчивости волонтерства

Предложенная ниже схема (см. рис. 2) описывает формирование устойчивости волонтерского участия через взаимодействие двух контуров. **Организационный контур** включает четкость задач, доступность информации, обратную связь, систему поощрения и ресурсы – он обеспечивает предсказуемость и понимание того, «что делать». **Межличностный контур** складывается из наличия близкого человека, неформального общения, поддержки и доверия – он создает эмоциональную безопасность и чувство ценности.

Устойчивость возникает именно на пересечении этих контуров, однако доступ к ним распределен неравномерно, что формирует четыре типа волонтеров. **Ядро** имеет высокий доступ к обоим контурам, что дает максимальную устойчивость и профессионализацию. **Интегрированная периферия** обладает средним доступом к организационному контуру и наличием друга или микрогруппы, что обеспечивает высокую устойчивость при отсутствии лидерских позиций. **Автономная периферия** при среднем доступе к организации не нуждается в межличностной интеграции, воспринимая волонтерство как хобби, и устойчива за счет дистанции. **Изолированная периферия** имеет минимальный доступ к обоим контурам, что создает риск оттока и выгорания.

Ключевые барьеры устойчивости:

1. Дефицит неформального общения – хронический, признается всеми. Прямое следствие: периферия не интегрируется, ядро замыкается в себе.
2. Факультетская стратификация – «свои» (юридический факультет) получают преимущественный доступ в ядро.
3. Иерархический барьер – неловко писать старшим, боязнь отвлечь.
4. Неравный доступ к развивающему опыту – проектные навыки получает только ядро.
5. Эмоциональное выгорание – следствие интенсивной работы без достаточной поддержки и «отделения».
6. Чувство незначительного вклада – несмотря на объективную важность, многие субъективно не видят своего влияния.

Таким образом, устойчивость участия определяется не только качеством организации, но и тем, насколько волонтер включен в неформальные отношения, причем это включение распределено в организации неравномерно, создавая разные траектории и разные уровни устойчивости.

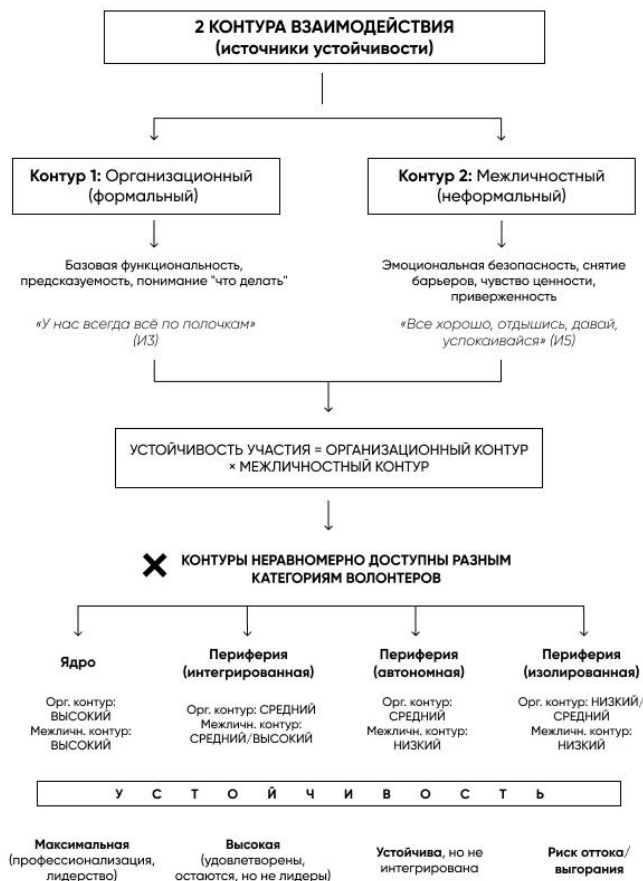

Рис. 2. Формирование устойчивости волонтерского участия

Двухконтурная модель устойчивости волонтерского участия «Путь к своим: преодоление барьеров включения и обретение идентичности в двухконтурной системе волонтерской организации» (см. табл. 2):

- Присутствует во всех интервью – каждый информант описывает свой путь в организацию, барьеры на входе и процесс включения в «свои».
- Связывает все ключевые категории – организационные практики, взаимодействие, барьеры, ресурсы, трансформацию, профессиональное самоопределение, все это работает на описание траектории включения.
- Объясняет вариативность – почему одни становятся ядром, другие остаются на периферии, третьи уходят, четвертые устойчивы без интеграции.
- Имеет теоретическую значимость – выходит за рамки описания конкретной организации и позволяет говорить об общих механизмах устойчивости участия в добровольческих движениях.
- Отвечает на исследовательский вопрос – напрямую связывает организационные практики и модели взаимодействия с устойчивостью участия и профессиональным самоопределением.

Таблица 2. Категории двухконтурной модели включения волонтеров

Стержневая категория: «Путь к своим»			
№	Категория	Содержание	Связь со стержневой категорией
1	Вход и первичные барьеры	«Первое время, да, конечно, было тяжело...» (И7); «Было как-то тревожно...» (И7); «Мне скорее надо было туда вот так втиснуться...» (И5).	Начало пути. Определяет, насколько сложным будет «путь к своим». Чем выше барьеры и чем меньше поддержки на входе, тем длиннее и болезненнее траектория.
2	Организационный контур (формальные практики)	«Довольно четкие графики, в какой момент кто что делает...» (И5); «У нас проводятся собрания...» (И2); «В конце года проводился итоги, и нам давали сертификаты за активное участие...» (И5); «Скорее всего, из-за того, что я с другого факультета, и они себе набирают, возможно, в костяк людей со своего факультета» (И5).	Формальная трасса пути. Создает предсказуемость, но недостаточна для превращения в «своего». Без второго контура ведет к периферийному участию или оттоку.
3	Межличностный контур (неформальные связи)	«Когда рядом находиться знакомый человек, с которым хорошо общаешься, это уже своего рода поддержка – моральная» (И1); «Доверие и поддержка между участниками» (И2).	Ключевой механизм пути. Именно здесь происходит превращение из «волонтера» в «своего». Доступ к этому контуру неровный – факультет, статус, активность.
4	Стратегии преодоления	«Надо было перебороть себя немного и подойти к человеку, поболтать...» (И5); «Наступить себе на горло...» (И7); «Поддержка дала мне сделать такой вот ответственный шаг, чтобы я стала частью центра...» (И2).	Инструменты движения. Кто-то использует поддержку, кто-то самопреодоление, кто-то демонстрацию активности. От выбора стратегии зависит скорость и качество включения.
5	Исходы пути – позиция в организации	«Великая четверка – это просто друг друга поддерживаем...» (И3); «Костяк из людей, которые на соцработе учатся...» (И5); «Мы не сильно сближаемся...» (И8); «Для меня это как отдушина...» (И8).	Результат прохождения пути. Не все доходят до «своих». Некоторые остаются на периферии, но сохраняют устойчивость. Другие формируют автономную траекторию (хобби/отдушина).
6	Трансформация идентичности	«Если сравнить тогда и сейчас, то это как два разных человека...» (И1); «Я очень сильный патриот того, что я делаю...» (И3); «Происходит становление тебя как личности...» (И3).	Глубинный результат пути. Изменение самооценки, обретение уверенности, формирование профессиональной идентичности. Даже периферия трансформируется.
7	Цена пути и риски	«Уходит и много моральных сил, и физических...» (И7); «Я уже начала сомневаться в какой-то момент, что я добрый человек...» (И8); «Была только как волонтер, это мне именно навыков в создании проектов не дало...» (И5).	Обратная сторона пути. Высокая цена включения, неравный доступ к развивающему опыту, экзистенциальные сомнения. Организация теряет тех, кто не выдерживает или не получает доступа к ресурсам.

Студент приходит в волонтерский центр с исходной мотивацией (желание помогать) и исходным состоянием – тревога, стеснительность, сомнения, непонимание «как тут все устроено». Уже на этом этапе начинается путь к своим, длина и сложность которого зависят от двух факторов – наличия поддержки на входе и факультетской принадлежности.

Организация встречает его двумя контурами взаимодействия, работающими параллельно, но с разной доступностью (см. рис. 3).

Контур 1 (организационный) доступен всем. Это чат, где вся жизнь; это четкие или не очень задачи; это редкие собрания; это система поощрений. Этот контур обеспечивает функциональность – волонтер знает, куда ехать, что делать, кому писать. Он снижает тревогу неопределенности. Но этот контур не делает «своим».

Контур 2 (межличностный) – то, что превращает волонтера в «своего». Это близкие люди в команде, к которым можно подойти и просто посидеть, обнять, поговорить. Это поддержка, которая помогает сделать шаг, когда сомневаешься. Это неформальные встречи, совместное творчество, студквартира, доверие. Этот контур дефицитен и распределен неравномерно.

Доступ ко второму контуру заблокирован для многих несколькими барьерами:

- Хронический дефицит неформальных встреч – организация их не обеспечивает системно.
- Факультетская стратификация – «свои» (юридический факультет) получают преимущественный доступ к ядру.
- Иерархический барьер – новичкам неловко писать старшим, они боятся отвлечь.
- Неравный доступ к развивающему опыту – проектная деятельность, наставничество, доверие концентрируются в ядре.

Не все доходят до ядра. Возможны три устойчивые траектории:

1. *Ядро* – волонтеры, включенные в оба контура. Они имеют доступ к неформальному общению, доверию, проектному опыту. Они идентифицируют себя с организацией («патриот дела», «великая четверка»). Их устойчивость максимальна, профессионализация выражена.

2. *Интегрированная периферия* – волонтеры, которые не вошли в ядро, но нашли «своего» человека в команде или микрогруппу. У них есть поддержка, они удовлетворены, устойчивы, но их опыт ограничен исполнительскими ролями. Они не получают проектных навыков, но приобретают коммуникативные.

3. *Автономная периферия* – волонтеры, для которых деятельность является «отдушиной» или «хобби». Они не стремятся в ядро, им не требуется глубокая интеграция. Они устойчивы, пока деятельность остается «не в тягость». Их профессиональная идентичность формируется иначе, не через карьеру, а через ценности.

Существует и четвертая, негативная траектория – отток. Она не зафиксирована в интервью напрямую, но реконструируется через: выгорание, чувство незначительности, отсутствие интеграции и конкуренцию других активностей.

Главный вывод теории: устойчивость участия и профессиональное самоопределение волонтера определяются не столько формальной организацией работы, сколько доступом к межличностному контуру. Тот, кто находит «своих», остается и развивается. Тот, кто остается только в формальном контуре, – либо остается на периферии (устойчиво, но с ограниченным опытом), либо уходит (выгорание, незначимость, конкуренция активностей).

По результатам исследования выделен организационный парадокс: Центр социального волонтерства, миссия которого – помощь другим, сам воспроизводит структурное неравенство в доступе к помощи «своим». Неформальные встречи, поддержка новичков, наставничество, проектный опыт – это ресурсы, которые концентрируются в ядре и не институционализированы как доступные всем.

Таким образом, теория двухконтурной устойчивости волонтерского участия может быть конкретизирована в следующем: устойчивость участия студента в волонтерской

организации определяется степенью его включенности в два контура взаимодействия: организационный (формальные практики, задачи, информация) и межличностный (неформальные связи, поддержка, доверие, близкие отношения). Организационный контур доступен всем и обеспечивает базовую функциональность. Межличностный контур дефицитен и распределен неравномерно, что создает структурное неравенство между ядром и периферией. Доступ к межличностному контуру зависит от: наличия поддержки на входе, факультетской принадлежности, демонстрируемой активности.

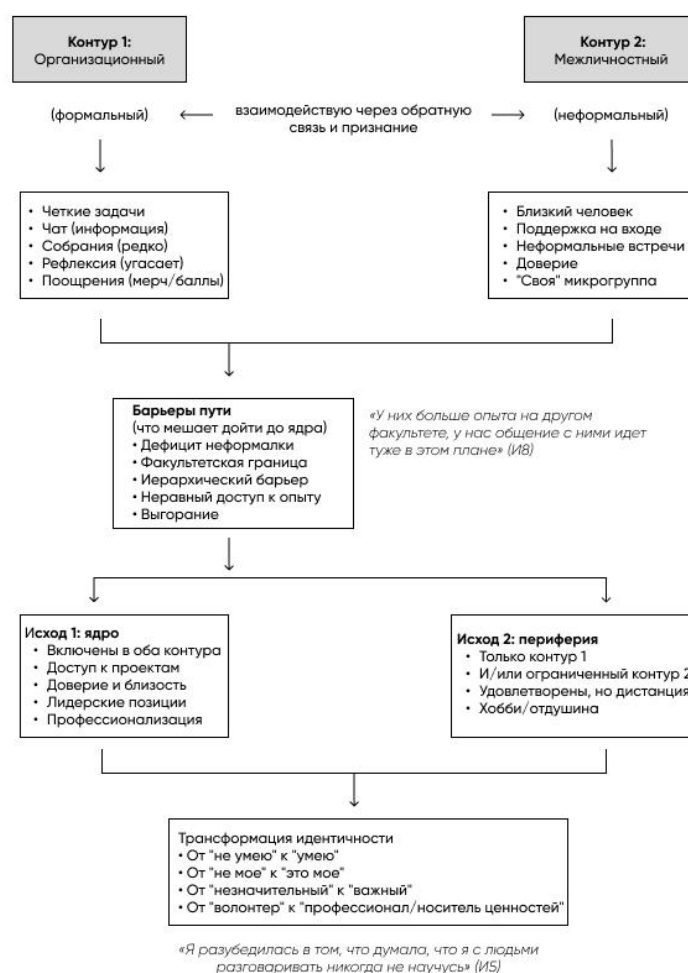

Рис. 3. Стержневая категория «Траектория включения»

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать ряд важных выводов о влиянии организационных практик и моделей взаимодействия на устойчивость участия волонтеров и их профессиональное самоопределение. Прежде всего, было установлено, что сами по себе организационные практики, даже при их формальной эффективности, не гарантируют устойчивости участия. Устойчивое волонтерское участие требует не только организационной предсказуемости (включая распределение задач, коммуникацию и информационную доступность), но и, что более важно, развитого межличностного контура. Этот контур, включающий неформальное взаимодействие, эмоциональную поддержку и формирование близких отношений, является критическим фактором долгосрочной вовлеченности. Отсутствие неформального общения, особенно для волонтеров, находящихся на периферии

организационного контура, представляет собой значительное препятствие для их эффективной деятельности. Основной проблемой, ограничивающей продуктивность работы, прежде всего для тех волонтеров, которые состоят в ядре организации, является недостаток неформального общения. При этом, как показывают данные глубинных интервью, отдельные волонтеры могут проявлять активность и без тесных взаимосвязей с командой. В целом, эффективность волонтерской деятельности обусловлена следующими аспектами: присутствие в команде неформального лидера, оказывающего поддержку и защиту; наличие интересных для студентов-волонтеров видов активностей, которые воспринимаются скорее как вид досуга, нежели обязанность; отсутствие эмоционального выгорания, которое зачастую проявляется, если первые два пункта не выполняются.

Исследование позволило установить, что волонтерство оказывает значительное влияние на профессиональный выбор и развитие карьеры, помогая студентам найти свое призвание. Однако степень этого влияния зависит от роли волонтера в организации. Волонтеры, занимающие ключевые организационные позиции, более успешно развивают управленческие и проектные компетенции. В то же время волонтеры на второстепенных ролях, хотя и остаются мотивированными, прежде всего, улучшают коммуникативные навыки и поддерживают свои ценностные ориентации, однако их профессиональное становление остается ограниченным. Для студентов профильных направлений, например, будущих социальных работников, волонтерство имеет особую ценность, поскольку позволяет получить профессиональный опыт и реалистичное представление о будущей работе.

Опираясь на сделанные выводы, можно сформулировать ряд практических рекомендаций для повышения устойчивости участия волонтеров в работе студенческих волонтерских организаций. Во-первых, неформальные встречи должны стать регулярными и доступными для всех волонтеров, а не только для закрытого ядра, поскольку именно в такой обстановке формируется доверие и возникают близкие отношения, удерживающие людей в организации. Во-вторых, необходимо развивать систему наставничества, формально закрепляя наставников за новичками, особенно за теми, кто приходит с других факультетов и в силу этого сталкивается с дополнительными барьерами включения. В-третьих, следует обеспечить равный доступ к проектному опыту: практиковать ротацию ролей, стажировки и пробные включения периферийных волонтеров в проектные команды, чтобы развивающий опыт не концентрировался исключительно в ядре. В-четвертых, необходимо восстановить и сделать регулярной практикой коллективной рефлексии, которая, по данным интервью, имеет тенденцию к угасанию, хотя именно рефлексия выступает ключевым инструментом обратной связи, признания и осмысления своего вклада. В-пятых, важно легитимизировать право волонтера на «не безотказность», снять негласное требование быть доступным всегда и для всего, поскольку именно это требование, вступающее в противоречие с декларируемой свободой выбора, становится одной из скрытых причин выгорания. В-шестых, необходимо целенаправленно обучать волонтеров навыкам психологической гигиены, таким как умение «оставлять за порогом» переживания, связанные с работой, и не принимать близко к сердцу то, что может привести к эмоциональному истощению. Данные интервью показывают, что наиболее устойчивые и рефлексивные волонтеры осваивают эти

навыки самостоятельно, но они могут и должны стать предметом осознанного обучения для всех участников волонтерской деятельности.

Библиографический список

1. Большов В.Б., Николаенко В.В. Волонтерство и волонтерская практика как способ самореализации студентов вузов // Социальная компетентность. 2020. Т. 5, № 3(17). С. 377–388. EDN: ADVXAU
2. Бычик Т.А. Волонтерское движение: принципы социологического анализа // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskoe-dvizhenie-printsipy-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения: 19.03.2026). DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-129-136 EDN: DZEFFJ
3. Исаев А.В., Путилина Ю.Ю., Ковалев И.Ю. Роль и значение института волонтерства в совершенствовании процесса социализации современной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-instituta-volonterstva-v-sovershenstvovanii-protseсса-sotsializatsii-sovremennoy-studencheskoj-molodezhi> (дата обращения: 19.03.2026). DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-9 EDN: HXYRQE
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 18.03.2026).
5. Макаров А.В., Луцева И.Ю. Вузовский социум как пространство для формирования волонтерских инициатив // Молодой ученый. 2014. № 12. С. 285–287. EDN: SJAKFH
6. Стародубцев В.А., Родионов П.В. Волонтерские сообщества – школа профессиональных проб студентов // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 4. С. 86–92. EDN: TIZDTF
7. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» от 5 февраля 2018 г. N 15-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1170133/#ixzz5Pxm2qEQ0> (дата обращения: 19.03.2026).
8. Шавровская М.Н., Пеша А.В. Результаты исследования особенностей управления карьерой студентами // Вопросы управления. 2020. № 6(67). С. 71–80. DOI: 10.22394/2304-3369-2020-6-71-80 EDN: MHSJIP
9. Шульгина Т. А, Кетова Н. А. «Ты записался добровольцем?», или Зачем студенты идут в волонтеры // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 1. С. 116–124. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-116-124 EDN: YHEJZS
10. Shaw A., Dolan P. Youth Volunteering: New Norms for Policy and Practice // Volunteering. 2022. Vol. 4(21). P. 1–16. DOI: 10.5772/intechopen.108441

УДК 316.7:[028:070](476)
EDN QNLSFR
DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-40-47

Гордеева Светлана Сергеевна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15
SSGordeyeva@mail.ru
SPIN-код: 2145-2519
Researcher ID: AAJ-6327-2021
Scopus ID: 57208303487

Шилков Вадим Викторович,
студент 4 курса направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
vadim.shilkov-2004@yandex.ru

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЫ

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление взаимосвязи между поведенческими практиками в сфере здоровья студентов и факторами университетской среды. Эмпирическую базу составили данные интернет-опроса студентов Пермского государственного национального исследовательского университета (n = 330), проведенного в 2026 г. В ходе анализа применялись методы описательной статистики, корреляционного и факторного анализа. По итогам обработки данных выявлены три устойчивых паттерна поведения в сфере здоровья: «осознанное питание», «стресс-компенсация» и «спортивная активность». Установлено, что регулярность питания, достаточная продолжительность сна и физическая активность выступают ключевыми предикторами высокой самооценки здоровья. Доказано, что организация учебного процесса (удовлетворенность расписанием) и инфраструктурные возможности университета значимо связаны с режимом сна и вовлеченностью студентов в спорт, однако реальное использование этих ресурсов остается крайне низким. Курение в университетской среде выполняет выраженную социальную функцию и рассматривается студентами как способ совладания со стрессом. Полученные результаты обосновывают необходимость комплексной университетской политики, направленной на снижение средовых барьеров и развитие горизонтальных форм поддержки здоровьесберегающего поведения студентов.

Ключевые слова: студенческая молодежь, поведенческие практики, университетская среда, здоровьесбережение, социальные факторы здоровья, самооценка здоровья

Ссылка для цитирования: Гордеева С.С., Шилков В.В. Поведенческие практики здоровья студентов в условиях университетской среды // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 40–47. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-40-47> EDN QNLSFR

Svetlana S. Gordeeva,

PhD in Sociology,
Associate Professor, Department of Sociology
Perm State University
15 Bukireva St., Perm, Russia, 614068
SSGordeyeva@mail.ru
SPIN-code: 2145-2519
Researcher ID: AAJ-6327-2021
Scopus ID: 57208303487

Vadim V. Shilkov,

4th year student of the field "Sociology"
Perm State University
15 Bukireva St., Perm, Russia, 614068
vadim.shilkov-2004@yandex.ru

HEALTH BEHAVIORAL PRACTICES OF STUDENTS IN THE UNIVERSITY ENVIRONMENT

The article presents the results of a study aimed at identifying the relationship between students' health behavioral practices and factors of the university environment. The empirical basis consisted of data from an online survey of students at Perm State National Research University (n=330), conducted in 2026. Descriptive statistics, correlation analysis, and factor analysis were applied. Three behavioral patterns in the sphere of health were identified: «conscious nutrition», «stress-compensation», and «sports activity». It was found that regular eating habits, sufficient sleep duration, and physical activity are key predictors of high self-rated health. It is proven that the organization of the educational process (satisfaction with the schedule) and the university's infrastructural capabilities are significantly associated with sleep patterns and students' involvement in sports; however, the actual use of these resources is extremely low. Smoking in the university environment performs a pronounced social function and is perceived by students as a way of coping with stress. The findings justify the need for a comprehensive university policy aimed at reducing environmental barriers and developing horizontal forms of support for health-preserving behavior among students.

Keywords: student youth, behavioral practices, university environment, health preservation, social determinants of health, self-rated health

For citation: Gordeeva S.S., Shilkov V.V. [Health behavioral practices of students in the university environment]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 40–47 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-40-47>, EDN QNLSFR

Введение

Здоровье студенческой молодежи является одним из ключевых биологических ресурсов развития общества и государства, поскольку именно эта социально-демографическая группа, находящаяся на этапе профессиональной подготовки, определяет будущий социально-экономический потенциал страны [8]. Как отмечают Т.В. Жукова с соавторами, состояние здоровья студентов может рассматриваться в качестве прогностической модели здоровья нации в целом, что придает исследованию данной проблематики особую социальную значимость [7]. В условиях высокой интенсивности учебной нагрузки, трансформации системы высшего образования и необходимости адаптации к новым внешним вызовам студенты оказываются в зоне особого риска: неблагоприятные средовые факторы могут вступать в противоречие с внутренними установками на здоровье, формируя разрыв между пониманием ценности здоровья и реальными практиками его сохранения [13].

Современная социология здоровья все чаще акцентирует внимание на том, что проблемы со здоровьем имеют преимущественно социальную природу. Экономические условия, культурные нормы, политические решения и организация повседневной жизни

формируют паттерны поведения людей и, следовательно, определяют их здоровье [1]. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, социальные детерминанты здоровья представляют собой «немедицинские факторы, влияющие на показатели здоровья, условия, в которых люди рождаются, растут, работают, живут и стареют, а также широкий набор сил и систем, формирующих условия повседневной жизни» [4].

Применительно к студенческой молодежи проблема профилактики экзогенных заболеваний приобретает особую остроту. Так, эксперты выражают обеспокоенность по поводу сохранения негативных тенденций в отношении раннего возрастного распространения ряда заболеваний в студенческой среде. Среди молодежи российских вузов отмечаются высокие показатели заболеваний пищеварительной системы, органов зрения, опорно-двигательного аппарата, а также психической сферы [12]. Обзорные исследования Р.А. Ваняйкина с соавторами подтверждают, что заболеваемость студентов высших учебных заведений имеет устойчивую тенденцию к росту, что связано не только с интенсификацией образовательного процесса, но и с воздействием неблагоприятных факторов среды обитания [2].

Особую озабоченность вызывает распространенность тревожных состояний среди учащейся молодежи на фоне гиподинамии. По данным А.Э. Хусаинова с соавторами, уровень тревожности у студентов значимо связан с уровнем физической активности, когда ее дефицит обуславливает высокие показатели тревоги [16].

Кроме того, процесс индивидуальной адаптации к обучению в вузе требует значительных психологических ресурсов, а потребность студентов в получении психологической помощи часто остается неудовлетворенной [14]. Все вышесказанное актуализирует необходимость дальнейших исследований, направленных на выявление социальных причин ухудшения здоровья студенческой молодежи.

В социологической литературе механизм воздействия социальных факторов на здоровье рассматривается как сложная система, функционирующая на макро- и микроуровнях. На макроуровне социальная структура, институты и культура создают определенные правила и нормы, которые одновременно выступают внешними ориентирами для людей и глубоко укореняются в их сознании. На микроуровне решающую роль играют мотивация и социальная идентичность индивидов, которые через социальные взаимодействия определяют характер отношений в социальной структуре [1; 3]. В русле данного подхода Ж.В. Пузанова и И.С. Вялов обосновывают необходимость управления здоровьем как комплексного процесса, включающего не только медицинские возможности, но и социальные, организационные и личностные аспекты [13]. При этом, как подчеркивает Е.П. Демкина, формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) студентов не может сводиться лишь к трансляции знаний о здоровье – ключевым видится создание условий, в которых здоровьесберегающие практики становятся естественными и доступными [6].

Анализ отечественных и зарубежных эмпирических исследований позволяет выделить ключевые социальные детерминанты здоровья: экономическое благополучие, жилищные условия, социальный капитал, а также поведенческие практики как устоявшиеся образы действий в повседневной жизни, включающие особенности режима питания, физической активности, сна и т. д. [9; 10; 11]. Особое внимание исследователей привлекает физическая активность студентов. Отмечается, что адекватность спортивных нагрузок

функциональному состоянию организма студентов является важным условием их оздоровительного эффекта [15]. Международные исследования также подтверждают тезис о том, что определенный выбор студентами дисциплин физической культуры и уровень их вовлеченности в спортивную активность тесно связаны с показателями физического и психического здоровья [5].

Однако в доступной нам литературе не проанализированы возможности нивелирования противоречий между потребностью студентов оставаться энергичными (активными) и условиями формирования практик индивидуального здоровьесбережения в повседневной жизни [12]. В этой связи особую значимость приобретает изучение вопроса о том, какие именно институциональные условия вуза – от организации питания и расписания занятий до доступности спортивной инфраструктуры и характера социальных взаимодействий – в наибольшей степени связаны с повседневными практиками здоровья студентов [6; 13].

Цель данного исследования – выявление взаимосвязи между поведенческими практиками в сфере здоровья студентов и факторами университетской среды.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили данные, собранные в 2026 г. методом интернет-опроса среди студентов Пермского государственного национального исследовательского университета ($n = 330$). Опрос проводился среди студентов 1–4 курсов бакалавриата очной формы обучения. Осуществлялся стихийный отбор. Выборочную совокупность составили студенты в возрасте от 18 до 32 лет (основная доля – 86,1 % в возрасте 18–20 лет), среди которых 118 юношей и 212 девушек (35,8 % и 64,2 % соответственно).

Поведенческие практики в сфере здоровья оценивались посредством ответов на вопросы о режиме питания, физической активности, продолжительности сна, частоте курения, а также анализа индивидуальных суждений о пищевом поведении и об отношении к стрессу. Университетская среда измерялась показателями удовлетворенности расписанием учебных занятий, общением среди сверстников, спортивной инфраструктурой. Социально-экономические характеристики исследования включали уровень материального достатка (дохода), субъективную оценку материального положения, жилищные условия и социальный капитал.

Для обработки данных использовался пакет SPSS Statistics; применялись методы описательной статистики, корреляционный и факторный анализы.

Результаты и обсуждение

Самооценка здоровья студентов и ее связь с поведенческими практиками

Проведенное исследование показало, что большинство студентов оценивают свое здоровье позитивно: почти две трети опрошенных указали «хорошее» или «очень хорошее» состояние. При этом выявлены значимые гендерные различия: юноши оценивали свое здоровье существенно выше, чем девушки, а все респонденты, указавшие в самооценке «слабое» здоровье, оказались девушками. Данная закономерность согласуется с результатами исследований И.В. Журавлевой, которая отмечала, что женщины в целом демонстрируют более низкую самооценку здоровья по сравнению с мужчинами [8].

Анализ поведенческих практик выявил, что регулярность питания, сознательное избегание вредных продуктов, достаточная продолжительность сна и систематическая физическая активность выступают ключевыми предикторами высокой самооценки здоровья.

Ответы на вопрос об организации питания в течение дня в университете показали, что лишь незначительная часть студентов (7 %) могут позволить себе полноценный прием пищи. Наиболее распространенной стратегией является небольшой перекус в перерыве между парами (45 %). Кроме того, почти четверть студентов (24 %) сталкиваются с системными барьерами, которые связаны с частым отказом от приема пищи из-за больших очередей в буфетах (12 %) и по причине коротких перерывов между парами (12 %). Вместе с тем некоторые респонденты отмечают, что перекусывают непосредственно во время учебных занятий (5 %), а доля тех, кто вообще не питается в университете, составляет 15 %. В ряде случаев (4 %) прием пищи в университете зависит от конкретных обстоятельств («как получится», «зависит от количества пар»).

Следовательно, среди опрошенных студентов немного тех, кто может позволить себе полноценный и регулярный прием пищи в перерывах между учебными занятиями в университете. Чаще всего студенты либо перекусывают, либо сталкиваются с определенными барьерами (очереди, короткие перерывы), либо вовсе исключают прием пищи в университете.

Проведенный факторный анализ позволил выделить три латентных измерения, структурирующих поведение студентов в сфере здоровья. Первый паттерн («осознанное питание») объединяет контроль количества и качества пищи, а также регулярность ее приема. Второй паттерн («стресс-компенсация») включает увеличение потребления кофе и энергетиков, курение, предпочтение фастфуда и сокращение продолжительности сна в периоды высокой учебной нагрузки. Третий паттерн («спортивная активность») отражает регулярные занятия спортом, которые сопряжены с отказом от фастфуда и склонностью к соблюдению режима питания.

Выделение паттерна «стресс-компенсация» особенно важно для понимания механизмов влияния университетской среды на здоровье студентов. Как отмечали И.В. Василенко и О.Э. Боровкова, на микроуровне механизма воздействия социальных факторов ключевую роль играет мотивация индивида [3]. В данном случае курение и потребление стимуляторов выступают не просто как вредные привычки, а как доступные и социально приемлемые способы совладания с академическим стрессом. Это подтверждается тем, что 61 % курящих студентов согласны с тем, что курение помогает им справляться со стрессом во время учебы.

Удовлетворенность расписанием занятий оказалась значимо связана с продолжительностью сна: студенты, неудовлетворенные расписанием, чаще сталкиваются с дефицитом ночного отдыха. Этот результат можно интерпретировать в контексте макроуровневого механизма воздействия социальных факторов, представленного в работе О.Э. Боровковой [1]. Институциональные условия (в данном случае – организация учебного процесса) задают внешние рамки, которые ограничивают возможности студентов для реализации здоровьесберегающего поведения. Ненормированный учебный день, ранние пары учебных занятий или большие временные разрывы между занятиями могут приводить к тому, что сон становится «ресурсом», которым студенты вынуждены жертвовать.

Инфраструктурные возможности университета (спортивные мероприятия, открытая спортивная площадка) положительно коррелируют с регулярностью занятий спортом. Однако абсолютные показатели использования этих ресурсов крайне низки: только 4 %

студентов регулярно используют открытую спортивную площадку, а вовлеченность в университетские спортивные мероприятия не превышает 17 %. Это указывает на разрыв между наличием ресурсов и их фактическим использованием. Как отмечала Л.С. Шилова, даже при наличии формальных возможностей для занятий спортом, их реализация зависит от субъективной мотивации и культурных норм, сложившихся в студенческой среде [17].

Курение в университетской среде обнаруживает выраженные социальные последствия. Треть курящих студентов, принявших участие в исследовании, согласны, что курение помогает заводить новые знакомства, а более половины склонны присоединиться к курящей компании. При этом существующий запрет курения на территории университета не влияет на частоту курения для 54 % респондентов. Недостаток значимой связи между курением и самооценкой здоровья может быть обусловлен субъективным восприятием курения как способом устранения стресса, что формирует ложное представление о текущем психоэмоциональном состоянии. Вместе с тем пятая часть студентов (21 %) согласна с тем, что они стали курить чаще «за компанию». Шесть из десяти респондентов (64 %) не согласны с данным утверждением, еще 15 % затруднились дать однозначный ответ, выбрав промежуточный вариант. Таким образом, полученные данные позволяют рассматривать курение в университетской среде не просто как вредную привычку, а как сложный, многогранный поведенческий паттерн, который неразрывно связан с неформальными коммуникациями. К тому же в восприятии студентов курение выступает доступным способом снятия стресса, вызванного учебной нагрузкой. При этом существующий запрет курения на территории университета может работать как ситуационный ограничитель, но не решать проблему зависимости от этой привычки.

Объективные (уровень дохода) и субъективные (оценка материального положения) показатели экономического благополучия обнаружили статистически значимые положительные связи с самооценкой здоровья. Студенты с более высоким доходом и лучшим материальным положением чаще оценивают свое здоровье как достаточно позитивное. Особого внимания заслуживает тот факт, что нехватка индивидуальных средств на питание в университете значимо связана с низким уровнем дохода и низкой субъективной оценкой материального положения. Это указывает на прямой экономический механизм, при котором материальное неравенство отражается на неравенстве в возможностях сохранения здоровья. Как отмечала О.А. Кислицына, социально-экономические условия выступают фундаментальной причиной различий в здоровье, поскольку они определяют доступ к ресурсам, необходимым для поддержания здорового образа жизни [11]. В данном случае речь идет о доступности регулярного здорового питания, которое для малообеспеченных студентов становится не достижимым.

Полученные результаты в целом подтверждают теоретическую модель механизма воздействия социальных факторов на здоровье человека, представленную в работе И.В. Василенко и О.Э. Боровковой [3]. На макроуровне институциональные условия университета (организация учебного процесса, наличие спортивной инфраструктуры, правила курения) задают внешние рамки, которые могут как способствовать, так и препятствовать здоровьесберегающему поведению. На микроуровне решающую роль играют материальные ресурсы (экономическое благополучие, социальный капитал) и мотивация к ЗОЖ (соблюдение режима дня, побуждение справляться со стрессом, потребность в социальной интеграции), которые опосредуют влияние макроуровневых

факторов и обуславливают конкретные поведенческие практики. Самооценка здоровья в этом механизме выступает интегральным показателем, отражающим успешность адаптации индивида к сложному комплексу внешних и внутренних условий учебного процесса.

Заключение

Таким образом, формирование институциональной системы заботы о физическом и психологическом здоровье студентов требует реализации инфраструктурных и социально-коммуникативных управленческих решений.

Модернизация университетской инфраструктуры в нашем понимании предусматривает: пересмотр расписания занятий для устранения дефицита времени на питание и отдых, расширение доступности здорового питания для определенных категорий студентов, трансформацию психологических центров с преимущественно сугубо консультационно-диагностическими функциями в ресурсные пространства повседневной поддержки, где студенты, например, могли бы осваивать конструктивные способы снятия стресса без использования никотина и стимуляторов.

Развитие социально-коммуникативной инфраструктуры с опорой на высокий уровень межличностного доверия и удовлетворенность общением предусматривает создание студенческих организаций на принципах горизонтальной поддержки (спортивные клубы с самоуправлением, волонтерские объединения), где подготовленные в разных сферах деятельности студенты оказывают первичную помощь студентам младших курсов, популяризируют здоровые практики через неформальные каналы и используют социальные связи как ресурс для укрепления здоровья.

Проведенное социологическое исследование очертило ресурсные зоны и точки «напряжения» по отношению к практикам студентов в сфере здоровья. Учет выявленных паттернов (осознанное питание, стресс-компенсация, спортивная активность), гендерных различий и влияния социально-экономических факторов позволяет сформулировать адресные рекомендации по развитию инфраструктуры и горизонтальных форм индивидуальной поддержки. Полученные нами результаты могут служить основой для разработки перспективной программы развития вуза и принятия своевременных управленческих решений, направленных на устойчивое формирование здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи.

Библиографический список

1. Боровкова О.Э. Механизм влияния социальных факторов на здоровье населения современной России: дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2016. 168 с. EDN: DAVDGV
2. Ваняйкин Р.А., Петрова М.М., Каскаева Д.С., Пронина Е.А., Шимохина Н.Ю. Заболеваемость учащихся высших учебных заведений в условиях современного образовательного процесса и воздействия факторов среды обитания (обзор литературы) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32, № 6. С. 1259–1266. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-6-1259-1266 EDN: ESRAFQ
3. Василенко И.В., Боровкова О.Э. Механизм воздействия социальных факторов на здоровье человека // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 3. С. 14–20. EDN: VRGUFZ
4. Всемирная организация здравоохранения. Социальные детерминанты здоровья. URL: https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health#tab=tab_1 (дата обращения: 20.03.2026).
5. Дадело С., Даделиене Р. Взаимосвязь показателей здоровья студентов с выбором дисциплин физической культуры // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 108–113. EDN: TCWEUR
6. Демкина Е.П. Формирование здорового образа жизни студентов: как не упустить главного? // Высшее образование в России. 2016. № 5(201). С. 50–55. EDN: TSKYXJ

7. Жукова Т.В., Горбачева Н.А., Харагургиева И.М., Белик С.Н., Кононенко Н.А., Сбыковская Л.В. Здоровье студентов как прогностическая модель здоровья нации // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2018. № 4(301). С. 36–41. DOI: 10.35627/2219-5238/2018-301-4-36-41 EDN: XMGPQL
8. Журавлева И.В. Здоровье студентов: социологический анализ. М.: Институт социологии РАН, 2012. 252 с.
9. Изуткин Д.А. Проблема взаимосвязи образа жизни и здоровья в зарубежных социологических исследованиях // Социология медицины. 2014. № 1. С. 46–50. EDN: STESFP
10. Кислицына О.А. Социально-экономические детерминанты здоровья россиян // Народонаселение. 2007. № 2. С. 24–37. EDN: PUSPID
11. Кислицына О.А. Социальные различия в состоянии здоровья россиян: роль материальных, психосоциальных и поведенческих факторов // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69, № 3. Ст. 7. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-3-7 EDN: OZQMBI
12. Лядова А.В. Здоровьесбережение в представлениях студентов: особенности и факторы формирования // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 8-9. С. 140–160. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-140-160 EDN: TSUGWO
13. Пузанова Ж.В., Вялов И.С. Управление здоровьем: научные подходы к исследованию здоровья и здоровьесберегающего поведения у студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2013. № 4. С. 94–103. EDN: RJYYZF
14. Савинков С.Н., Козырева В.В. Адаптированность к обучению в вузе и основные потребности студентов в получении психологической помощи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2021. № 199. С. 58–66. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-199-58-66 EDN: ODPNSY
15. Тарасов А.В., Рахманов Р.С., Богомолова Е.С., Пискарев Ю.Г., Непряхин Д.В., Царяпкин В.Е. Оценка адекватности любительского спорта по функциональному состоянию организма студентов // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2021. Т. 29, № 10. С. 60–66. DOI: 10.35627/2219-5238/2021-29-10-60-66 EDN: DRDTHN
16. Хусаинов А.Э., Зулъкарнаев Т.Р., Агафонов А.И., Поварго Е.А., Мочалкин П.А., Шамсутдинова А.Ф. Уровень тревожности у студентов медицинского вуза с физической активностью разной интенсивности // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2022. Т. 30, № 4. С. 39–43. DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-4-39-43 EDN: DVCJEJ
17. Шилова Л.С. Модернизация российского здравоохранения: вызовы, ожидания и реальность // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 146–162. EDN: QAPDZZ

УДК 316.4

EDN TGGZYL

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-48-55

Волегов Владимир Сергеевич,

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

wsvolegov@mail.ru

ResearcherID: HKE-9846-2023

SPIN-код: 2416-1839

Родачев Владислав Алексеевич,

главный специалист отдела мультимедийной дидактики
Институт развития образования Пермского края

614068, Россия, Пермь, ул. Екатерининская, 210

vrodachev@inbox.ru

ResearcherID: MAH-6842-2025

SPIN-код: 5560-7690

ЭМПИРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена анализу актуальных методических и эмпирических подходов к изучению профессиональной адаптации. Несмотря на подробное описание профессии как социального феномена и профессиональной адаптации, практическое применение данного концепта демонстрирует высокую степень разнообразия подходов и различий в выделении эмпирических признаков адаптации, способов их фиксации и даже выделении субъектов адаптационного процесса. Данная статья посвящена попытке систематизации актуальных эмпирических подходов, а также их локализации на уровне конкретной профессиональной группы – работников образовательных организаций общего образования. Подобная локализация объясняется, с одной стороны, массовым характером данной профессиональной группы, а с другой – проблемами ее воспроизводства в условиях трансформации социального института образования. Источниками для заявленного анализа выступают научные публикации отечественных и зарубежных исследователей, посвященные представлению эмпирических исследований профессиональной адаптации. Выделяются три направления, связанные с описанием и оценкой эффективности адаптационных процессов: анализ показателей результативности и эффективности работников, описанию организационных условий адаптации и субъективных аспектов. Авторами делаются выводы о наличии разрыва между теоретическими подходами к характеристике профессии и профессиональной адаптации и актуальной практикой прикладных исследований, а также специфике профессиональной адаптации педагогических работников.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, эмпирические исследования, работники образования, эмпирическая интерпретация, показатели эффективности адаптации, субъективные показатели, организационные условия

Ссылка для цитирования: Волегов В.С., Родачев В.А. Эмпирические модели описания профессиональной адаптации и их применение на примере работников общего образования // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 48–55. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-48-55>
EDN TGGZYL

Vladimir S. Volegov,

PhD in Sociology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Sociology
Perm State University
15, Bukireva St., Perm, Russia, 614068

wsvolegov@mail.ru

ResearcherID: HKE-9846-2023

SPIN-code: 2416-1839

Vladislav A. Rodachev,

Chief Specialist of the Multimedia Didactics Department
Educational Development Institute of Perm Krai
210, Ekaterininskaya str., Perm, Russia, 614068

vrodachev@inbox.ru

ResearcherID: MAH-6842-2025

SPIN-code: 5560-7690

EMPIRICAL MODELS FOR DESCRIBING PROFESSIONAL ADAPTATION AND THEIR APPLICATION TO THE EXAMPLE OF GENERAL EDUCATION STAFF

This article analyzes current methodological and empirical approaches to the study of professional adaptation. Despite a detailed description of profession as a social phenomenon and professional adaptation, the practical application of this concept demonstrates a high degree of diversity in approaches and differences in identifying the empirical characteristics of adaptation, methods for recording them, and even identifying the subjects of the adaptation process. This article attempts to systematize current empirical approaches and localize them at the level of a specific professional group – employees of general education organizations. This localization is explained, on the one hand, by the mass nature of this professional group, and on the other, by the problems of its reproduction in the context of the transformation of the social institution of education. The sources for this analysis are scientific publications by domestic and international researchers dedicated to presenting empirical research on professional adaptation. Three areas related to the description and evaluation of the effectiveness of adaptation processes are identified: analysis of employee performance and efficiency indicators, description of organizational adaptation conditions, and subjective aspects. The authors conclude that there is a gap between theoretical approaches to describing the profession and professional adaptation and current applied research practices, as well as the specifics of the professional adaptation of teaching staff.

Keywords: professional adaptation, empirical research, education workers, empirical interpretation, adaptation effectiveness indicators, subjective indicators, organizational conditions

For citation: Volegov V.S., Rodachev V.A. [Empirical models for describing professional adaptation and their application to the example of general education staff]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 48–55 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-48-55>, EDN TGGZYL

Введение

В современном обществе наблюдается ряд процессов, оказывающих серьезное влияние на протекание и успешность профессиональной адаптации самых разных категорий специалистов: не только молодых, начинающих трудовую деятельность, но и уже «встроенных» в трудовую деятельность. В первую очередь, к данным процессам необходимо отнести цифровизацию, влияющую на востребованность представителей различных профессий, а также содержание их трудовой деятельности. Адаптация в профессии оказывается неизолированным этапом, характерным для «новичков»: усиление роли информационных сетей и инструментов искусственного интеллекта, по мнению М. Кастельса, заставляет работников постоянно проявлять «способность перепрограммировать себя в отношении знаний, мышления, мастерства в соответствии

с меняющейся деловой средой» [10, с. 123]. Не менее значимым контекстом оказывается и сокращение рабочей силы, вызванное демографическими процессами [21]. Как следствие, наблюдается усиление конкуренции различных отраслей экономики за кадры, сопряженное с увеличением практики обучения непосредственно на рабочем месте. Особенно актуальной эта особенность оказывается на фоне «инфляции дипломов» [11, с. 45] и снижения популярности высшего образования.

Не менее заметными оказываются и трансформационные процессы на уровне конкретных профессиональных групп, например, педагогических работников, занятых в общем образовании. Несмотря на длительную историю существования профессии учителя, в последние десятилетия становится все более заметным кризис ее восприятия. Этот кризис оказывается связанным не только с восприятием недостаточной оплаты педагогического труда, что влияет на снижение уровня мотивации и подготовки профильных студентов [12; 22], но и с повышением общего уровня образования населения (благодаря чему учитель перестает быть носителем уникального знания) [28], увеличением общественного запроса на прагматизацию знания [18]. Иными словами, процесс профессиональной адаптации учителя оказывается связан не только с усвоением практических норм взаимодействия с социальными группами в школе, но и с постоянно меняющимися технологиями деятельности, общественным и развивающимся внутри профессии образом учителя.

Перечисленные выше процессы показывают необходимость уточнения содержательного наполнения понятия профессиональной адаптации как социального процесса, а также усовершенствования эмпирических подходов к его изучению.

Социологические теории профессии: анализ теоретического контекста

Общая теоретическая рамка работы задается социологическими теориями профессии. Помимо механистического понимания профессии как специализированной практики, требующей от человека наличия определенного набора физических и психологических характеристик, а также конкретных трудовых навыков, характерного для ранних концепций профессионального отбора [16], достаточно рано формируется структурно-функционалистский подход в социологии профессий. Так, в понимании Э. Дюркгейма, профессиональная группа является не просто сообществом людей, выполняющих схожие трудовые функции, но и референтной группой, объединенной специфической профессиональной этикой, поддерживаемой образцами поведения и взаимными обязанностями [7]. Схожий мотив ориентации на общественные потребности как основание внутригрупповой идентичности в профессиональных группах выделяет и Т. Парсон, противопоставляя классические профессии и бизнес [1]. Специфичной оказывается роль учителя: в интерпретации Парсонса его труд направлен на формирование у обучающихся представлений об обезличенной системе социальных норм и статусов, основанных на общественно значимых достижениях [29].

Сформулированная М. Вебером теория черт также констатирует наличие целого перечня специфических характеристик профессии, отличающих ее от всех иных видов деятельности и включающего длительный процесс подготовки, специфические трудовые навыки, беспристрастие и формальную рациональность в исполнении обязанностей, а также «сословную честь» [5, с. 657]. В дальнейшем развитие теории черт развивалось за счет

придания все большего значения профессиональным нормам поведения и трудовой автономии [3, с. 31–34]. Именно автономия специалиста в выполнении своих обязанностей в сочетании с делегированием «грязной» работы выступают ключевыми отличительными чертами профессиональной деятельности в рамках англо-саксонских теорий профессий [13, с. 100].

Таким образом, адаптация к профессиональной деятельности предполагает сложный процесс усвоения и практического овладения работником специализированными технологиями и приемами выполнения работы, интериоризации социальных норм взаимодействия с другими представителями профессии и клиентами, формирования групповой идентичности и независимости в постановке задач, определением их набора и подбора методов их достижения. При этом современные подходы к описанию и анализу профессиональной идентичности лишь отчасти охватывают указанный набор сюжетов. Все их многообразие можно условно свести к трем направлениям. Если первые два связаны с проявлениями идентичности и удовлетворенности субъекта своим профессиональным статусом, а также развитием профессиональных навыков, то последняя группа исследований описывает профессиональную адаптацию специалистов через процессы их закрепления на рабочем месте и показатели движения кадров.

Исследования эффективности трудовой деятельности как проявления профессиональной адаптации работников

Одно из наиболее часто встречающихся направлений эмпирической интерпретации понятия «профессиональная адаптация» связано с оценкой эффективности трудовой деятельности и сформированности у работника ключевых трудовых навыков. Под навыками понимается «действие, характеризующееся оптимальностью, целенаправленностью, повторяемостью, автоматизмом» [24, с. 726]. Применительно к профессиональной группе учителей, к показателям профессиональной адаптации в данном направлении относят знания учебного предмета, навыки работы с методической документацией, поддержания дисциплины, навыки использования педагогического контроля, метапредметные (ИКТ-компетенции, целеполагание) и универсальные педагогические компетенции, включающие, среди прочего, умение разрешать конфликты [4; 8]. Как следствие, источником проблем профессиональной адаптации работников школьного образования указываются особенности и неэффективные программы обучения в профильных педагогических вузах, а также слабое развитие системы методической поддержки и профессионального развития учителей.

Еще одна особенность данной группы исследований связана с используемыми методиками оценки эффективности трудовой деятельности. Проанализированные источники позволяют выделить две группы подобных методов. Первая группа основывается на самооценке учителями степени развитости у них различных педагогических компетенций и (или) степени остроты профессиональных дефицитов [4]. Так, чаще всего применяются шкалы Лайкерта без последующего агрегирования данных в единый индекс. Вторая группа методов связана с фиксацией внешних объективных последствий профессиональной деятельности педагога: динамики академических результатов обучающихся, показателей вовлеченности в мероприятия повышения квалификации, внешних экспертных оценок [23].

Таким образом, для первой группы исследований характерна локализация проблем профессиональной адаптации исключительно на уровне усвоения профессионалом специализированных технологий и приемов выполнения работы при почти полном игнорировании социальных аспектов профессионально-трудовой деятельности, включающих влияние социальной среды образовательной организации, особенностей внутриорганизационной культуры и процессов формирования профессиональной идентичности. Более того, применяемые исследователями методики без реализации экспертной оценки и элементов включенного наблюдения имеют существенные ограничения, поскольку испытывают значительное влияние эффектов социальной желательности в ответах, а также не позволяют различить примеры ложной адаптации.

Исследования субъективных показателей профессиональной адаптации

Часть из выделенных проблем изучения проблем профессиональной адаптации снимается во второй группе работ, посвященных субъективным аспектам адаптационного процесса. Несмотря на множественность трактовок, присутствующих в данной группе исследований, все их многообразие можно свести к описанию социально-психологических показателей, включающих сформированность мотивов деятельности, эмоциональное восприятие, Я-концепцию, оценку адаптантами внешних условий собственной трудовой деятельности (удовлетворенность различными аспектами трудовой деятельности и карьерными перспективами), а также специфику формирования и проявления профессиональной идентичности [15]. В то же время необходимо выделить альтернативный подход, основанный на замере негативных – дезадаптивных – характеристик, включающих проявление апатии в трудовой деятельности, низкую вовлеченность во взаимодействие с коллективом, уровень оптимизма и готовности к действию в ситуации риска, в том числе поиск позитивных мотивов в неблагоприятных условиях [6, с. 20].

Одним из основных концептов, связанных с субъективными показателями профессиональной адаптации, является формирование профессиональной идентичности. Помимо группы авторов, включающих в содержание данного понятия внешние объективные элементы (характеристики внешней социальной среды, например престиж профессии в обществе) [17, с. 160], наиболее распространенным вариантом фиксации профессиональной идентичности является описание особенностей восприятия работником принадлежности к конкретной профессиональной группе. Так, в статье Г.И. Чикаровой содержится описание таких элементов профессиональной идентичности, как «оценка статуса профессии, место профессиональной идентичности в общей структуре идентификации, трудовая мотивация, удовлетворенность профессией, профессиональные ценности, корпоративная идентичность и профессиональные стратегии» [26, с. 82].

В изучении субъективных проявлений профессиональной адаптации педагогических работников наиболее полно представлен анализ уровня их удовлетворенности различными аспектами трудовой деятельности. Как показывает анализ результатов Российского мониторинга экономического поведения и здоровья населения, проведенного НИУ ВШЭ, учителя характеризуются относительно высокими результатами оценки практически по всем параметрам профессиональной занятости, за исключением уровня оплаты труда. При этом заметное влияние оказывают тип населенного пункта и связанные с ним альтернативные

варианты занятости [20, с. 21]. Исследования профессиональной идентичности учителей позволяют зафиксировать специфику данного аспекта. Содержание образа профессии и способа восприятия себя в ней зависит от величины педагогического стажа: как указывает Е.И. Рогов, молодые педагоги склонны видеть свою работу более простой и социально значимой, чем учителя со стажем работы свыше 10 лет [19, с. 177]. Более того, процесс формирования профессиональной идентичности учителей начинается еще на этапе получения профессионального образования.

Организационные исследования профессиональной адаптации

Третья группа исследований рассматривает процесс профессиональной адаптации как внешнее организационное воздействие на работника, призванное обеспечить его эффективное закрепление на рабочем месте и формирование организационного доверия. С точки зрения социологической теории подобный подход занимает важное место и подробно описывается в рамках структурного функционализма. Так, в интерпретации Р. Мертона, адаптационный процесс инициируется исключительно изменением внешней среды и зависит от положения индивида в ней [14, с. 243]. К эмпирическим показателям профессиональной адаптации сотрудников в данном подходе относят наличие и эффективность программ наставничества, динамику выбытия и закрепления кадров, стоимость рекрутинга одного сотрудника, анализ нагрузки и эффективности ее распределения [2; 25]. Как следствие, основным методом исследования здесь оказывается анализ официальных документов, включающих локальную нормативную базу, регламентирующую деятельность наставников и особенности трудовой деятельности начинающих сотрудников, данные о движении кадров и наличии вакансий. В качестве дополнительного источника данных указываются экспертные интервью с руководителями организаций.

В то же время ряд исследований проблем профессиональной адаптации педагогических работников указывает на специфику отрасли образования: администрация образовательных организаций, чаще всего, не воспринимает себя как основного субъекта адаптационного процесса [9, с. 80]. Более того, в реализации кадровой политики руководители образовательных организаций ориентируются на различные целевые категории учителей. Так, для городских школ, особенно статусных, акцент в привлечении и удержании делается на опытных педагогах, что связано с большей предсказуемостью их результатов, стабильностью работы и лояльностью сложившейся организационной культуре. Как следствие, молодые учителя имеют большие шансы трудоустройства в школах, расположенных в экономически менее развитых территориях и характеризующихся сложными педагогическими условиями [27].

Выделяемые в третьей группе исследований показатели профессиональной адаптации демонстрируют важность условий по привлечению и удержанию работников на уровне отдельной образовательной организации, а также необходимости учета социально-экономического контекста, в котором находятся специалист и школа. Однако в значительной части исследований описанные условия ограничиваются действием формальных норм: наличием локальных актов и мер стимулирования, выделению роли наставника. При этом

вне поля зрения оказываются механизмы взаимодействия внутри организации, обеспечивающие или затрудняющие эффективность наставничества.

Заключение

Проведенный анализ моделей описания профессиональной адаптации позволяет сформулировать несколько тезисов. Прежде всего, обнаруживается определенный разрыв между теоретическими моделями, сформулированными в отечественной и зарубежной социологии профессий, и эмпирическими подходами к описанию содержания и проявлений профессиональной адаптации. В большинстве эмпирических работ профессиональная адаптация оказывается вневременным процессом, слабо коррелирующим с трансформациями современного общества. Остаются без тщательного описания эффекты межпоколенческих разрывов, связанных с цифровыми изменениями профессиональной деятельности.

Описание процесса профессиональной адаптации, как правило, реализуется в одном из трех направлений: описании формальных организационных условий и их эффективности, оценке результативности трудовой деятельности специалиста или субъективных проявлениях вовлеченности работника в профессионально-трудовую деятельность. Согласованность и влияние этих групп показателей друг на друга анализируется фрагментарно.

Еще один вывод из проведенного анализа касается работников образования как отдельной профессиональной группы. Актуальные эмпирические исследования показывают специфику профессиональной адаптации педагогических работников, связанную не только с ограниченными возможностями применения внешних объективных показателей, высоким влиянием территориальных и социально-экономических факторов, но и с необходимостью учета этапов формирования профессиональной идентичности.

Библиографический список

1. Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса) // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 54–65. EDN: OOUJVR
2. Агапова Е.Н., Трапицын С.Ю. Сопровождение процесса адаптации и начального этапа профессиональной деятельности учителя // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 3. С. 36–46. EDN: RTEWZ
3. Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: Вариант, ЦСПГИ, 2012. 236 с.
4. Белолуцкая А.К., Мкртчян В.А., Щербакова Т.В. Профессиональные дефициты начинающих учителей московских школ // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2022. Т. 16, № 1. С. 55–77. DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.1.03 EDN: THSZHJ
5. Вебер, М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с. ISBN: 5-01-001584-6 EDN: SGUYOR
6. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2000. № 12. С. 5–24. EDN: PFBUIP
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.
8. Золотарева А.В., Мухамедьярова Н.А., Харисова И.Г. Исследование комплекса профессиональных компетенций педагога дополнительного образования: инструменты и результаты // Перспективы науки и образования. 2025. № 1. С. 665–691. DOI: 10.32744/pse.2025.1.43 EDN: EGMZBR

9. Изучение качества работы образовательных организаций с молодыми педагогами: Аналитический отчет / Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования; рук. А.Н. Шевелев. Санкт-Петербург, 2018. 183 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
11. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология. 2010. № 1. С. 35–50. EDN: OFTSIF
12. Лысенко О.В. Про «неуспешных» учителей: существует ли «двойной негативный отбор» в педагогике? // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 3-4. С. 26–39. EDN: XRVСЕН
13. Мансуров В.А. Юрченко О.В. Социология профессиональных групп: история становления и перспективы // Вестник института социологии. 2013. № 7. С. 91–106. EDN: RRYWKT
14. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
15. Митина Л. М. Профессиональное развитие и профессиональная карьера: конфликт или синтагма // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 26, № 2. С. 129–133. EDN: WILZGR
16. Пиликян К.Г. Консультирование по профессиональной ориентации: вчера, сегодня, завтра // Инновационные проекты и программы в образовании. 2009. № 1. С. 38–45. EDN: KJUTXD
17. Попов А.В., Нор-Аревян О.А. Социологическое измерение профессиональной идентичности врачей в городе Ростове-на-Дону // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 6. С. 157–172. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.6.15 EDN: VRPESO
18. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Высшая школа экономики, 2010. 304 с. ISBN: 978-5-7598-0716-2 EDN: QXHTPD
19. Рогов Е.И. Особенности трансформации образа профессиональной деятельности у учителей с разным педагогическим стажем // Профессиональные представления. 2023. № 1(15). С. 177–198. EDN: НТYDRP
20. Родачев В.А. Особенности субъективных показателей профессиональной адаптации работников образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2026. № 1(141). С. 18–25. DOI: 10.24158/spp.2026.1.2 EDN: OLGSVN
21. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. I квартал 2024 года. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 53 с.
22. Собкин В.С., Ткаченко О.В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы // Труды по социологии образования. М.: Центр социологии образования РАО, 2007. 200 с. ISBN: 978-5-901289-16-7 EDN: RWHMZB
23. Темнятина О.В., Токменинова Д.В. Современные подходы к оценке эффективности работы учителей. Обзор зарубежных публикаций // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 180–195. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-180-195 EDN: XZOESD
24. Устинова К.А., Чекмарева Е.А. Влияние уровня развития навыков на трудовой потенциал, его реализацию и выбор рабочих мест // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 3. С. 726–740. DOI: 10.17059/2016-3-10 EDN: WJLMQT
25. Фурсов М.А. Показатели эффективности первичной адаптации к трудовой деятельности // Гуманитарный научный журнал. 2018. № 1-1. С. 145–150. EDN: XRLCAN
26. Чикарова Г.И. Профессиональная идентичность учителей как предмет теоретической рефлексии // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 3. С. 77–90. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.3.7 EDN: OADXPW
27. Fuller E. NEPC review: Addressing teacher shortages: Practical ideas for the pandemic and beyond. Boulder, CO: National Education Policy Center, 2022. URL: <http://nepc.colorado.edu/thinktank/shortages> (дата обращения: 05.04.2025).
28. Mutluer Ö., Yüksel S. The Social Status of the Teaching Profession: A Phenomenological Study // Journal of Teacher Education and Educators. 2019. Vol. 8, № 2. P. 183–203.
29. Parsons T. The school class as a social system: some of its functions in the American society // The Sociology of education. A Sourcebook / ed. by Bell R., Stub. H., 1968. P. 129–154.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.42

EDN UTZUWY

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-56-63

Бояршинов Алексей Сергеевич

магистрант 3 курса з/о, направление «Психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

psy414@yandex.ru

Дудорова Екатерина Валерьевна

кандидат психологических наук

доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

dudorova2002@mail.ru

SPIN-код: 6239-0256

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В СВЯЗИ С ЧЕРТАМИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Изучались личностные детерминанты восприятия психологической безопасности образовательной среды в студенческом возрасте. Цель работы состояла в исследовании связей между характеристиками психологической безопасности образовательной среды (удовлетворенность, защищенность от насилия, отношение к среде), базисными убеждениями о мире и чертами личности студентов в рамках модели «Большой пятерки». В исследовании приняли участие 120 человек, из них 60 женщин (50 %) и 60 мужчин (50 %) в возрасте от 18 до 25 лет. Для исследования базисных убеждений о Мире использовалась «Шкала принятия Мира личностью» (The World Assumption Scale, WAS). Диагностика психологической безопасности образовательной среды проводилась посредством методики И.А. Бaeвой. Изучение черт личности испытуемых проводилось с помощью методики «Краткая версия Big Five Inventory-2» (Short form of the Big Five Inventory-2, BFI-2-S). По результатам применения корреляционного анализа по Спирмену обнаружена 71 значимая корреляционная связь. Установлено, что удовлетворенность средой и защищенность положительно связаны с убежденностью в справедливости мира, ощущением удачливости, верой в контроль над жизнью, а также с экстраверсией, доброжелательностью, добросовестностью, и отрицательно – с нейротизмом, тревожностью и депрессивностью. Позитивное отношение к среде положительно связано с образом «Я», экстраверсией, доброжелательностью, добросовестностью, и отрицательно – с депрессивностью.

Ключевые слова: психологическая безопасность, образовательная среда, черты личности, большая пятерка, базисные убеждения, студенты

Ссылка для цитирования: Бояршинов А.С., Дудорова Е.В. Характеристики психологической безопасности образовательной среды в связи с чертами личности студентов // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 56–63. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-56-63> EDN UTZUWY

Alexey S. Boyarshinov

student of the field "Psychology"

Perm State University,

15 Bukireva St., Perm, Russia, 614068

psy414@yandex.ru

Ekaterina V. Dudorova

PhD in Psychology

Associate Professor of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,

15 Bukireva St., Perm, Russia, 614068

dudorova2002@mail.ru

SPIN-code: 6239-0256

CHARACTERISTICS OF THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN RELATION TO STUDENTS' PERSONALITY TRAITS

The aim of the work was to investigate the relationships between the characteristics of the psychological safety of the educational environment (satisfaction, protection from violence, attitude towards the environment), basic beliefs about the world, and the personality traits of students within the framework of the Big Five model. The study involved 120 participants, including 60 women (50 %) and 60 men (50 %) aged 18 to 25 years. To study basic beliefs about the world, "The World Assumption Scale (WAS)" was used. The diagnosis of the psychological safety of the educational environment was carried out using I.A. Baeva's methodology. The study of the subjects' personality traits was conducted using the "Short form of the Big Five Inventory-2 (BFI-2-S)" methodology. Based on the results of applying Spearman's correlation analysis, 71 significant correlation was found. It was established that satisfaction with the environment and a sense of protection are positively related to belief in the justice of the world, a sense of luck, belief in control over life, as well as to extraversion, agreeableness, conscientiousness, and negatively related to neuroticism, anxiety, and depression. A positive attitude towards the environment is positively associated with self-image, extraversion, agreeableness, and conscientiousness, and negatively associated with depression.

Keywords: psychological safety, educational environment, personality traits, big five, basic beliefs, students

For citation: Boyarshinov A.S., Dudorova E.V. [Characteristics of the psychological safety of the educational environment in relation to students' personality traits]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 56–63 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-56-63>, EDN UTZUWY

Введение

Психологическая безопасность образовательной среды признается одним из ключевых условий успешной адаптации, личностного и профессионального развития студентов [1; 4]. В условиях возрастающей неопределенности, цифровой трансформации и социальной напряженности потребность в безопасной, поддерживающей среде в вузе приобретает особую актуальность [3; 11]. Согласно концепции И.А. Баевой, психологическая безопасность образовательной среды представляет собой состояние, свободное от проявлений психологического насилия, удовлетворяющее потребность в лично-доверительном общении и характеризующееся интегральными показателями удовлетворенности, защищенности и референтности (позитивного отношения) [1; 4].

Восприятие среды как безопасной или угрожающей является субъективным и, как предполагается, тесно связано с индивидуально-психологическими особенностями личности [6; 14]. Исследования демонстрируют связь психологической безопасности с субъективным благополучием, стратегиями совладания и эмоциональным состоянием студентов [7; 15]. Однако комплексный анализ взаимосвязей между структурными компонентами психологической безопасности, глубинными когнитивными схемами (базисными

убеждениями о мире) и устойчивыми чертами личности в рамках общепризнанной таксономии (такой как «Большая пятерка») остается недостаточно изученным [14; 16]. Базисные убеждения, формируя «призму» восприятия мира [7], могут выступать фундаментом, опосредующим связь между диспозициональными чертами и оценкой конкретной среды.

Постановка проблемы

В современных исследованиях психологической безопасности образовательной среды студентов множество работ посвящены связям особенностей психологической безопасности и психологического благополучия, успеваемости и других факторов.

В 2025 году Д.Р. Мерзлякова, А.В. Заитова исследовали взаимосвязь психологической безопасности образовательной среды вуза с субъективным благополучием. В результате проведенного исследования было обнаружено, что у студентов, положительно относящихся к образовательной среде, проявляющих удовлетворенность ее характеристиками и чувствующих защищенность, уровень субъективного благополучия значительно выше. Студенты, обучающиеся на заочной форме обучения, демонстрировали более низкий уровень удовлетворенности характеристиками образовательной среды, что говорит о том, что дистанционная форма обучения снижает уровень психологической безопасности образовательной среды [11].

А.А. Кудряшов и соавт. в 2023 году проводили исследование параметров психологической безопасности студентов педагогического университета. Так, были выявлены факторы риска психологической безопасности личности в образовательной среде; авторы разделили данные факторы на три группы: личностные особенности обучающихся (ресурсы), личностные характеристики педагога и особенности образовательной среды. Также в исследовании было выявлено, что студенты с низким уровнем психологической безопасности склоны к проявлению тревожности, агрессивности и фрустрации, сталкиваются с коммуникативными трудностями, в отличие от студентов с высоким уровнем психологической безопасности [10].

Т.А. Попова, П.А. Семерикова в 2023 году исследовали особенности субъективного благополучия и стратегии преодоления стресса у студентов в связи с параметрами психологической безопасности. В результате проведенного анализа было выявлено, что студенты, проявляющие высокий уровень субъективного благополучия проявляют удовлетворенность характеристиками образовательной среды, чувствуют себя защищенными, а также склонны выбирать функциональные типы совладающего поведения, например, проблемно-ориентированный коппинг [15].

Е.М. Климова и И.В. Гайдамашко в 2023 году изучали особенности формирования психологической безопасности образовательной среды у студентов разных курсов. Так, авторы отметили, что восприятие студентами психологической безопасности среды изменяется в процессе обучения от 1 к 4 курсу, при этом наиболее значимые различия наблюдаются в оценке атмосферы командной работы, безопасности, распознавании стресса. Это говорит о том, что психологическая безопасность образовательной среды связана с профессиональной компетентностью студентов, и ее можно рассматривать как фактор формирования профессионального самосознания [9].

С.Ю. Жданова и В.С. Краева в 2024 году проводили исследование психологической безопасности российских и китайских студентов, проживающих в общежитии. В исследовании приняли участие 123 студента, 100 женщин и 23 мужчины, из них 61 российских студентов и 62 китайских. Так, было выявлено, что студенты испытывают незащищенность, склонность к зависимости и внушаемости. При этом было выявлено, что отношение к среде общежития и состояние безопасности связаны с личностными качествами студентов, такими как автономность социальных связей, личных вещей и ценностей. Также в исследовании были выявлены различия в культурных особенностях и в связи с этим различия в психологической безопасности. Для Российских студентов ресурсом психологической безопасности выступает способность ощущать и отстаивать границы в отношении своего тела и личных вещей, а для китайских студентов – в отношении своих ценностей, вкусов, территории и окружении. Показано, что отношение к среде связано с созданием доверительных, близких отношений с окружающими людьми [8].

И.А. Баева и соавт. в 2024–2025 гг. проводили исследование ресурсов психологической безопасности студентов в напряженной социокультурной среде. В результате обзора теоретических и эмпирических исследований авторы отметили, что в современных научных работах достаточно подробно описано состояние детей и их ресурсов в напряженной социокультурной среде, при этом для юношеского возраста выявлен дефицит данных. При этом один из ключевых внешних ресурсов психологической безопасности студентов выступает образовательная среда вуза, т. к. она остается одним из наиболее стабильных социально-психологических факторов, обеспечивающих защищенность и поддерживающих субъективное благополучие студентов [5].

Целью же данного исследования выступило изучение связей между характеристиками психологической безопасности образовательной среды, базисными убеждениями о мире и чертами личности студентов в рамках модели «Большой пятерки». В соответствии с целью была выдвинута следующая исследовательская гипотеза: существуют значимые корреляционные связи характеристик психологической безопасности с чертами личности и базисными убеждениями студентов.

Метод

В исследовании приняли участие 120 студентов Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 20,4$; $SD = 1,5$), выборка была сбалансирована по полу. Для исследования базисных убеждений о Мире использовалась «Шкала принятия Мира личностью» (The World Assumption Scale, WAS) [13]. Диагностика психологической безопасности образовательной среды проводилась посредством методики И.А. Баевой [2]. Изучение черт личности испытуемых проводилось с помощью методики «Краткая версия Big Five Inventory-2» (Short form of the Big Five Inventory-2, BFI-2-S) [12]. Формат исследования – дистанционный, с октября 2023 по ноябрь 2025 года.

Результаты

По результатам применения корреляционного анализа по Спирмену была выявлена 71 статистически значимая корреляция ($p < 0,05$; $p < 0,01$; $p < 0,001$).

Удовлетворенность характеристиками образовательной среды положительно коррелировала с убеждениями в справедливости мира ($r = 0,20$), удачливости ($r = 0,27$) и

контроле над жизнью ($r = 0,31$). Из черт личности положительные связи наблюдались с экстраверсией ($r = 0,22$), доброжелательностью ($r = 0,26$), добросовестностью ($r = 0,26$), аспектами общительности, энергичности, уважительности, доверия и ответственности. Отрицательные связи выявлены с нейротизмом ($r = -0,38$), тревожностью ($r = -0,21$), депрессивностью ($r = -0,42$) и эмоциональной изменчивостью ($r = -0,28$).

Защищенность от психологического насилия положительно связана с убеждениями в ценности образа «Я» ($r = 0,21$), удачливости ($r = 0,24$) и контроле ($r = 0,20$), а также с экстраверсией, добросовестностью, общительностью, энергичностью и организованностью. Отрицательные корреляции зафиксированы с нейротизмом ($r = -0,37$), тревожностью, депрессивностью, эмоциональной изменчивостью, а также с любознательностью и эстетичностью ($r \sim -0,20$).

Когнитивный компонент отношения к среде положительно связан с экстраверсией ($r = 0,35$; $p < 0,001$), доброжелательностью ($r = 0,35$; $p < 0,001$), добросовестностью ($r = 0,27$; $p < 0,01$), общительностью ($r = 0,38$; $p < 0,001$), энергичностью ($r = 0,31$; $p < 0,001$), сочувствием ($r = 0,38$; $p < 0,001$), доверием ($r = 0,24$; $p < 0,01$), организованностью ($r = 0,20$; $p < 0,05$) и продуктивностью ($r = 0,25$; $p < 0,01$). Эмоциональный компонент отношения к среде положительно коррелирует с убеждениями в справедливости ($r = 0,22$; $p < 0,05$), ценности образа «Я» ($r = 0,18$; $p < 0,05$) и контроле ($r = 0,35$; $p < 0,001$), а также с чертами: экстраверсией ($r = 0,37$; $p < 0,001$), доброжелательностью ($r = 0,31$; $p < 0,001$), добросовестностью ($r = 0,34$; $p < 0,001$), общительностью ($r = 0,41$; $p < 0,001$), энергичностью ($r = 0,35$; $p < 0,001$), сочувствием ($r = 0,21$; $p < 0,05$), уважительностью ($r = 0,24$; $p < 0,01$), доверием ($r = 0,23$; $p < 0,05$), организованностью ($r = 0,28$; $p < 0,01$), продуктивностью ($r = 0,36$; $p < 0,001$). Отрицательные связи выявлены с нейротизмом ($r = -0,25$; $p < 0,01$) и депрессивностью ($r = -0,38$; $p < 0,001$). Поведенческий компонент отношения к среде положительно связан с экстраверсией ($r = 0,19$; $p < 0,05$), добросовестностью ($r = 0,18$; $p < 0,05$), общительностью ($r = 0,23$; $p < 0,05$), энергичностью ($r = 0,19$; $p < 0,05$) и ответственностью ($r = 0,22$; $p < 0,05$). Отрицательные связи – с нейротизмом ($r = -0,22$; $p < 0,05$), тревожностью ($r = -0,23$; $p < 0,05$) и депрессивностью ($r = -0,29$; $p < 0,01$). Интегральный показатель «Отношение к среде» положительно коррелирует с убеждением в ценности образа «Я» ($r = 0,20$; $p < 0,05$), а также с чертами: экстраверсией ($r = 0,33$; $p < 0,001$), доброжелательностью ($r = 0,27$; $p < 0,01$), добросовестностью ($r = 0,27$; $p < 0,01$), общительностью ($r = 0,38$; $p < 0,001$), энергичностью ($r = 0,30$; $p < 0,001$), сочувствием ($r = 0,32$; $p < 0,001$), организованностью ($r = 0,19$; $p < 0,05$), продуктивностью ($r = 0,26$; $p < 0,01$). Отрицательная связь обнаружена с депрессивностью ($r = -0,28$; $p < 0,01$).

Полученный комплекс связей позволяет предположить, что студенты, воспринимающие образовательную среду как безопасную и удовлетворяющую, обладают устойчивым позитивным образом мира и себя в нем, верят в свою способность влиять на события. Эти глубинные убеждения проявляются в поведенческом репертуаре через социальную активность (экстраверсия), просоциальность (доброжелательность), ответственность (добросовестность) и низкую эмоциональную уязвимость (низкий нейротизм). Напротив, чувство незащищенности и неудовлетворенности сопряжено с негативной картиной мира, эмоциональной нестабильностью и социальной пассивностью, что согласуется с данными других исследований [8; 10; 14; 16].

В результате проведенного эмпирического исследования характеристик психологической безопасности окружающей среды в связи с чертами личности студентов была изучена взаимосвязь между психологической безопасностью образовательной среды, базисными убеждениями о мире и чертами личности студентов.

Наша гипотеза о существовании значимых корреляционных связей между характеристиками психологической безопасности окружающей среды и чертами личности студентов подтвердилась. В результате проведенного анализа было обнаружена 71 корреляционная связь характеристик психологической безопасности с чертами личности студентов. Так, удовлетворенность характеристиками образовательной среды и защищенность от психологического насилия связаны с убеждением в справедливости окружающего мира, ощущением студентом собственной удачливости и возможностью контролировать свою жизнь. При этом студенты проявляют экстраверсию, открытость к окружающим, добросовестность и низкую тревожность, депрессивность. Позитивное отношение к образовательной среде как один из компонентов психологической безопасности связан с ощущением собственной ценности, проявлением экстраверсии, доброжелательности и добросовестности. Данные связи можно объяснить базовым доверием к окружающему миру и экзистенциальной уверенностью, что способствует открытости и построению доверительных отношений у студентов. Выявленный комплекс взаимосвязей, вероятно, имеет общую основу в виде сформированного базового доверия к миру и экзистенциальной уверенности личности. Это состояние позволяет студенту чувствовать себя в безопасности, что в свою очередь способствует его открытости, социальной активности, эмоциональной стабильности и успешному построению доверительных отношений.

Полученные результаты исследования, проведенного Е.В. Эгамбердиевой, Н.А. Цветковой, согласуются с данными, полученными по той же диагностической методике Шкале базисных убеждений R. Janoff-Bulman, в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой. Так, в упомянутом выше исследовании было выявлено, что личностными предпосылками психологической безопасности личности в межкультурном взаимодействии выступают такие качества, как экстраверсия, самоконтроль, экспрессивность, привязанность и открытость новому опыту, при низком уровне нейротизма, убежденности в справедливости мира, собственном везении и возможности контролировать события в своей жизни [16].

Также полученные нами результаты согласуются с результатами С.В. Пазухиной, С.А. Филипповой в исследовании личностных особенностей студентов, влияющих на психологическую безопасность образовательной среды. Так, нами было выявлено, что у студентов с низким уровнем психологической безопасности проявляется высокий уровень социальной конформности, пассивности, неготовности брать на себя ответственность и принимать самостоятельные решения [14].

Полученные нами данные также можно соотнести с результатами исследования С.Ю. Ждановой, В.С. Краевой. Так, стоит отметить, что для российских и китайских студентов характерно испытывать незащищенность, проницаемость границ личности, склонность к внушаемости и зависимости, низкую устойчивость, что может указывать на психологическую небезопасность. При этом ресурсом психологической безопасности для

российских студентов выступает способность ощущать и отстаивать личные границы своего тела и вещей, а отношение к среде связано с возможностью создавать доверительные, близкие отношения с людьми и проявлением ассертивности [8].

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлено, что чувство психологической безопасности (удовлетворенность средой, защищенность от насилия, позитивное отношение к вузу) системно связано с позитивными личностными ресурсами. Студенты, воспринимающие среду как безопасную, обладают устойчивым убеждением в доброжелательности и справедливости окружающего мира, верой в свою удачливость и способность контролировать события жизни. Этот когнитивно-личностный фундамент проявляется в поведении через экстраверсию (общительность, активность), открытость, доброжелательность, добросовестность и эмоциональную устойчивость (низкая тревожность и депрессивность). Таким образом, внутренние ресурсы психологической безопасности формируются за счет базового доверия и экзистенциальной уверенности студентов.

Библиографический список

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. Санкт-Петербург, 2002. 271 с.
2. Баева И.А. Психолого-педагогическое сопровождение безопасной образовательной среды: экспертиза и диагностика. Санкт-Петербург: ЛОИРО, 2015. 236 с. ISBN: 978-5-91143-623-0 EDN: VOUQXF
3. Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие : учебное пособие / под науч. ред. И.А. Баевой, С.В. Тарасова. Санкт-Петербург: ЛОИРО, 2017. 265 с.
4. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: как ее создать и измерить // Экопсихологические исследования – б: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. № 1. С. 280–284.
5. Баева И.А. и др. Ресурсы психологической безопасности студентов в напряженной социокультурной среде: обзор теоретических и эмпирических исследований / И.А. Баева, Е.Б. Лактионова, И.В. Кондакова и др. // Психолого-педагогические исследования. 2024. Т. 16, № 2. С. 3–29. DOI: 10.17759/psyedu.2024160201 EDN: OKOAOX
6. Блинова Е.Е. Социально-психологическая безопасность как фактор субъективного благополучия студентов с разным уровнем самооффективности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 3. С. 426–442. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-3-426-442 EDN: SYDDUI
7. Гончарова Н.А., Насамбаева М.В. Взаимосвязь показателей социально-психологического климата и типа мотиваций студенческой группы // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 2. С. 259–262.
8. Жданова С.Ю., Краева В.С. Психологическая безопасность российских и китайских студентов, проживающих в общежитии // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. Вып. 5(57). С. 143–153. DOI: 10.23951/2307-6127-2024-5-143-153 EDN: LSWYOH
9. Климова Е.М., Гайдамышко И.В. Психологическая безопасность образовательной среды вуза как основа формирования профессионала // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 1. С. 90–102. DOI: 10.24412/TEP-23-06 EDN: LHPSNS
10. Кудряшов А.А. и др. Сравнительная характеристика параметров психологической безопасности студентов педагогического университета / А.А. Кудряшов, О.В. Байгужина, П.А. Байгужин // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1. С. 181–189. DOI: 10.20323/1813_145X_2023_1_130_181_189 EDN: SXFNED
11. Мерзлякова Д.Р., Зайтова А.В. Взаимосвязь психологической безопасности образовательной среды вуза и субъективного благополучия студентов-программистов в условиях цифровой трансформации общества // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2025. № 2. С. 115–123. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.2.115-123 EDN: WJVG PQ

12. Мишкевич А.М. и др. Адаптация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS / А.М. Мишкевич, С.А. Щебетенко, А.Ю. Калугин и др. // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 1. С. 95–108. DOI: 10.31857/S020595920017744-4 EDN: XVJIEK
13. Падун М.А., Котельникова А.В. Методика исследования базисных убеждений личности. М.: Лаборатория психологии и психотерапии посттравматического стресса ИПРАН, 2007. 23 с.
14. Пазухина С.В., Филиппова С.А. Личностные особенности студентов, влияющие на психологическую безопасность образовательной среды в ситуации новых вызовов и угроз // Концепт. 2023. № 12. С. 220–232. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11136 EDN: EQRUYJ
15. Попова Т.А., Семерикова П.А. Субъективное благополучие, психологическая безопасность и стратегии преодоления стресса студентов // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2023. № 1. С. 51–57. DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-51-57 EDN: UDIXUB
16. Эгамбердиева Е.В., Цветкова Н.А. Личностные предпосылки психологической безопасности российских студентов, находящихся в тесном межкультурном взаимодействии // Вестник университета. 2022. № 11. С. 230–238. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-11-230-238 EDN: WFQOVP

УДК 159

EDN UVFTST

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-64-71

Базанова Екатерина Сергеевна,
студент 5 курса специальности «Клиническая психология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
catherine.bazanova@yandex.ru

Шевкова Елена Викторовна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
eshevkova@gmail.com
SPIN код: 4168-0158
AuthorID: 917872

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ЛИЦ С ПРИЗНАКАМИ СПОРТИВНОЙ АДДИКЦИИ

В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение особенностей саморегуляции у лиц с признаками спортивной аддикции. В исследовании приняли участие 106 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет. Все испытуемые входили в несколько ключевых категорий физической активности: фитнес и тренажерный зал, бег, танцы и гибкость (йога, пилатес, растяжка), командные виды спорта (футбол, волейбол), спортивный туризм и экстремальные виды спорта. Сбор диагностических данных осуществлялся с помощью пяти психодиагностических методик: методики «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» В.И. Моросановой, теста-опросника «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана, опросника эмоциональной дисрегуляции Н.А. Польской, А.Ю. Разваляевой, опросника подшкалы самоотвращения (SLSS) Yates и соавт., опросника «Определитель аддикции упражнений (EAI)» M.D. Griffiths и соавт.

Не обнаружены различия в саморегуляции у лиц с высоким и низким уровнями склонности к спортивной аддикции, а также у мужчин и женщин. Вместе с тем выявлены связи показателей аддикции упражнений с некоторыми шкалами саморегуляции.

Ключевые слова: саморегуляция, спортивная аддикция, нехимическая зависимость, волевая саморегуляция, эмоциональная дисрегуляция, мотивация

Ссылка для цитирования: Базанова Е.С., Шевкова Е.В. Особенности саморегуляции у лиц с признаками спортивной аддикции // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 64–71. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-64-71> EDN UVFTST

Ekaterina S. Bazanova,

5th year student of the Specialty "Clinical Psychology"

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, Russia, 614068

catherine.bazanova@yandex.ru

Elena V. Shevkova,

PhD in Psychology,

Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University

15, Bukireva str., Perm, Russia, 614068

eshevkova@gmail.com

SPIN code: 4168-0158

AuthorID: 917872

FEATURES OF SELF-REGULATION IN INDIVIDUALS WITH SIGNS OF SPORTS ADDICTION

The article presents the results of a study aimed at studying the features of self-regulation in people with signs of sports addiction. 106 respondents between the ages of 18 and 35 participated in the study. All subjects were included in several key categories of physical activity: fitness and gym, running, dancing and flexibility (yoga, pilates, stretching), team sports (football, volleyball), sports tourism and extreme sports. Diagnostic data was collected using five psychodiagnostic techniques: the method "Style of self-regulation of behavior - SSPM 2020" by V.I. Morosanova; test questionnaire "Study of volitional self-regulation" by A.V. Zverkov, E. V. Eidman; questionnaire of emotional dysregulation by Polskaya N.A., Razvalyaeva A.Yu.; questionnaire of self-aversion subscale (SLSS) Yates et al., 1999, Draeger, Yates, Crowtll, 2005; questionnaire "Addiction Determinant" (EAI)" Griffiths M. D., Szabo A., Terry A.

No differences in self-regulation were found in individuals with high and low levels of propensity to sports addiction, as well as in men and women. At the same time, the relationship of indicators of exercise addiction with some scales of self-regulation has been revealed.

Keywords: self-regulation, sports addiction, non-chemical dependence, volitional self-regulation, emotional dysregulation, motivation

For citation: Bazanova E.S., Shevkova E.V. [Features of self-regulation in individuals with signs of sports addiction]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 64–71 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-64-71>, EDN UVFTST

Введение

Отношение к телу является одним из самых главных компонентов физического и психического здоровья человека. Не секрет, что стройное, подтянутое тело является эталоном внешности современного человека, оно становится ориентиром для большинства молодых людей. Как следствие, у них формируется определенный образ тела, и для достижения этого образа начинают подчиняться последующие внешние преобразования. Существует стереотип, что быть худым – значит быть красивым, успешным, здоровым, дисциплинированным, в то время как иметь лишний вес значит быть ленивым, некомпетентным и непривлекательным. Конечно, регулярная физическая нагрузка играет ключевую роль в поддержании здоровья и профилактике различных заболеваний, в то же время избыточная нагрузка, наоборот, способна оказывать противоположный эффект на физическое и ментальное здоровье, что особенно выражено при развитии аддикции к физическим упражнениям, или спортивной аддикции [3]. Актуальность всестороннего изучения спортивной аддикции обусловлена ее связью с высоким ростом популярности фитнеса и тренда на здоровый образ жизни, что приводит к увеличению числа людей, которые чрезмерно увлекаются физической активностью. Изнурительные диеты и занятия

фитнесом у женщин и бодибилдингом у мужчин становятся атрибутом нашего времени [9; 14; 15]. Однако без устранения психологических причин, развития и применения навыков саморегуляции любые попытки улучшить внешние данные приведут к невротическим изменениям в поведении, вызывая дисгармонию не только межличностного, но и внутриличностного характера. Кроме того, зависимость от физических упражнений можно рассматривать как поведенческую зависимость, которая может быть основной проблемой в жизни человека или возникать как вторичная проблема вследствие других психологических дисфункций, например, в сочетании с расстройствами пищевого поведения (РПП) (распространенность РПП составляет в РФ – 3,7 %, в Северной и Южной Америке – 3,2 %, в Азии – 3 %, в Европе – 4 %, а показатели смертности по данным Всемирной организации здравоохранения относятся к наиболее высоким – 15–20% в год [10; 21]). Данные о распространенности аддикции упражнений достаточно противоречивы, что во многом обуславливается отсутствием стандартизированных диагностических методик [12]. Оценки, основывающиеся на этих методиках, как отмечалось самими авторами исследовательских инструментов, позволяют оценить скорее наличие групп риска, нежели действительные клинические случаи [2]. Согласно анализу всех доступных исследований, где применялись разные методы выявления риска спортивной аддикции, данные о ее распространенности существенно разнятся: от 0,3 % до 77 %. [17]. Такой широкий диапазон данных объясняется неоднородностью выборок и способами оценки спортивной аддикции. Эти различия обусловлены как разнообразием инструментов, выборок и методов исследования, так и возможными кросскультурными особенностями, которые на сегодняшний день остаются неизученными [2]. Многие исследователи подчеркивают решающую роль процессов и стилей саморегуляции в успешной спортивной деятельности (В.И. Моросанова, О.А. Конопкин, М.Е. Сандомирский, А.Г. Кечеджан, Г.Б. Горская, Н.Б. Стамбулова, Л.Г. Уляева и др.).

Спортивная аддикция как форма поведенческой зависимости тесно связана с индивидуальными особенностями саморегуляции, которые определяют способность человека управлять своим поведением в условиях стресса и повышенных нагрузок. Люди с низкой эмоциональной регуляцией могут использовать спорт как способ избегания стресса или подавления негативных переживаний, что со временем перерастает в навязчивое поведение. Кроме того, нарушения в когнитивной саморегуляции (например, ригидное мышление, перфекционизм) могут способствовать чрезмерной фиксации на тренировках, несмотря на вред для здоровья.

Таким образом, для всестороннего изучения спортивной аддикции, в частности изучения механизмов патогенеза и ее связей с саморегуляцией поведения, необходимы дальнейшие исследования. Теоретический обзор литературы свидетельствует о том, что последние 5 лет данная форма аддиктивных расстройств активно исследуется зарубежными авторами, тогда как в отечественной психологии наблюдается дефицит таких исследований. Цель нашего исследования – выявить взаимосвязи нарушений саморегуляции и спортивной аддикции как поведенческой зависимости. Объект исследования: саморегуляция в контексте физической активности. Предмет исследования: взаимосвязи нарушений саморегуляции и зависимости от физических упражнений у лиц с признаками спортивной аддикции.

Исследование позволяет изучить механизмы развития спортивной аддикции, сравнивая их с другими видами зависимостей (химическими, поведенческими). Изучение эмоционально-волевой составляющей в феномене спортивной аддикции уделяет внимание таким темам в психологии, как зависимость, мотивация и восприятие образа собственного тела. Соответственно, данное исследование делает существенный вклад в развитие клинической психологии, психологии здоровья, психологии спорта, общей психологии и психиатрии. Результаты исследования могут применяться психологами при разработке программ и методик, направленных на улучшение психологического благополучия молодых людей, активно занимающихся спортом, например, при формировании устойчивых иерархии мотивов, развитии системы гибкого эмоционального контроля, уверенности в себе, а также навыков планирования, оценивания собственных результатов и преодоления негативных эмоций, связанных с аддиктивным поведением.

В перспективе понимание механизмов саморегуляции играет ключевую роль в исследовании спортивной аддикции, поскольку позволяет выявить глубинные причины возникновения этой зависимости и разработать эффективные стратегии ее профилактики и коррекции.

Дизайн исследования

Выборка и методы исследования. В исследовании приняли участие 106 респондентов – регулярных посетителей фитнес-клубов в возрасте от 18 до 35 лет (40 мужчин и 66 женщин). Испытуемые занимались такими видами физической активности, как фитнес, тренажерный зал, бег, танцы и гибкость (йога, пилатес, растяжка), командные виды спорта (футбол, волейбол), спортивный туризм и экстремальные виды спорта. Диагностика проводилась с января по апрель 2025 года. Каждый участник получал пакет методик с помощью онлайн-сервиса Online Test Pad. Всем участникам гарантировалась конфиденциальность полученных результатов и их использование исключительно в исследовательских целях. Использовались следующие методы: методика «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» В.И. Моросановой [5]; тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана [1]; опросник эмоциональной дисрегуляции Н.А. Польской, А.Ю. Разваляевой [7]; опросник подшкалы самоотвращения (SLSS) J. Draeger и соавт. [11; 16]; опросник «Определитель аддикции упражнений (EAI)» M.D. Griffiths и соавт. [11; 13; 18]. Статистическая обработка полученных результатов исследования производилась в программе JASP 0.18.3 и Excel.

Ход исследования. На первом этапе выделили на исследуемой выборке две полярные группы по склонности к спортивной аддикции. На втором этапе выявили взаимосвязь между уровнями саморегуляции и склонностью к спортивной аддикции и сравнили показатели эмоциональной и волевой регуляции у испытуемых с разной степенью выраженности склонности к спортивной аддикции. На третьем этапе описали различия между показателями саморегуляции поведения отдельно у мужчин и женщин.

Результаты исследования

Первый этап

В результате кластеризации участников исследования было выделено 3 группы (кластера), которые соответствуют параметрам выраженности спортивной аддикции. В

первый кластер вошли 34 человека, демонстрирующих высокие значения аддикции упражнений и средние самоотвращения ($M1. = 19,20$, $M2. = 24,76$), во второй кластер – 39 человек, чьи показатели аддикции и самоотвращения не превышают пороговые ($M1. = 14,02$, $M2. = 23,35$), в третий кластер – 33 человека с высокими значениями по обоим шкалам ($M1. = 19,45$, $M2. = 30,48$). Поскольку обе методики являются лишь скрининговыми и позволяют оценить скорее наличие групп риска, нежели действительные клинические случаи, нами были изменены пороговые значения для каждой шкалы. Так, высокие значения для шкалы «Определитель аддикции упражнений» считается от 16 (в тексте оригинальной методики указано значение 24), а высокие значения – для шкалы «Подшкала самоотвращение» от 28 (в тексте оригинальной методики указано значение 16).

Второй этап

В анализ различий двух групп в качестве независимой (межгрупповой) переменной включались показатели уровня спортивной аддикции (высокая и низкая) а в качестве зависимых (внутригрупповых) переменных – показатели шкал эмоциональной дисрегуляции, стилей саморегуляции поведения и волевой саморегуляции. Статистически значимых различий между группами по показателям стилей саморегуляции, волевой саморегуляции и эмоциональной дисрегуляции не выявлено, все значения $p > 0,05$. Однако выявлены связи показателей аддикции упражнений с некоторыми шкалами саморегуляции. Так, оба показателя шкал склонности к спортивной аддикции положительно коррелируют со склонностью к избеганию ($r1 = 0,325$, $p < 0,001$, $r2 = 0,269$, $p < 0,01$) и руминациями ($r1 = 0,264$, $p < 0,01$, $r2 = 0,257$, $p < 0,01$). Кроме того, отдельно шкала «Определитель аддикции упражнений» положительно коррелирует с уровнем настойчивости ($r1 = 0,195$, $p < 0,05$) и отрицательно – с уровнем надежности ($r1 = -0,331$, $p < 0,001$).

Третий этап

В анализ различий двух групп в качестве независимой (межгрупповой) переменной включался пол (мужской и женский) а в качестве зависимых (внутригрупповых) переменных – показатели шкал эмоциональной дисрегуляции, стилей саморегуляции поведения и волевой саморегуляции. Статистически значимых различий между мужчинами и женщинами по показателям стилей саморегуляции, волевой саморегуляции и эмоциональной дисрегуляции не выявлено, все значения $p > 0,05$.

Обсуждение результатов

Настоящие результаты статистического анализа показали, что не существует значимых различий в особенностях саморегуляции между лицами с признаками спортивной аддикции и теми, кто занимается спортом без аддиктивных проявлений. Это может указывать на то, что наличие признаков спортивной аддикции не связано с базовыми механизмами саморегуляции. Лица с аддиктивными паттернами используют те же стратегии планирования, оценки результатов и коррекции поведения, что и лица без признаков спортивной аддикции. Это дает нам основание предполагать, что для спортивных аддиктов спорт является приемлемым, не разрушающим для них способом достижения здорового образа жизни. Возможно, чрезмерное увлечение спортом у таких людей носит больше характер копинг-стратегии в борьбе с актуальным стрессовым состоянием, негативными эмоциями или привычками. Отсутствие различий может объясняться также компенсаторной

функцией саморегуляции: даже при наличии аддикции испытуемые сохраняют способность эффективно управлять своей активностью и деятельностью, хотя и в несколько искаженной форме (например, жесткий контроль за тренировками при игнорировании других сфер жизни). Также отсутствие различий можно объяснить в специфике выборки (основное ограничение исследования), которая включала лиц с начальными стадиями аддикции или предрасположенностью к аддикции, у которых деформации саморегуляции еще не достигли клинической выраженности.

Полученные результаты противоречат ряду работ, где выявлены различия в системе саморегуляции у спортивных аддиктов [4; 6; 8; 19]. Это противоречие может быть связано с культурными особенностями выборки или различиями в критериях выделения аддикции (в некоторых исследованиях пороговые значения были жестче). Несмотря на то, что статистически значимых различий между группами с высоким и низким уровнями спортивной аддикции, а также между группами мужчин и женщин по показателям стилей саморегуляции, волевой саморегуляции и эмоциональной дисрегуляции не выявлено, в отношении некоторых шкал саморегуляции показатели аддикции упражнений все же демонстрируют статистически значимые связи. Так, оба показателя шкал склонности к спортивной аддикции положительно коррелируют со склонностью к избеганию и руминации. Кроме того, отдельно шкала «Определитель аддикции упражнений» положительно коррелирует с уровнем настойчивости и отрицательно с уровнем надежности.

Данный результат согласуется с теориями, рассматривающими аддиктивное поведение как механизм совладания со стрессом [20]. Люди, склонные к чрезмерным физическим нагрузкам, могут использовать спорт как способ эмоциональной регуляции, где избегание играет роль отвлечения от негативных переживаний или бегства от психологического дискомфорта. Высокий уровень руминации может усиливать потребность в физической активности путем контроля над тревожными мыслями. Положительная связь спортивной аддикции с настойчивостью указывает на высокую целеустремленность и упорство в достижении спортивных целей. Однако, учитывая аддиктивный контекст, это может говорить о компульсивном характере тренировок. Это подтверждает идею о том, что спортивная аддикция, как и другие формы зависимого поведения, сочетает в себе как позитивные (мотивация, стремление к здоровому образу жизни, дисциплина), так и деструктивные аспекты (компульсивность, потеря контроля, эффект намерения). Отрицательная связь аддикции с надежностью может означать, что лица с выраженной спортивной аддикцией не склонны действовать осознанно в сложных, психологически напряженных ситуациях. Они могут пренебрегать другими важными сферами ради тренировок, что также соотносится с теориями аддиктивного поведения и характерно для зависимости в целом. Стоит отметить, что в группу риска спортивной аддикции вошло больше женщин, чем мужчин. Это может свидетельствовать о том, что женщины чаще испытывают социальное давление, связанное с идеалами красоты и стройности, что может приводить к навязчивым тренировкам. Кроме того, существуют исследования, доказывающие, что у женщин чаще распространена вторичная спортивная аддикция, которая связана с расстройствами пищевого поведения (анорексия, булимия). Здесь главную роль играет постоянный контроль за съеденной пищей, подсчет калорий [12].

Выводы

В ходе нашей работы мы пришли к следующим выводам:

1. Зависимость от физических упражнений интерпретируется многими авторами как поведенческая зависимость. Она часто связана с нарушениями в саморегуляции – способности управлять своими эмоциями, поведением и мотивацией.

2. Взаимосвязь между уровнем развития спортивной аддикции и общим уровнем саморегуляции и волевой саморегуляции не обнаружена. В научной литературе остается дефицитарность исследований в области связи саморегуляции и воли у спортивных аддиктов;

3. Склонность к спортивной аддикции положительно коррелирует со склонностью к избеганию и руминациями. Кроме того, отдельно шкала «Определитель аддикции упражнений» положительно коррелирует с уровнем настойчивости и отрицательно – с уровнем надежности. Данный результат согласуется с теориями, рассматривающими аддиктивное поведение как копинг-стратегию.

4. Не обнаружено различий между мужчинами и женщинами по показателям спортивной аддикции, стилями саморегуляции, волевой саморегуляции и эмоциональной дисрегуляции.

Результаты исследования могут применяться практическими психологами при разработке и проведении программ психотерапевтической и личностно-развивающей направленности и в ходе семейного и индивидуального психологического консультирования. Выводы строились исключительно по результатам выбранных методик для исследования. Важно уточнить, что оказывать эффект на результаты исследования могут также дополнительные и побочные переменные – уровень самооценки, уровень тревожности во время прохождения исследования, генетические факторы, наличие психических расстройств, социальное окружение, влияние социокультурных факторов и масс-медиа. В последующих эмпирических исследованиях стоит учесть социокультурные факторы, влияющие на формирование аддиктивного поведения и отношение к телу, т. к. обзор исключительно психологических факторов не дает полного понимания этого сложного феномена. Несмотря на отсутствие значимых различий в общих показателях саморегуляции, качественный анализ (например, интервью) мог бы выявить специфические когнитивные искажения у аддиктов. Для уточнения результатов целесообразно расширить выборку, включив лица с клинически выраженной аддикцией. Применить глубинные методы (проективные тесты, анализ дневников тренировок) и исследовать опосредующие факторы (тревожность, уровень самооценки, социальное давление).

Библиографический список

1. Бабина В.С. и др. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. психологии. Москва: Изд-во МГУ, 1990. 159 с.
2. Егоров А.Ю. и др. Модели спортивной аддикции / А.Ю. Егоров, А. Сабо, О.В. Фельсендорф // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 96–109. EDN: WZXMRZ
3. Зинченко М.И. и др. Спортивная аддикция (обзор литературы) / М.И. Зинченко, В.В. Гультева, Д.Ю. Урюмцев, С.Г. Кривошеков // Человек. Спорт. Медицина. 2021. № 4. С. 139–149. DOI: 10.14529/hsm210416 EDN: KCXTJN

4. Мережникова И.М., Шевкова Е.В. Особенности саморегуляции психических состояний в спорте высших достижений // Будущее психологии: материалы Всерос. студ. конф. (16 апреля 2008 г.) / под ред. Е.В. Левченко, А.Ю. Бергфельд; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. С. 88–91.
5. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. Т. 66, № 4. С. 155–167. EDN: XLPKCR
6. Опенко Т.Г. и др. Спортивный туризм как способ реализации аддиктивности / Т.Г. Опенко, М.Г. Чухрова, В.П. Леутин, Ю.Н. Кабанов // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3. С. 205–208. EDN: KYSUWF
7. Польская Н.А., Разваляева А.Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 4. С. 71–93. DOI: 10.17759/cpp.2017250406 EDN: [ZWZRRN](#)
8. Пчелкина Е. П., Яцко А. Г. Проблема спортивной аддикции в молодежной среде // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. статей / отв. ред. А. А. Гиричев. Белгород: ООО «ГиК», 2018. С. 339–342.
9. Скибина В. Б. Психокоррекция негативного образа тела у девушек, склонных к нарушению пищевого поведения // Дипломная работа.: НИУ БелГУ, 2017.
10. Суворова В. В. Расстройства пищевого поведения, их распространённость среди подростков и молодых людей 14-25 лет // Журнал FORCIPE. – 2021. – Т. 4. – № S1. – С. 720-721.
11. Тхостова А. Ш., Рассказова Е. И. Руководство по психологии здоровья. — М.: Издательство Московского университета, 2019. — 840 с.
12. Фельсендорфф О. В., Егоров А. Ю. Риски развития аддикции упражнений и расстройств пищевого поведения среди женщин, посещающих фитнес-клубы // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2017, № 4 — С. 96-101.
13. Фельсендорфф О. В., Егоров А. Ю., Афанасьев С. В. Характеристики образа тела и личностные особенности женщин, занимающихся фитнесом // Сибирский вестник психиатрии и наркологии, № 2, 2016, С. 93-99.
14. Филиппова С. А., Шелиспанская Э. В. Феномен неудовлетворенности собственным телом в юношеском возрасте: психологические причины и возможности коррекции // Психолог. 2017. № 4. С. 21-31.
15. Холмогорова А. Б., Дадеко А. А. Физический перфекционизм как фактор расстройств аффективного спектра в современной культуре // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – № 3. – С. 71-79.
16. Draeger J., Yates A., Crowell D. The Obligatory Exerciser. Assessing an Overcommitment to Exercise // The Physician and Sportsmedicine. 2005. Vol. 33. № 6. Pp. 13–23.
17. Egorov A. Y., Szabo A. The exercise paradox: An interactional model for a clearer conceptualization of exercise addiction // J. of Behav. Addictions. 2013. V. 2 (4). P. 199–208.
18. Griffiths M. D., Szabo A., Terry A. The exercise addiction inventory: A quick and easy screening tool for health practitioners // British Journal of Sports Medicine. 2005. Vol. 39, № 6. P. 30–31.
19. Krivoschekov S. G., Lushnikov O. N. The Functional State of Athletes Addicted to Exercises during Exercise Deprivation // J Yoga Phys Ther. 2018, 8:288.
20. Veale D. Does primary exercise dependence really exist? // Exercise addiction: Motivation for participation in sport and exercise: Proceedings of British Psychology, Sport and Exercise Psychology Section / In: J. Annett, B. Cripps and H. Steinberg (Eds). British Psychological Society, Leicester. UK. 1995. Pp. 71–75.
21. World Health Organization. Noncommunicable disease progress monitor. Geneva: World Health Organization; 2015.

УДК 159.922.8

EDN VIFIOP

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-72-84

Мехоношина Анастасия Александровна,
студентка специальности «Клиническая психология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
mehonoshina.nastya2016@yandex.ru

Продовикова Анастасия Геннадьевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и клинической психологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
arilama@yandex.ru
SPIN-код: 2172-2115

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И АГРЕССИВНОСТИ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СМАРТФОНА

В статье обсуждаются результаты исследования взаимосвязи субъективного переживания одиночества и агрессивности у студентов, характеризующихся разным уровнем зависимости от смартфона. В выборку вошли 104 студента (84 девушки и 20 юношей в возрасте от 17 до 28 лет): 35 человек с низким уровнем зависимости, 39 – со средним уровнем и 30 – с высоким. Для диагностики использовались три опросника: «Шкала зависимости от смартфона» В.П. Шейнова, Опросник агрессивности Басса-Перри «BPAQ-24» в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского, Дифференциальный опросник переживания одиночества «ДОПО-3» Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева. Выявлено, что студенты с высоким уровнем зависимости от смартфона демонстрируют более высокий уровень враждебности и гнева, повышенную потребность в социальных контактах, более выраженный эмоциональный дискомфорт и сниженную способность к продуктивному уединению по сравнению со студентами из других групп. Обнаружены корреляции между показателями одиночества и агрессивности во всех исследуемых группах, но эти связи специфичны, и в каждой группе враждебность коррелирует с разными аспектами субъективного переживания одиночества. Полученные результаты могут быть взяты за основу при разработке профилактических и коррекционных программ по цифровой гигиене.

Ключевые слова: зависимость от смартфона, субъективное переживание одиночества, агрессивность, студенты, поведенческая аддикция.

Ссылка для цитирования: Мехоношина А.А., Продовикова А.Г. Взаимосвязь субъективного переживания одиночества и агрессивности у студентов с разным уровнем зависимости от смартфона // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. — 2026. — № 1(16). — С. 72–84. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-72-84> EDN VIFIOP

Anastasia A. Mehonoshina,
student of the Specialty «Clinical Psychology»
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
mehonoshina.nastya2016@yandex.ru

Anastasia G. Prodovikova,
PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
arilama@yandex.ru
SPIN code: 2172-2115

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SUBJECTIVE EXPERIENCE OF LONELINESS AND AGGRESSION AMONG STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF SMARTPHONE ADDICTION

The article discusses the results of a study of the relationship between the subjective experience of loneliness and aggression among students characterized by different levels of dependence on a smartphone. The sample included 104 students (84 girls and 20 boys aged 17 to 28 years): 35 people with a low level of addiction, 39 with an average level and 30 with a high level. Three questionnaires were used for diagnosis: the "Smartphone Dependence Scale" by V.P. Sheinov, the Bass-Perry Aggressiveness Questionnaire "BPAQ-24" adapted by S.N. Enikolopov and N.P. Tsubulskiy, and the Differential Loneliness Questionnaire "DOPO-3" by E.N. Osin and D.A. Leontiev. It was revealed that students with a high level of smartphone dependence demonstrate a higher level of hostility and anger, an increased need for social contacts, more pronounced emotional discomfort and a reduced ability to productive solitude compared with students from other groups. Correlations were found between indicators of loneliness and aggressiveness in all the studied groups, but these correlations are specific, and in each group hostility correlates with different aspects of the subjective experience of loneliness. The results obtained can be used as a basis for the development of preventive and psychotherapeutic programs for digital hygiene.

Keywords: smartphone addiction, subjective loneliness, aggressiveness, students, behavioral addiction

For citation: Mehonoshina A.A., Prodovikova A.G. [The relationship between the subjective experience of loneliness and aggression among students with different levels of smartphone addiction]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 72–84 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-72-84>, EDN VIFIOP

Введение

Современная реальность характеризуется интенсивной цифровизацией всех сфер жизни, которая трансформирует традиционные формы обучения и социального взаимодействия. Особую значимость эти процессы приобретают в студенческой среде, где цифровые технологии становятся не только инструментом образования, но и ключевым каналом социализации. Однако широкое распространение смартфонов порождает парадокс: обеспечивая постоянную коммуникационную доступность, они одновременно способствуют росту психологического неблагополучия среди студентов. Результаты исследований показывают, что активное использование смартфона усиливает переживание одиночества за счет вытеснения глубоких межличностных контактов поверхностными цифровыми взаимодействиями [16], а также коррелирует с повышением уровня раздражительности и импульсивности у студентов [19].

Зависимость от смартфона является относительно новым поведенческим феноменом и характеризуется компульсивным, неконтролируемым использованием смартфона, приводящим к функциональным нарушениям и психологической зависимости от устройства

[17; 18]. В отечественной психологии ее часто рассматривают как синтез интернет-зависимости и зависимости от социальных сетей, поскольку смартфон является универсальным средством для цифровых активностей [3].

Зависимость от смартфона соответствует критериям аддиктивного поведения Брауна – Гриффитса (сверхценность, эйфория, толерантность, симптомы отмены, конфликт, рецидив) и относится к категории поведенческих (нехимических) аддикций [10]. В своей классификации нехимических зависимостей А.Ю. Егоров включил ее в группу «другие технологические зависимости» [5]. Поэтому, несмотря на методологические споры, термин «зависимость» в контексте смартфона наиболее часто используется в научной литературе.

Ключевым физиологическим механизмом формирования зависимости от смартфона является активация системы вознаграждения мозга. Как демонстрируют исследования [15], выброс дофамина происходит как при непосредственном использовании смартфона, так и в ситуации предвкушения прочтения уведомления («эффект предвкушения»), что создает устойчивую схему положительного подкрепления.

Зависимость от смартфона обнаруживает устойчивые связи со множеством различных психологических феноменов, среди которых высокая импульсивность, низкий самоконтроль [14], низкая самооценка, раздражительность, стресс и неудовлетворенность жизнью. Установлена также прочная двунаправленная связь с тревогой и депрессией: эти состояния могут выступать как причиной, так и следствием аддикции [13]. К основным негативным последствиям относятся нарушения сна, проблемы со зрением и опорно-двигательным аппаратом [17].

Одиночество понимается нами вслед за С.Г. Корчагиной как особое психическое состояние человека, суть которого составляет переживание своей отдельности в сочетании с ощущением субъективной невозможности поддерживать эмоциональную связь с другими, а также быть принятым и признанным ими [9].

В современной литературе для более четкого понимания феноменов необходимо разграничивать понятия одиночества, изоляции и уединения. Изоляция представляет собой объективную физическую и пространственную отдаленность от социального окружения, в то время как одиночество как субъективное переживание связано не с физической отдаленностью, а с отсутствием эмоциональной близости с кем-либо [7]. Уединение же является осознанным и временным выбором человека, который может носить позитивный характер и не вызывать дискомфорта. Таким образом, человек может испытывать одиночество, даже будучи окруженным людьми, и наоборот – находиться в изоляции, но не чувствовать себя одиноким [2].

Агрессивность рассматривается нами как черта личности, выражающаяся в склонности к враждебности, раздражительности и готовности к агрессивным действиям [8]. В отличие от агрессии как формы поведения, агрессивность представляет собой устойчивую диспозицию, которая способна проявляться в различных жизненных обстоятельствах [6].

Е.П. Ильин выделяет следующие характеристики агрессивной личности: мстительность, напористость, неуступчивость, нетерпимость к мнению других и бескомпромиссность. Помимо этого, важную роль в усилении агрессивности и проявлении враждебного

поведения играют такие конфликтные свойства, как вспыльчивость, обидчивость и подозрительность [6].

Студенческий возраст характеризуется одновременным протеканием нескольких кризисных процессов: сепарацией от родителей, формированием идентичности и построением новых социальных связей [7]. Значительный эффект на молодых людей оказывает кардинальная смена окружения после поступления в вуз или колледж – это приводит к отдалению и, возможно, последующей потере привычных отношений и необходимости формирования нового круга общения в условиях академического стресса. В ответ на эмоциональный дискомфорт смартфон становится компенсаторным механизмом, предлагающим иллюзию близкого социального взаимодействия [4]. Одновременно с этим трудности в адаптации могут провоцировать агрессивное поведение как неосознанную попытку привлечь внимание или защитить личные границы, особенно у студентов с низкими коммуникативными способностями.

Нестабильность, уязвимость студенческого возраста создает условия, в которых смартфон используется в качестве инструмента компенсации стресса и дефицита общения. Эмпирические данные говорят о наличии связи между этими феноменами. Так, В.П. Шейнов и Н.В. Дятчик выявили, что зависимость от смартфона положительно связана с одиночеством и агрессивностью, причем одиночество выступает одним из наиболее значимых предикторов аддикции [14]. Ф.Г. Ильмаз также указал взаимосвязь между одиночеством и агрессивностью, и доказал, что одиночество значимо влияет на зависимость от смартфона и агрессивное поведение, а агрессия, в свою очередь, является значимым предиктором аддикции [19]. Совокупность этих данных позволяет говорить о тесных взаимосвязях между одиночеством, агрессивностью и зависимостью от смартфона, причем все названные феномены усиливают друг друга.

Однако указанные взаимосвязи изучались преимущественно на зарубежных выборках и, как правило, анализировались в целом, без дифференциации отдельных параметров одиночества и агрессивности. Специфика проявления этих связей у российских студентов с разным уровнем сформированности зависимости от смартфона остается неисследованной. Вместе с тем понимание особенностей взаимосвязи аспектов переживания одиночества и агрессивности у лиц с зависимостью от смартфона позволит определить мишени профилактических и коррекционных программ для улучшения психологического благополучия современной молодежи.

Целью нашего исследования является выявление взаимосвязей переживания одиночества и агрессивности у студентов, склонных к зависимости от смартфона. Опираясь на имеющиеся в литературе данные, мы сформулировали следующие гипотезы:

1. У студентов с высоким уровнем зависимости от смартфона субъективное переживание одиночества выше, чем у студентов с низким и средним уровнем зависимости от смартфона (Шейнов В.П., Дятчик Н.В., 2021) [14].
2. У студентов с высоким уровнем зависимости от смартфона уровень агрессивности выше, чем у студентов с низким и средним уровнем зависимости от смартфона (Шейнов В.П., Дятчик Н.В., 2021) [14].
3. Существуют взаимосвязи между показателями одиночества и агрессивности у студентов с разным уровнем зависимости от смартфона (Ильмаз Ф.Г., 2023) [19].

Методы

Исследование проводилось с февраля по апрель 2025 года с использованием электронных бланков интернет-ресурса «Online Test Pad». Выборка была набрана через объявления в социальных сетях ВКонтакте и Telegram. В исследовании приняли участие 104 студента высших учебных заведений г. Перми от 17 до 28 лет ($M = 21.6$, $SD = 2.73$). Среди них 20 юношей (19,2 %) и 84 девушки (80,8 %). По результатам диагностики уровня зависимости от смартфона испытуемые были разделены на 3 группы. В группу с низким уровнем зависимости вошло 35 человек: 10 юношей и 25 девушек ($M = 22.1$, $SD = 2.81$); в группу со средним уровнем – 39 человек: 7 юношей и 32 девушки ($M = 21.6$, $SD = 2.79$); в группу с высоким уровнем – 30 человек: 3 юноши и 27 девушек ($M = 21.1$, $SD = 2.53$).

Испытуемые заполняли следующие методики:

1. Шкала зависимости от смартфона для выявления уровня зависимости от смартфона [12].
2. Опросник агрессивности Басса-Перри «BPAQ-24» для диагностики склонности респондента к агрессии [1].
3. Дифференциальный опросник переживания одиночества «ДОПО-3» для диагностики глубины и характера переживания одиночества, включая его субъективное восприятие респондентом [11].

Оценка характера распределения осуществлялась с помощью критериев Шапиро – Уилка и z-критерия. Для проверки гипотез использовались непараметрический U-критерий Манна – Уитни и ранговый корреляционный анализ по Ч. Спирмену. Обработка результатов осуществлялась в программе JASP 0.18.3.

Результаты

У студентов с *низким* уровнем зависимости от смартфона выявлена средняя выраженность большинства параметров одиночества и агрессивности, что говорит о ситуативных проявлениях раздражительности, не нарушающей их социального функционирования, а также об умеренной потребности в общении, сопровождающейся периодическим, но не деструктивным чувством одиночества. Ключевой особенностью является высокий уровень позитивного отношения к одиночеству. Студенты данной группы склонны воспринимать одиночество как ресурс для отдыха и саморазвития, о чем говорят высокие показатели шкал «Радость уединения» ($m = 13,37$), «Ресурс уединения» ($m = 18,77$) и «Позитивное одиночество» ($m = 32,14$).

Студенты со *средним* уровнем зависимости от смартфона демонстрируют схожие результаты с предыдущей группой. У них также отмечаются средние уровни субъективного переживания одиночества и агрессивности, что указывает на адаптивные проявления этих состояний. Так же, как и в первой группе, эти студенты демонстрируют высокий уровень позитивного отношения к одиночеству.

Результаты прохождения методик в группе студентов с *высоким* уровнем зависимости от смартфона отличаются от результатов других групп. Главным отличием являются повышенные показатели гнева, что свидетельствует о склонности к раздражительности и импульсивным реакциям. При этом у них также сохраняется высокий уровень позитивного отношения к одиночеству. Однако в данном случае эта особенность может быть тесно

связана с самой зависимостью, поскольку уединение создает идеальные условия для длительного использования смартфона без внешних помех.

Проверка характера распределения данных осуществлялась с помощью критериев Шапиро – Уилка и z-критерия. Результаты анализа в группах респондентов с низким, средним и высоким уровнем зависимости от смартфона показали, что большинство шкал в каждой группе имеют ненормальное распределение (уровень значимости $p < 0,05$; z-показатель асимметрии и/или эксцесса превышает 1,96), что обусловило использование непараметрических методов.

Для выявления *различий* в параметрах субъективного одиночества и агрессивности у студентов с разным уровнем зависимости от смартфона использовался U-критерий Манна – Уитни. Результаты сравнения групп с низким и высоким уровнем зависимости от смартфона представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение показателей субъективного переживания одиночества и агрессивности у студентов с низким и высоким уровнем зависимости от смартфона

Название шкалы	Средние значения группы с низким уровнем ЗОС	Средние значения с высоким уровнем ЗОС	U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости (p)
Гнев	19.60	22.83	378.00	0.053
Враждебность	18.60	21.16	359.50	0.03
Физическая агрессия	17.45	19.50	434.00	0.23
Зависимость от общения	28.94	33.66	330.50	0.01
Общее переживание одиночества	24.31	25.40	502.00	0.76
Потребность в компании	10.11	11.96	355.00	0.02
Самоощущение	8.65	9.66	456.00	0.36
Отчуждение	8.48	8.86	494.00	0.68
Дисфория	7.34	9.53	263.50	< .001
Проблемное одиночество	11.48	12.16	470.50	0.47
Радость уединения	13.37	12.33	685.00	0.03
Ресурс уединения	18.77	18.53	556.00	0.68
Позитивное одиночество	32.14	30.86	605.00	0.29
Изоляция	7.17	6.76	572.00	0.52

Примечание: жирным шрифтом обозначены значимые различия. ЗОС – зависимость от смартфона.

Сравнительный анализ показал, что у студентов с высоким уровнем зависимости от смартфона выше показатели по шкалам «Враждебность» ($U = 359,5$; $p < 0,05$), «Зависимость от общения» ($U = 330,5$; $p < 0,05$), «Потребность в компании» ($U = 355,0$; $p < 0,05$) и «Дисфория» ($U = 263,5$; $p < 0,001$). В то время как по шкале «Радость уединения», напротив, показатели выше у группы с низким уровнем зависимости от смартфона ($U = 685,0$; $p < 0,05$).

Сравнительный анализ также был выполнен между группами студентов со средним и высоким уровнем зависимости от смартфона. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Сравнение показателей субъективного ощущения одиночества и агрессивности у студентов со средним и высоким уровнем зависимости от смартфона

Название шкалы	Средние значения группы с средним уровнем ЗОС	Средние значения с высоким уровнем ЗОС	U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости (p)
Гнев	18.02	22.83	340.50	0.003
Враждебность	20.00	21.16	497.50	0.29
Физическая агрессия	17.61	19.50	449.00	0.10
Зависимость от общения	32.97	33.66	551.50	0.68
Общее переживание одиночества	26.82	25.40	627.00	0.61
Потребность в компании	11.56	11.96	538.50	0.57
Самоощущение	9.71	9.66	595.50	0.90
Отчуждение	9.15	8.86	615.50	0.71
Дисфория	9.53	9.53	579.50	0.95
Проблемное одиночество	11.87	12.16	534.50	0.54
Радость уединения	12.38	12.33	626.00	0.62
Ресурс уединения	18.82	18.53	612.50	0.74
Позитивное одиночество	31.20	30.86	615.00	0.72
Изоляция	7.84	6.76	669.50	0.29

Примечание: жирным шрифтом обозначены значимые различия. ЗОС – зависимость от смартфона.

Как видно из таблицы 2, имеется статистически значимое различие по шкале «Гнев» ($U = 340,5$; $p < 0,05$) между группами студентов со средним и высоким уровнем зависимости от смартфона. Показатели гнева оказались выше в группе с высоким уровнем зависимости от смартфона по сравнению с группой со средним уровнем зависимости.

Полученные данные подтверждают нашу гипотезу о наличии значимых различий в показателях одиночества и агрессивности у студентов с разным уровнем зависимости от смартфона. Студенты с высоким уровнем такой зависимости демонстрируют повышенные показатели враждебности и гнева, что отражает их склонность к агрессивным реакциям и негативному восприятию окружающих. Одновременно с этим у них наблюдается выраженная потребность в социальных контактах при сниженной способности к продуктивному уединению, а также склонность к переживанию негативных эмоций.

Для оценки *взаимосвязи* параметров одиночества и агрессивности у студентов с разным уровнем зависимости от смартфона использовался ранговый корреляционный анализ по Ч. Спирмену. Анализ проводился отдельно для каждой группы, т. к. на общей выборке значимые корреляции не обнаружены. Результаты корреляционного анализа в группе студентов с низким уровнем зависимости от смартфона представлены в таблице 3.

Таблица 3. Взаимосвязь параметров зависимости от смартфона, субъективного переживания одиночества и агрессивности у студентов с низким уровнем зависимости от смартфона

Название шкалы	Зависимость от смартфона	Гнев	Враждебность	Физическая агрессия
Зависимость от смартфона	–	0.188	0.099	-0.126
Зависимость от общения	0.354*	0.094	0.088	-0.130
Общее переживание	-0.295	-0.049	0.463**	-0.139

одиночества				
Потребность в компании	0.340*	0.142	-0.033	-0.093
Самоощущение	-0.323	-0.028	0.336*	-0.082
Отчуждение	-0.248	-0.093	0.376*	-0.093
Дисфория	0.120	0.286	0.357*	-0.044
Проблемное одиночество	0.225	-0.010	0.019	-0.091
Радость уединения	0.098	-0.030	0.039	-0.006
Ресурс уединения	-0.167	-0.103	-0.024	-0.026
Позитивное одиночество	-0.124	-0.038	-0.014	0.024
Изоляция	-0.287	-0.083	0.369*	-0.089

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Жирным шрифтом обозначены значимые корреляции.

Корреляционный анализ в группе с низким уровнем зависимости от смартфона выявил значимые прямые связи между показателями агрессивности и переживанием одиночества. Шкала «Враждебность» демонстрирует прямые корреляции со шкалами «Общее переживание одиночества» ($r = 0.46$, $p < 0,01$), «Самоощущение» ($r = 0.33$, $p < 0,05$), «Отчуждение» ($r = 0.37$, $p < 0,05$), «Дисфория» ($r = 0.35$, $p < 0,05$), и «Изоляция» ($r = 0.36$, $p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что повышенный уровень враждебности связан с более интенсивным переживанием одиночества, чувством отчуждения и социальной изоляции. Также были обнаружены положительные взаимосвязи между зависимостью от смартфона и потребностью в социальных контактах: шкала «Зависимость от смартфона» коррелирует со шкалами «Зависимость от общения» ($r = 0.35$, $p < 0,05$) и «Потребность в компании» ($r = 0.34$, $p < 0,05$), что говорит о том, что люди, которые чаще используют смартфон, острее переживают потребность в социальных контактах.

Таблица 4. Взаимосвязь показателей зависимости от смартфона, субъективного переживания одиночества и агрессивности у студентов со средним уровнем зависимости от смартфона

Название шкалы	Зависимость от смартфона	Гнев	Враждебность	Физическая агрессия
Зависимость от смартфона	–	-0.251	-0.274	-0.120
Зависимость от общения	-0.231	0.200	0.175	0.447**
Общее переживание одиночества	-0.201	0.166	0.479**	0.154
Потребность в компании	-0.231	0.208	0.058	0.316
Самоощущение	-0.113	0.141	0.417**	0.164
Отчуждение	-0.189	0.080	0.418**	0.113
Дисфория	-0.160	0.152	0.231	0.481**
Проблемное одиночество	-0.197	0.143	0.060	0.330*
Радость уединения	0.134	-0.116	0.035	-0.332*
Ресурс уединения	0.118	-0.310	0.186	-0.280
Позитивное одиночество	0.151	-0.280	0.091	-0.375*
Изоляция	-0.251	0.158	0.419**	0.106

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Жирным шрифтом обозначены значимые корреляции.

Как видно из таблицы 4, корреляционный анализ в группе студентов со средним уровнем зависимости от смартфона также выявил ряд значимых взаимосвязей между показателями агрессивности и одиночества. Обнаружены положительные корреляции шкалы «Враждебность» со шкалами «Общее переживание одиночества» ($r = 0.47, p < 0,01$), «Самоощущение» ($r = 0.41, p < 0,01$), «Отчуждение» ($r = 0.41, p < 0,01$) и «Изоляция» ($r = 0.41, p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что повышение уровня враждебности связано с усилением переживания одиночества и ощущения отчужденности от социального окружения. Шкала «Физическая агрессия» демонстрирует значимые прямые связи с показателями «Зависимость от общения» ($r = 0.44, p < 0,01$), «Дисфория» ($r = 0.48, p < 0,01$) и «Проблемное одиночество» ($r = 0.33, p < 0,05$). Это позволяет предположить, что у студентов склонность к физической агрессии сочетается с повышенной потребностью в социальных контактах на фоне эмоционального дискомфорта и негативного восприятия одиночества.

Одновременно с этим выявлены отрицательные корреляции показателя «Физическая агрессия» со шкалами «Радость уединения» ($r = -0.33, p < 0,05$) и «Позитивное одиночество» ($r = -0.37, p < 0,05$), что указывает на неспособность студентов с агрессивным поведением использовать уединение для продуктивной деятельности и получения позитивного опыта.

Таблица 5. Взаимосвязь показателей зависимости от смартфона, субъективного переживания одиночества и агрессивности у студентов с высоким уровнем зависимости от смартфона

Название шкалы	Зависимость от смартфона	Гнев	Враждебность	Физическая агрессия
Зависимость от смартфона	–	0.142	-0.014	0.304
Зависимость от общения	-0.176	0.139	0.332	0.004
Общее переживание одиночества	-0.152	-0.110	0.009	0.324
Потребность в компании	-0.170	0.087	0.281	-0.218
Самоощущение	-0.058	-0.142	0.142	0.244
Отчуждение	-0.138	-0.020	-0.044	0.337
Дисфория	-0.128	-0.071	0.159	0.103
Проблемное одиночество	-0.239	0.310	0.367*	0.024
Радость уединения	-0.190	0.124	-0.132	0.079
Ресурс уединения	-0.044	0.305	-0.116	0.298
Позитивное одиночество	-0.101	0.255	-0.099	0.258
Изоляция	-0.209	-0.177	-0.133	0.269

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Жирным шрифтом обозначены значимые корреляции.

Корреляционный анализ в группе студентов с высоким уровнем зависимости от смартфона (см. таблицу 5) выявил значимую прямую связь между показателями «Враждебность» и «Проблемное одиночество» ($r = 0.36, p < 0,05$). Обнаруженная взаимосвязь позволяет предположить, что трудности в установлении и поддержании социальных контактов, характерные для лиц с повышенной враждебностью, способствуют усилению переживания проблемного одиночества.

Анализ корреляционных связей во всех трех группах показал, что только у студентов с высоким уровнем зависимости от смартфона имеется всего одна значимая взаимосвязь

между параметрами одиночества и агрессивности, а именно «Враждебностью» и «Проблемным одиночеством». Это дает основания предположить, что чрезмерное использование смартфона может выступать дополнительным фактором, усиливающим негативные психологические паттерны, связывающие враждебность и переживание одиночества. В группе со средним уровнем зависимости от смартфона враждебность связана с общим переживанием одиночества и такими его аспектами, как самоощущение и отчуждение.

Обсуждение

Результаты исследования говорят о специфике аспектов переживания одиночества и их связи с параметрами агрессивности у студентов с разным уровнем зависимости от смартфона.

Для студентов с высоким уровнем зависимости, с одной стороны, характерна выраженная потребность в социальных контактах, с другой стороны, они отличаются повышенной склонностью к раздражительности, чрезмерному эмоциональному реагированию в стрессовых ситуациях, негативным восприятием окружающих и интенсивным переживанием отрицательных эмоциональных состояний. При этом они не склонны к уединению как к продуктивному переживанию одиночества.

Это противоречие, вероятно, может объясняться ухудшением навыков эмоциональной регуляции вследствие чрезмерного увлечения смартфоном, что согласуется с результатами исследования В.П. Шейнова и Н.В. Дятчик [14]. При этом среди респондентов не выявлено склонности к открытой физической агрессии. Можно предположить, что для данной группы более характерны вербальные или косвенные формы агрессивного поведения, например, пассивная агрессия в цифровом пространстве.

Помимо этого, корреляционный анализ позволил выявить следующую закономерность: переживание одиночества и связанных с ним негативных эмоций способствует усилению агрессивных проявлений, направленных на окружающих. Вместе с тем в группе со средним уровнем зависимости от смартфона мы видим, как позитивное восприятие одиночества и рассмотрение его в качестве времени для саморазвития и восстановления сил может смягчать агрессивные реакции, выполняя тем самым защитную функцию. Данный результат совпадает с выводами Ф.Г. Ильмаза [19].

Важно отметить, что по большинству параметров студенты всех трех групп остаются в пределах нормативного диапазона. Это свидетельствует о том, что даже при наличии выраженной зависимости от смартфона проявления одиночества и агрессивности носят скорее адаптационный, нежели патологический характер.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений, связанных с характеристиками выборки и методологией. Во-первых, небольшой объем и неоднородность выборки по половому признаку (84 девушки и 20 юношей) не позволяют в полной мере экстраполировать полученные результаты на всю студенческую выборку. Во-вторых, использование исключительно самоотчетных методик делает результаты уязвимыми к влиянию фактора социальной желательности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении взаимосвязи зависимости от смартфона и личностных характеристик студента, таких как учебная мотивация,

совладающее поведение; актуальным представляется уточнение предикторов зависимости от смартфона; также востребовано проведение лонгитюдного исследования, позволяющего выявить динамику взаимосвязи между зависимостью от смартфона, переживанием одиночества и агрессивностью на протяжении всего периода обучения студентов в вузе.

Полученные нами результаты характеризуются практической значимостью. Они позволяют расширить представления о психологических особенностях студентов с разным уровнем зависимости от смартфона и определить возможные направления профилактической и коррекционной работы.

Во-первых, выявленные различия между группами студентов с разным уровнем зависимости от смартфона указывают на необходимость дифференцированного подхода в работе со студентами. Так, у студентов с высоким уровнем зависимости при сохранении выраженной потребности в социальных контактах наблюдается снижение способности к продуктивному уединению и рост враждебности. Это говорит о том, что профилактическая работа должна включать формирование навыков саморегуляции, развитие стрессоустойчивости и обучение конструктивным способам разрешения конфликтов.

Во-вторых, полученные корреляции показывают, что негативное переживание одиночества усиливает агрессивные проявления, в то время как позитивное восприятие уединения может играть защитную роль. Это подчеркивает необходимость программ, которые будут помогать студентам не только переосмысливать опыт одиночества, но и формировать поддерживающие социальные связи, например через участие в групповых тренингах или терапевтических занятиях.

В-третьих, поскольку мы предположили, что для студентов с высоким уровнем зависимости от смартфона более характерны косвенные и вербальные формы агрессии, в том числе в цифровом пространстве, это делает актуальным включение в программы психологической профилактики элементов, посвященных культуре сетевого взаимодействия, безопасной цифровой коммуникации и предотвращению киберагрессии.

Таким образом, прикладное значение нашего исследования заключается в расширении возможностей психологического сопровождения студентов. Данные результаты могут использоваться при разработке тренингов по цифровой гигиене, эмоциональной регуляции и коммуникативным навыкам; для консультирования студентов, испытывающих трудности в социальной адаптации и межличностных отношениях; в рамках психопросветительской работы со студентами для обсуждения рисков чрезмерного использования смартфона, стратегий преодоления негативных состояний и конструктивных форм взаимодействия.

В целом результаты исследования создают почву для профилактических и коррекционных мероприятий, направленных на улучшение психологического благополучия студентов и повышение их адаптированности в условиях образовательной среды.

Выводы

Выдвинутые нами гипотезы подтвердились:

1. Студенты с высоким уровнем зависимости от смартфона более враждебны по сравнению со студентами с низким уровнем зависимости, а также характеризуются более высоким уровнем гнева, чем студенты со средним уровнем зависимости.

2. Студентам с высоким уровнем зависимости от смартфона свойственна повышенная потребность в социальных контактах, более выраженный эмоциональный дискомфорт (дисфорией) и сниженная способность к продуктивному уединению по сравнению со студентами с низким уровнем зависимости от смартфона.

3. Выявлены особенности взаимосвязи субъективного переживания одиночества с агрессивностью среди всех групп студентов с разным уровнем зависимости от смартфона. Наиболее значимой закономерностью является усиление связи между враждебностью и проблемным переживанием одиночества по мере роста уровня зависимости. В группах с низким и средним уровнем зависимости от смартфона наблюдаются взаимосвязи между различными психологическими характеристиками, тогда как в группе с высоким уровнем зависимости выделена единственная корреляция между враждебностью и проблемным одиночеством. Полученные данные позволяют предположить, что чрезмерное использование смартфона может выступать фактором, закрепляющим и усиливающим изначально существующие негативные психологические паттерны, связанные с переживанием одиночества и агрессивными проявлениями.

Библиографический список

1. Барканова О.В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. Вып. 2. Красноярск: Литера. 2009. 237 с. EDN: VHJNQD
2. Белова Е.В. Субъективное переживание одиночества женщинами с различным семейным статусом // МНИЖ. 2022. № 1-2(115). С. 148–152. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.067 EDN: FPHFUP
3. Белокреницкая П.А., Балашова К.А. Феномен смартфоновых зомби (смомби) // Вестник науки и образования. 2019. № 1-1(55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-smartfonovyh-zombi-smombi> (дата обращения: 03.10.2025). EDN: VQXHLT
4. Городецкая И.М., Исламгулов И.Р. Мобильная зависимость как форма зависимого поведения современных студентов // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 24. С. 328–330. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mobilnaya-zavisimost-kak-forma-zavisimogo-povedeniya-sovremennyh-studentov> (дата обращения: 03.10.2025). EDN: THNKAL
5. Егоров А.Ю., Голенков А.В. Поведенческие аддикции // Вестник ЧГУ. 2005. № 2. С. 56–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskie-addiksii> (дата обращения: 25.03.2026). EDN: JWQDAT
6. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. СПб.: Питер, 2014. 368 с. ISBN: 978-5-496-00991-1 EDN: UYNEAN
7. Карелина Н.Н., Егоров А.Б., Киселева И.В., Лапшин А.В., Алешкин А.Н. Исследование субъективного ощущения одиночества у студентов на дистанционном обучении // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. № 1(191). С. 442–445. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.1.p442-445 EDN: EYWWOV
8. Касимова З.Г. Понятие агрессивности в психолого-педагогической литературе // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. Т. 10. С. 111–115. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95066.htm> (дата обращения: 08.10.2025). EDN: UMJLQV
9. Корчагина С.Г. Психология одиночества: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. 228 с. ISBN: 978-5-9770-0076-5 EDN: TSTLQV
10. Котлячков А.В. Поведенческие аддикции // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XIV Всероссийской национальной научно-практической конференции, Новосибирск, 26 октября 2018 года. Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, 2018. С. 16–21. EDN: YOXUUP
11. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsialnyy-oprosnik-perezhivaniya-odinochestva-struktura-i-svoystva> (дата обращения: 03.10.2025). EDN: QYZBYJ

12. Шейнов В.П. Адаптация и валидизация опросника «Шкала зависимости от смартфона» для русскоязычного социума // Системная психология и социология. 2020. № 3(35). С. 75–84. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.6 EDN: WZZIZA
13. Шейнов В.П. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. № 1. 235–253. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253 EDN: IYVTAW
14. Шейнов В.П., Дятчик Н.В. Психологические состояния и свойства личности, имеющей зависимость от смартфона // Ped.Rev. 2021. № 6. С. 225–235. DOI: 10.23951/2307-6127-2021-6-225-235 EDN: ZIYKOI
15. Шейнов В.П. Личностные свойства зависимых от смартфона учащихся колледжа // Системная психология и социология. 2021. № 1(37). С. 50–60. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.37.1.4 EDN: CDCFSG
16. Aljomaa S.S. et al. Smartphone addiction among university students in the light of some variables // Computers in Human Behavior. 2016. № 61. P. 155–164. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.041>
17. Horvath J., Mundinger C., Schmitgen M., Wolf N., Sambataro F., Hirjak D., Kubera K., Koenig J., Wolf R.C. Structural and functional correlates of smartphone addiction // Addictive Behaviors. 2021. Vol. 105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2020.106334> EDN: TTGAHP
18. Kwon, M. Lee, J.-Y.; Won, W.-Y.; Park, J.-W.; Min, J.-A.; Hahn, C.; Gu, X.; Choi, J.-H.; Kim, D.-J. Development and Validation of a Smartphone Addiction Scale (SAS) // PLoS ONE. 2013. Vol. 8. – DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0056936>
19. Yilmaz F.G., Avci U., Yilmaz R. The role of loneliness and aggression on smartphone addiction among university students // Current psychology. 2023. Vol. 42. № 21. P. 17909–17917. DOI: 10.1007/s12144-022-03018-w EDN: QTRBXP

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.025

EDN VVVWMS

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-85-96

Косолапова Лариса Александровна,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и лингводидактики
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15,
la_kossolapova@list.ru
SPIN-код: 1084-9751

Шолопова Елена Анатольевна,
студент магистратуры направления «Педагогическое образование»
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15,
sholopovae1997@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ ТЬЮТОРСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследовательская активность в педагогике понимается как способность индивида проявлять самостоятельность и инициативу в приобретении новых знаний, умений и навыков посредством постановки вопросов, анализа информации, выдвижения гипотез и нахождения оригинальных решений задач. В настоящее время отсутствуют общепринятые подходы, а также конкретные практические рекомендации по развитию исследовательской активности младших школьников средствами тьюторского сопровождения.

В современных условиях тьюторское сопровождение выступает важным инструментом, способствующим переходу системы школьного образования на качественно иной уровень, включая сферу воспитания. Тьютор способствует формированию индивидуальной образовательной траектории ученика, помогая ему выбирать оптимальные пути и методы обучения (самообразования); осознать и формулировать учебно-познавательные задачи; грамотно ставить вопросы и искать разнообразные решения; анализировать полученный опыт.

Результат сравнительного анализа показал, что этапы тьюторского сопровождения согласуются с проявлениями исследовательской активности учащихся и могут способствовать ее развитию благодаря выстраиванию индивидуальной образовательной траектории учащихся. Проведенное эмпирическое исследование подтвердило, что тьюторское сопровождение исследовательской активности младших школьников во внеурочной деятельности повышает мотивацию и результативность работы над индивидуальным исследовательским проектом. Дополнение логики тьюторского действия (диагностический, проектировочный, реализационный, аналитико-рефлексивный этапы) еще одним этапом – обобщающим – позволяет обеспечить пролонгированный результат тьюторского сопровождения учащегося: содействует мотивированному выстраиванию и осуществлению дальнейшего сценария его самообучения и самосовершенствования.

Ключевые слова: исследовательская активность, младший школьник, тьюторство, тьюторское сопровождение, внеурочная деятельность

Ссылка для цитирования: Косолапова Л.А., Шолопова Е.А. Потенциал тьюторского сопровождения исследовательской активности младших школьников во внеурочной деятельности // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 85–96. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-85-96> EDN VVVWMS

Larisa A. Kosolapova,

Doctor of Pedagogical Sciences, professor,
professor of the Department of Pedagogy and Linguodidactics
Perm State University,
15 Bukireva Street, Perm, Russia, 614068
e-mail: la_kosolapova@list.ru
SPIN-code: 1084-9751

Elena A. Sholopova,

Master's degree student in the field of "Pedagogical Education"
Perm State University,
15 Bukireva Street, Perm, 614068, Russia
e-mail: sholopovae1997@mail.ru

THE POTENTIAL OF TUTORIAL SUPPORT FOR RESEARCH ACTIVITIES OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

In pedagogy, inquiry activity is understood as an individual's ability to demonstrate independence and initiative in acquiring new knowledge, skills, and abilities through asking questions, analyzing information, developing hypotheses, and finding original solutions to problems. Currently, there are no generally accepted approaches or specific practical recommendations for developing inquiry activity in primary school students through tutoring.

In today's environment, tutoring is an important tool for facilitating the transition of the school education system to a qualitatively new level, including in the area of education. A tutor facilitates the development of a student's individual educational trajectory by helping them choose optimal learning paths and methods (self-education); understand and formulate educational and cognitive tasks; pose questions wisely and seek diverse solutions; and analyze their experiences.

The results of a comparative analysis showed that the stages of tutoring support are consistent with the manifestations of students' inquiry activity and can contribute to its development by shaping their individual educational trajectory. An empirical study confirmed that tutoring primary school students' research activities outside of class increases their motivation and effectiveness in working on individual research projects. Supplementing the logic of tutoring (diagnostic, design, implementation, and analytical-reflective stages) with a further stage – a generalizing stage – ensures the long-term results of tutoring support for students: it facilitates the motivated development and implementation of their future self-learning and self-improvement plans.

Keywords: research activity, junior school student, tutoring, tutoring support, extracurricular activities

For citation: Kosolapova L.A., Sholopova E.A. [The potential of tutorial support for research activities of primary school students in extracurricular activities]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 85–96 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-85-96>, EDN VVVWMS

Введение

Успешным в сложном нестабильном мире сегодня, а тем более – завтра может стать человек, готовый не просто постоянно повышать свой образовательный уровень, но ориентированный на то, чтобы воспринимать любое затруднение как возможность узнать что-то новое. Вместе с тем одной из насущных проблем школьного педагога можно считать недостаточную мотивацию учащихся к освоению знаний, сложность самоорганизации в познавательной деятельности, несформированность навыков *учения как исследования*.

В отличие от педагогической деятельности узко специализированного учителя-предметника, деятельность тьютора, прописанная в профессиональном стандарте «Специалист в области воспитания» с включенной обобщенной трудовой функцией «Тьюторское сопровождение обучающихся» [10], направлена на развитие познавательной самостоятельности и активности обучающихся с применением технологии совместного с обучающимся поиска индивидуальной мотивации учения, разработки индивидуального

образовательного маршрута с обязательной рефлексией процесса и результатов его реализации.

Феномен тьюторства в условиях открытого образовательного пространства привлекает внимание множества исследователей, включая отечественных ученых. Работы авторов, таких как Т.М. Ковалева, В.А. Адольф, С.В. Дудчик, Г.М. Беспалова, Е.Б. Колосова, Н.В. Пилипчевская, Н.В. Рыбалкина, раскрывают ключевые принципы, организационные формы и методики реализации тьюторской деятельности [1; 3; 4; 6; 7].

Исследования опыта тьюторской деятельности в общеобразовательной организации позволили определить тьюторство как ресурс, обладающий большими возможностями в воздействии на различные аспекты развития познавательной активности учащихся, в том числе и на формирование *исследовательской* активности младших школьников, что является актуальной педагогической проблемой. Именно в начальной школе познавательная деятельность является ведущей, определяющей становление личности в целом; сформированность учебно-познавательной деятельности выступает одним из важнейших показателей успешности данного этапа школьной жизни ребенка.

Каковы особенности тьюторского сопровождения исследовательской активности младших школьников во внеурочной деятельности и благодаря чему может быть обеспечено повышение эффективности его реализации?

Методы

В ходе проведенного исследования были использованы как теоретические методы (анализ, обобщение, моделирование), так и эмпирические: наблюдение, опрос, беседа, анкетирование, педагогический эксперимент.

Базой опытно-экспериментальной работы выступила МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 12 с углубленным изучением немецкого языка» г. Перми. В педагогическом эксперименте приняли участие педагоги и учащиеся трех четвертых классов (62 человека).

Результаты

Как показал проведенный анализ научных трудов, среди таких категорий, как «научное познание», «исследование», «исследовательская деятельность», «исследовательские умения», наиболее близким возрастным особенностям младшего школьника является понятие «исследовательская активность» [5; 8; 13; 14].

Под исследовательской активностью младших школьников мы, вслед за А.Н. Поддьяковым [11], будем понимать творческое отношение личности к миру, которое выражается в мотивационной готовности и интеллектуальной способности к познанию реальности путем практического взаимодействия с ней, к самостоятельной постановке разнообразных исследовательских целей, к изобретению новых способов и средств их достижения, к получению разнообразных, в том числе неожиданных, непрогнозирувавшихся результатов исследования и их использованию для дальнейшего познания.

В.А. Петровский [9] приводит три варианта соотношения понятий активности и деятельности.

- Активность – динамическая образующая деятельность, благодаря которой субъект способен изменять свои взаимоотношения с окружающим миром; представленная в движении возможность деятельности.

- Активность – динамическая сторона деятельности. При этом завершение процесса становления деятельности не означает освобождения от активности.
- Активность – расширенное воспроизводство деятельности, процесс обогащения мотивов, целей и воспроизведение первоначальной деятельности, обеспечивающий внутреннюю динамику деятельности.

Важна тесная связь интеллектуальных и личностных (мотивационных, диспозиционных и пр.) факторов. Исследовательская активность отражает внутреннюю потребность человека исследовать мир вокруг себя, проявлять интерес к познавательной деятельности и творчески подходить к решению возникающих задач. Она демонстрирует отношение индивида к окружающей среде, окружающим людям и самому себе. Через проявление исследовательской активности человек обогащает не только собственные знания о мире, но и накапливает опыт взаимодействия с ним, а также опыт осознания себя в разных ситуациях.

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что формирование исследовательской активности у младших школьников в процессе урочной и внеурочной деятельности позволяет раскрыть индивидуальные способности детей, дает возможность проявить творческую активность, самостоятельность, овладеть способами совместной деятельности, способствуют личностному росту, развитию интеллектуально-творческого потенциала.

Под тьюторским сопровождением учащихся в процессе самообразования подразумевается особый вид гуманитарного педагогического сопровождения; это педагогическая идеология, основанная на философии гуманизма, концепции педагогической поддержки, методах педагогики сотрудничества [2; 12]. Цель тьюторской деятельности заключается в проектировании открытой вариативной образовательной среды, способствующей превращению школьника в активного субъекта собственной деятельности посредством разработки и реализации индивидуального образовательного маршрута (проекта).

Можно ли способствовать развитию исследовательской активности учащихся начальной школы при помощи тьюторского сопровождения?

Для того, чтобы решить данную задачу, мы соотнесли особенности исследовательской активности, проявляемой учащимися на разных этапах учебно-исследовательской деятельности, и логику тьюторского сопровождения (табл. 1).

Результаты сравнительного анализа, представленные в таблице 1, убеждают, что этапы тьюторского сопровождения согласуются с проявлениями исследовательской активности учащихся и могут способствовать ее развитию благодаря выстраиванию индивидуальной образовательной траектории учащихся.

Организация тьюторского сопровождения развития исследовательской активности учащихся требует создания благоприятных условий, реализацию и защиту учебных проектов, выполняемых учениками начальной школы.

Для успешной реализации данной задачи необходимо обеспечить доступ к ресурсам, необходимым для развития исследовательской активности, поддерживать высокий уровень мотивации учащихся, проводить консультации и оказывать индивидуальную помощь.

Важно предусмотреть механизмы оценивания и поощрения лучших исследовательских работ, формируя таким образом устойчивую среду, поддерживающую творческий потенциал и инициативу школьников. Также необходимо учащимся представить

презентацию (отчет о проделанной работе), рефлексию полученного опыта исследовательской работы.

Таблица 1. Этапы развития исследовательской активности учащихся в процессе тьюторского сопровождения

Исследовательская активность учащихся	Этапы тьюторского сопровождения
Сбор и обработка информации. Поиск информации в книгах, энциклопедиях, Интернете, наблюдение окружающей действительности. Определение интереса и области исследования, постановка вопроса.	Диагностический
Выдвижение предположения о возможных причинах и связях изучаемого явления, определение направления и цели исследования.	Проектировочный
Отбор исследовательского материала: поиск и подбор необходимого материала для изучения выбранной темы, отделение важной информации от второстепенной. Использование разных источников информации; проверка гипотезы; организация экспериментальной части исследования: планирование и реализация этапов эмпирического исследования.	Реализационный
Аргументированная подача полученных выводов, обоснование сделанных утверждений.	Аналитико-рефлексивный

Тьюторское сопровождение исследовательской активности учащихся начальной школы, способствующее ее формированию и дальнейшему развитию, включает, на наш взгляд, не только традиционные этапы тьюторского сопровождения учащегося (диагностический, проектировочный, реализационный, аналитико-рефлексивный), но и еще один - *обобщающий* - этап. Данный этап тьюторского сопровождения подразумевает комплексное использование всех существующих структур, направленных на оказание школьнику содействия в мотивировании исследовательской активности, формировании индивидуальной траектории *последующего самостоятельного* развития и постоянного совершенствования.

Каждый из перечисленных этапов имеет определенные особенности, проявляющиеся как в деятельности тьюторанта, так и в отвечающих ей действиях наставника (табл. 2).

Таблица 2. Этапы тьюторского сопровождения исследовательской активности младших школьников

Этапы	Тьютор	Тьюторант
Диагностический	Создание индивидуального плана взаимодействия с учащимся; выявление текущего уровня знаний и способности к обучению подопечного; определение образовательных потребностей ребенка.	Проведение специализированных тестов, предназначенных для выявления и уточнения образовательных запросов; установление общей направленности собственных интересов (ориентированность на естественно-научные дисциплины либо гуманитарные науки).
Проектировочный	Поддержка учащегося в формировании личного направления развития; проектирование уникального образовательного пути.	Формирование перечня учебных интересов; поэтапное планирование личностного роста; разработка личной образовательной стратегии.

Реализационный	Создание среды, способствующей реализации индивидуальным образовательным маршрутом ученика, направленному на личное развитие и освоение персональной учебной программы; вовлечение детей и подростков в научно-исследовательские проекты и интеллектуально-творческие конкурсы; организация пространства для экспериментирования учеников, снабжение их специализированной литературой и методиками; налаживание системы взаимной коммуникации, воспитание объективной самооценки и умения анализировать итоги собственной деятельности.	Реализация собственной образовательной программы посредством посещения школьных уроков, факультативов, кружков, индивидуальных консультаций с наставником, а также самостоятельной подготовки; активное участие в научных исследованиях; дальнейшее развитие ранее сформированного портфолио, систематизация собранных материалов; активное включение в мероприятия, демонстрирующие творческие и интеллектуальные достижения.
Аналитико-рефлексивный	Мониторинг успехов учащегося в организации самостоятельного образовательного процесса и развитии необходимых исследовательских навыков; устранение трудностей, возникающих вследствие преобладания элементов самообразования и самореализации; постоянный контроль над продвижением ученика по избранному учебному маршруту; поддержание эффективной обратной связи, формирование адекватной самооценки и критической оценки результатов труда.	Оценка проделанной работы, рефлексия и осмысление полученных результатов; коррекция действий при необходимости; формирование портфеля достижений; осуществление регулярного анализа обратной связи.
Обобщающий	Комплексное использование всех существующих структур, направленное на оказание школьнику содействия в мотивированном выстраивании и осуществлении дальнейшего сценария самообучения и самосовершенствования.	Доработка презентационного портфолио; выступление с сообщением о достигнутых результатах; формулирование задач очередного этапа собственной образовательной программы.

Проведенный анализ, обобщение и моделирование этапов тьюторского сопровождения исследовательской активности младших школьников позволили сделать вывод, что тьюторское сопровождение формирования исследовательской активности учащихся начальной школы – это скоординированное взаимодействие тьютора и тьюторанта (учащегося), обеспечивающее эффективное прохождение совместно разработанной индивидуальной образовательной траектории, которая соответствует целям и стремлениям тьюторанта, выраженным в самоопределении и самореализации школьника в условиях основного общего образования.

С целью выявления влияния тьюторского сопровождения на повышение уровня развития исследовательской активности у младших школьников было проведено эмпирическое исследование на базе МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 12 с углубленным изучением немецкого языка» г. Перми. В педагогическом эксперименте приняли участие учащиеся 4-х классов. Класс «4А» (25 обучающихся) и класс «4В» (20 обучающихся) были контрольной группой, а класс «4Б» (17 обучающихся) стал группой, где было проведено исследование.

Для выявления исследовательской активности были выбраны следующие методики:

- «Оценка уровня школьной мотивации» Н.Г. Лускуновой;
- «Познавательная активность младшего школьника» А.А. Горчинской;
- «Уровни познавательной активности», разработанные А.А. Леонтьевым.

В процессе тьюторского сопровождения также проводилось *наблюдение* для установки уровня познавательной активности учащихся, выявления баланса между склонностью к отвлечениям и активностью познания, а также изучения эмоционального восприятия к учебному процессу. Наблюдение проводилось регулярно на каждой встрече тьютора с тьюторантами.

Критерии и показатели, по которым велось наблюдение:

– инициативность: проявляет интерес к изучаемому предмету, задает вопросы и пытается самостоятельно найти на них ответы, интерес направлен на объект изучения, проявляет любознательность;

– самостоятельность: самостоятельно выполняет задания, проявляет устойчивость в достижении цели;

– отвлекаемость: количество любых действий, не связанных с учебной работой.

Оценка результатов была сведена в бальную систему по каждому из показателей.

В завершение последней встречи с учениками 4 «Б» класса участникам предложили поделиться впечатлениями о работе над исследовательским проектом. Первый *опрос* проводился в виде беседы среди ребят, активно участвовавших в разработке и защите проектов. Им задавались вопросы следующего содержания:

- в написании проектов что больше всего понравилось?
- что получилось удачно, а что нет?
- с какими трудностями пришлось столкнуться?
- хотелось бы снова участвовать в проекте в следующем году?

Также был проведен *опрос*, в котором приняли участие одноклассники авторов исследований. Их спросили, возникло ли у них желание самим заняться созданием научных работ после просмотра выступлений одноклассников.

Обсуждение

Диагностический срез уровня исследовательской активности был проведен дважды – на начальном этапе организации опытно-экспериментальной работы и по ее завершению. При анализе стандартизированных методик внимание уделялось высоким уровням проявления познавательной активности, которые характеризуют исследовательскую активность обучающихся.

Согласно итогам анкетирования обучающихся, проведенного по методике Н.Г. Лускуновой, в 4 «А» классе лишь один ученик (4 %) обладал *очень высоким* уровнем школьной, учебной мотивации. Этот показатель указывает на ярко выраженные познавательные мотивы, стремление достигать максимальных успехов в выполнении всех требований школы. Как отмечено в используемой диагностической методике, данные учащиеся четко соблюдают рекомендации педагогов, отличаются дисциплиной и ответственностью, сильно переживают, если получают неудовлетворительные оценки или замечания педагога. В классах «Б» и «В» ни один из обучающихся (0 %) не продемонстрировал *очень высокого* уровня мотивации.

Высоким уровнем школьной мотивации в «А»-классе обладали 5 человек (20 %), в будущем экспериментальном классе «Б» – 4 человека (23,5 %), а в классе «В» – 3 человека (15 %), что свидетельствует о том, что школьники успешно справляются с учебной деятельностью.

Анкетирование четвероклассников по методике А.А. Горчинской «Познавательная активность младшего школьника» показало, что высоким уровнем познавательной активности обладают 17 человек (68 %) в классе «А», в классе «Б» – 9 человек (52,94 %), в классе «В» – 9 человек (45 %).

Также классным руководителям 4-х классов было предложено определить уровни познавательной активности школьников с использованием методики «Уровни познавательной активности», разработанной А.А. Леонтьевым. Всего можно было выявить 4 уровня оценки познавательной активности (высокий, средний, низкий, нулевой).

Как показали результаты, высоким уровнем познавательной активности обладают, по мнению классных руководителей, 3 ученика (12 %) в классе «А», 2 ученика (11,8 %) в классе «Б» и 2 ученика (10 %) в классе «В». Дети этой категории проявляют глубокий интерес к познанию окружающего мира, стремятся раскрыть сущность изучаемых объектов и процессов, находить закономерности и устанавливать взаимосвязи. Помимо этого, они активно ищут новую информацию, предлагают оригинальные способы решения проблем и отличаются высокими волевыми качествами, целеустремленностью и настойчивостью. Именно характеристики данного уровня можно отнести к проявлениям исследовательской активности в действии.

Отличий в уровне сформированности исследовательской активности у обучающихся трех классов на начальном этапе исследования не выявлено.

Обучающиеся класса «Б» были включены в работу по разработке и реализации исследовательского проекта с возможностью тьюторского сопровождения.

В течение всей второй четверти в школе проходила научно-практическая конференция, в которой могли участвовать все учащиеся школы. Была поставлена педагогическая цель: заинтересовать ребят из 4 «Б» класса созданием собственного научного проекта, защитить его внутри класса, в последствии ребята по своему желанию могли бы представить данный проект на научно-практической конференции в школе. Изначально ни один ученик 4 «Б» класса не выразил желания участвовать в проведении своего исследования. Однако после первого совместного собрания с тьютором 5 учеников выразили намерение подготовить собственный исследовательский проект.

Итак, рассмотрим подробнее методику тьюторского сопровождения, примененную нами во второй четверти 2025 года. Всего было 5 встреч тьютора с тьюторантами.

Принципиально важно отметить, что тьютор не дает готовых ответов и объяснений, а лишь направляет учащегося на осознание своего интереса, постановку самостоятельного вопроса и выбор подходящей темы. Для этого используются фразы-подсказки: «Хотел бы выяснить...», «Эта информация важна мне потому, что...» и прочие аналогичные конструкции.

На втором (проектировочном) этапе задаваемые тьютором вопросы помогают ученику осмысленно структурировать порядок действий при изучении и анализе различных источников информации.

Примеры возможных вопросов: «Какие действия ты собираешься предпринять?», «Откуда начнешь поиски необходимой литературы?», «Какую поддержку можешь получить от сотрудника библиотеки?», «Какой подход выберешь для работы с выбранной книгой?», «Какие альтернативные источники информации, помимо книг, также будут полезны?» и т. п. Выбор конкретных вопросов и их число определяется особенностями каждого ребенка и зависят от его интересов, подготовленности, ожидаемого результата и т. д.

На втором этапе все ученики 4 «Б» класса создали интеллектуальные карты своих исследований.

Реализационный этап. Его целью являлась разработка и реализация проекта, проведение эмпирической части исследования, а также презентация полученных результатов. Дети выбрали самые разные темы исследовательского проекта:

- Евдокия А. «Евгения Федоровна Трутнева – забытое имя Перми»;
- Мия П. «Гонимый круг»;
- Арина К. «Коты и их особенности»;
- Софья П. «Что за музыкальный инструмент?»;
- Ульяна Ф «Снежная зима».

В рамках защиты проектов внутри класса было продемонстрировано пять выполненных исследовательских работ.

Аналитический (рефлексивный) этап. Учащиеся обмениваются мнениями о прошедших выступлениях, возможно, подчеркивают сильные стороны и обнаруженные недостатки, делятся своими впечатлениями, находят решения возникших в работе проблем. Примерами вопросов, которые может предложить тьютор, служат следующие:

- Каковы твои впечатления, чувства, эмоции после выступления?
- Что показалось наиболее удачным и почему?
- Почему возникли трудности и как их преодолеть?
- Готов ли ты повторить свое выступление снова?
- Хочешь ли ты внести изменения в следующее выступление?
- Чему новому ты научился, работая над проектом?

Кроме общего обсуждения, возможна отдельная встреча ученика с тьютором, на которой детально рассматривается выполненная работа. Заданные вопросы аналогичны, но основное внимание уделяется индивидуальным достижениям: чему ребенок научился, что открыл для себя нового, изменилось ли его восприятие самого себя и окружающих, какие возникают планы на будущее.

Анализ результатов повторного анкетирования по методике Н.Г. Лускановой показал, что в экспериментальном классе «Б» наблюдается позитивная тенденция: количество учащихся с очень высоким уровнем учебной мотивации увеличилось с нуля до 1 ученика (5,9 % против начального показателя в 0 %). В контрольных классах «А» и «В» этот показатель сохранился на прежнем уровне.

По результатам первоначального тестирования высокий уровень мотивации к учебе демонстрировали 4 ученика (23,5 %) из экспериментальной группы. После завершения эксперимента число таких учащихся возросло до 7 человек (41,2 %). В контрольных группах «А» и «В» изменений по данному показателю не произошло.

Повторный диагностический срез с использованием методики А.А. Горчинской «Познавательная активность младшего школьника» позволил зафиксировать положительную динамику в экспериментальном классе «Б»: на начальном этапе исследования высокий уровень познавательной активности демонстрировали 9 учеников (52,9 %), тогда как по итогам опытно-экспериментальной работы их количество возросло до 13 (76,5 %). В контрольном классе «В» ситуация не изменилась, а в классе «А» наблюдалось незначительное ухудшение ситуации: если первоначально высокий уровень проявляли 17 учащихся (68 %), то к концу исследования их стало 16 (64 %).

Итоги повторного исследования по методике А.А. Леонтьева «Уровни познавательной активности» также выявили положительную тенденцию в экспериментальном классе «Б»: количество учащихся с высоким уровнем познавательной активности увеличилось с 2 человек (11,8 %) на начальном этапе до 3 человек (17,6 %) по итогам работы с тьютором. В контрольном классе «В» никаких изменений не произошло. Однако в классе «А» была отмечена негативная динамика: количество учеников с высоким уровнем познавательной активности снизилось с 3 человек (12 %) до 2 человек (8 %).

По совокупности проявления у обучающихся обозначенных характеристик исследовательской активности по трем диагностическим методикам была дана характеристика уровня сформированности исследовательской активности в целом.

На рис. 1 и рис. 2 отражена позитивная динамика исследовательской активности в экспериментальном классе, подтверждающая педагогический потенциал тьюторского сопровождения исследовательских проектов младших школьников.

Рис. 1. Уровни исследовательской активности в экспериментальной группе на этапе первичной диагностики

Рис. 2 Уровень исследовательской активности в экспериментальной группе на заключительном этапе исследования

Результаты *наблюдений* тьютора также подтвердили выявленную положительную тенденцию.

В ходе *рефлексивной беседы* большинство респондентов – активных участников отметили, что работа над проектом доставляла удовольствие, особо выделяя процесс написания самой исследовательской работы. Некоторые участники поделились деталями успешного опыта, одна ученица упомянула удачный опыт опроса сверстников, другая рассказала о трудности выбора названия для своего проекта. Когда речь зашла о готовности повторить проект, все опрошенные выразили согласие.

Также в опросе приняли участие одноклассники авторов исследований. Их спросили, возникло ли у них желание самим заняться созданием научных работ после просмотра выступлений одноклассников. Из опрошенных четверо подтвердили интерес к участию в будущих проектах. Например, Олег З. сказал, что на этот раз он не был подготовлен, но намерен попробовать себя в роли исследователя позже. Михаила З. привлекла сама идея изучения нового материала, он назвал такую работу увлекательной и интересной.

Тем не менее, 8 учеников высказались отрицательно о своем участии в подобных мероприятиях. Основная причина отказов была связана с нехваткой свободного времени. Анастасия И. пояснила, что подготовка проекта требует значительных временных затрат, которые ей сложно выделить. Некоторые дети указали на индивидуально-личностные предпочтения, отметив дискомфорт от внимания большого количества зрителей: «Мне не нравится, когда на меня смотрят много людей» (Милана Х.).

Таким образом, в результате проведенного опроса среди учеников 4 «Б» класса установлено, что из 17 человек 5 учащихся успешно участвовали в исследовательском проекте, подчеркнув положительное восприятие работы и готовность повторить подобный опыт в дальнейшем. Среди остальных учеников, просмотревших презентации своих товарищей, 4 выразили намерение присоединиться к проекту в следующем году, обозначив высокую привлекательность идеи самостоятельного научного исследования. Остальные ребята на данный момент отказались от перспективы участия в аналогичных инициативах, обосновывая свою позицию недостатком времени и наличием иных приоритетов.

Полученные данные позволяют говорить о возможности охвата проектной работой большинства учеников.

Заключение

Тьюторское сопровождение исследовательской активности детей младшего школьного возраста играет существенную роль в современной образовательной практике. Итоги педагогического эксперимента подтвердили существенный рост исследовательской активности и повышение мотивации учащихся, что подчеркивает важность включения тьюторского сопровождения в учебный процесс младших школьников как необходимого элемента современного образования. Дополнение логики тьюторского действия еще одним этапом – обобщающим – позволяет обеспечить пролонгированный результат тьюторского сопровождения обучающегося: содействует мотивированному выстраиванию и осуществлению дальнейшего сценария самообучения и самосовершенствования школьника.

Библиографический список

1. Адольф В.А., Пилипчевская Н.В. Тьюторское сопровождение как необходимое условие реализации ФГОС ВПО // Инновации в образовании. 2013. № 3. С. 5–13. EDN: PVMJIT
2. Александрова Е.А. Педагогическое сопровождение самоопределения старших школьников. М.: НИИ школьных технологий, 2010. 335 с. ISBN: 978-5-91447-040-8 EDN: QXTYPR
3. Беспалова Г.М. Тьюторское сопровождение: организационные формы и образовательные эффекты // Директор школы. 2007. № 7. С.83–92.
4. Дудчик С.В., Ковалева Т.М. Технологическая подготовка тьютора: содержание, технологии и методики освоения технологий // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3(44). С. 369–375. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.354 EDN: XVFIWD
5. Киреева О.В. Развитие исследовательской активности детей старшего дошкольного возраста в процессе экспериментирования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.07. СПб, 2008. 21 с. EDN: NKQUKF
6. Ковалева Т.М. Материалы курса «Основы тьюторского сопровождения в общем образовании». М.: Изд-во Педагогического университета «Первое сентября», 2010. 64 с.
7. Колосова Е.Б. Тьютор как новая педагогическая профессия. М.: Чистые пруды, 2008. 32 с.
8. Обухов А.С. Исследовательская и проектная деятельность учащихся в современной России: перспективная рефлексия // Исследователь. Т. 1-2. 2023. С. 18–34. EDN: GFKVUV
9. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992. 224 с.
10. Профессиональный стандарт «Специалист в области воспитания»: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30.01.2023 г. № 53н [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=444827> (дата обращения: 30.12.25).
11. Поддьяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии, познания, помощь, противодействие, конфликт. 2-е изд., испр. и доп. М.: ПЕР СЭ, 2006. 240 с.
12. Сергеева М.Г. Тьюторское сопровождение в системе профессионального образования: зарубежная и российская практика // Проблемы современного педагогического образования. 2019. Вып. 63(1). С. 298–301. EDN: ALSVHC
13. Шумакова Н.Б., Богпомочева О. А. Роль исследовательской активности в становлении образа мира у одаренных подростков // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 30–38. EDN VMGQTF
14. Эпова О.Л. Теоретическое осмысление понятия «Исследовательская активность» младших школьников // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Самара, август 2015 г.). Самара: АСГАРД, 2015. С. 118–123. EDN: UHDUTZ

УДК 37.017.4

EDN ZUXZSI

DOI: 10.17072/2949-5601-2026-1-97-104

Ретивых Полина Алексеевна,
аспирант кафедры общей и социальной педагогики,
ассистент кафедры общей и социальной педагогики
Алтайский государственный педагогический университет
656031, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, 55
polina226023@yandex.ru
SPIN-код: 1500-0854

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ ВУЗА

В статье рассматривается проблема формирования гражданской позиции будущих педагогов в молодежных общественных объединениях вуза. Уточняются понятия «позиция» и «гражданская позиция», их компоненты и взаимосвязи. На основе анализа и обобщения результатов психологических и педагогических исследований можно сделать вывод, что позиция – сложное личностное образование, система отношений человека к миру, другим людям и себе, проявляющаяся в деятельности.

Выделяется два основных подхода к определению «гражданская позиция»: как к синтезу когнитивных и аффективных элементов, интегративному качеству личности, включающему патриотизм, политическую культуру, нравственность, законопослушность, трудолюбие и социальную; как ценностные ориентации и нравственное развитие личности, выступающие основой для социальной активности, при этом исследователи фокусируются на различных аспектах отношений – нравственных, правовых, духовных и деятельностных.

Основными компонентами гражданской позиции являются: познавательный (знания о правах и обязанностях), мотивационно-ценностный (установки, идеалы, направленность), поведенческий (действия в обществе), эмоциональный (отношение к социуму) и волевой (самоопределение и ответственность).

Описывается роль формирования гражданской позиции в воспитательной деятельности педагогического вуза, дается характеристика молодежных общественных объединений, их влияние на студентов.

Ключевые слова: позиция, гражданская позиция, молодежные общественные объединения, воспитательная деятельность

Ссылка для цитирования: Ретивых П.А. Формирование гражданской позиции будущих педагогов в молодежных общественных объединениях вуза // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2026. – № 1(16). – С. 97–104. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-97-104> EDN ZUXZSI

Polina A. Retivykh,

postgraduate student in the Department of General and Social Pedagogy

assistant in the Department of General and Social Pedagogy

Altai State Pedagogical University

55, Molodezhnaya st., Barnaul, Russia, 656031

polina226023@yandex.ru

SPIN-code: 1500-0854

FORMATION OF THE CIVIL POSITION OF FUTURE TEACHERS IN YOUTH PUBLIC ASSOCIATION OF THE UNIVERSITY

This article examines the development of civic engagement among future teachers in university youth organizations. The concepts of "position" and "civic engagement," their components, and interrelations are clarified. Based on an analysis and synthesis of psychological and pedagogical research, it can be concluded that civic engagement is a complex personal construct, a system of relationships between a person and the world, others, and themselves, manifested in their activities. Two main approaches to defining "civic engagement" are identified: as a synthesis of cognitive and affective elements, an integrative personality trait encompassing patriotism, political culture, morality, law-abidingness, diligence, and social responsibility; and as value orientations and moral development that serve as the basis for social engagement. The authors focus on various aspects of these relationships—moral, legal, spiritual, and practical. The main components of civic engagement are: cognitive (knowledge of rights and responsibilities), motivational and value-based (attitudes, ideals, and orientation), behavioral (actions in society), emotional (attitudes toward society), and volitional (self-determination and responsibility). The article describes the role of civic engagement in the educational activities of a pedagogical university and describes youth public associations and their influence on students.

Keywords: position, civic position, youth public associations, educational activities

For citation: Retivykh P.A. [Formation of the civil position of future teachers in youth public association of the university]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2026, issue 1(16), pp. 97–104 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2026-1-97-104>, EDN ZUXZSI

Введение

В эпоху быстрых социально-политических трансформаций формирование гражданской позиции у молодежи, особенно у будущих педагогов, приобретает стратегическое значение для устойчивого развития общества. Гражданская позиция как основа активного участия в общественной жизни помогает молодым людям не только адаптироваться к изменениям, но и вносить вклад в укрепление государства и социальную гармонию. Значимость данного личностного образования определяет необходимость выявления эффективных педагогических условий, значимых для современной социальной ситуации, результативных, в частности, при работе со студенческой молодежью. Прежде всего необходимо ответить на следующие вопросы: каковы сущностные характеристики понятий «позиция личности», «гражданская позиция»? Какие способы формирования гражданской позиции предлагают ученые? Какова роль молодежных общественных объединений в данном процессе?

Методы

В процессе исследования применялись такие методы, как анализ и обобщение результатов научно-педагогических исследований, анализ и систематизация результатов социологических опросов, описание и обобщение эмпирических данных – опыта работы общественных объединений в педагогическом вузе.

Результаты

Понятие «позиция» личности в психологической, педагогической и философской литературе трактуется как сложная, многоуровневая система установок, отношений и внутренних условий, определяющих взаимодействие человека с окружающим миром,

социумом и самим собой. Это не статичное свойство, а динамичная структура, формируемая в процессе деятельности, социализации, самоопределения и культурно-исторического развития, что позволяет личности адаптироваться к изменениям и вносить вклад в общество. Различные подходы к этому понятию отражают эволюцию научной мысли от классических психологических теорий к современным интегративным моделям, учитывающим как индивидуальные, так и социальные факторы.

Одним из фундаментальных подходов является концепция С.Л. Рубинштейна, разработанная в контексте деятельностного принципа и единства сознания и деятельности. По С.Л. Рубинштейну, позиция личности возникает через преломление внешних воздействий через внутренние условия индивида: психические процессы трансформируются в сознательно регулируемые функции (например, наблюдение вместо простого восприятия, произвольное внимание вместо непроизвольного). Личность как субъект определяется триединством: направленностью (установки, мотивы, ценности, идеалы – «чего хочет человек»), способностями («что может человек») и характером («что закрепилось в чертах личности»). Позиция здесь выступает как система отношений человека к миру, другим людям и себе, проявляющаяся в деятельности, где внешнее становится внутренним, а психические свойства отражают специфическое отношение к объективной реальности. Таким образом, позиция динамична и формируется в процессе самодеятельности и самоопределения личности, что подчеркивает ее роль в адаптации к социальным изменениям [10].

В.И. Слободчиков развивает понимание позиции в рамках антропологической психологии развития и теории субъективности (уникальности внутреннего мира, «самости», рефлексивного самоосознания). Для него позиция личности связана с уровнем самосознания и становлением форм субъективности в онтогенезе: от биологической зависимости к высшим уровням, где человек превращает свою жизнь в предмет практического преобразования. Позиция фиксирует социально значимые качества, включенность в общественные отношения и переход от индивида к личности через освоение новых форм субъективности. Это динамичный процесс, где внутренняя позиция отражает способность к самоопределению, рефлексии и культурно-историческому развитию, включая толерантность и идентичность. Слободчиков подчеркивает, что позиция не изолирована, а встроена в социокультурный контекст, что делает ее ключевым элементом в воспитательном процессе [12].

Опираясь на философско-юридические и евразийские традиции, Н.Г. Алексеев трактует позицию личности как часть структуры индивидуальной свободы и места человека в обществе. Позиция определяется правами, обязанностями и положением в социальных объединениях, где человек выступает как «совокупность людей» в государстве. Этот подход подчеркивает роль позиции в консолидации общества через свободу и самоценность личности, связывая ее с гражданским обществом и правовыми нормами, что добавляет этико-юридическое измерение к психологическим трактовкам [1].

Дополнительные характеристики понятия «позиция» представлены в работах других российских ученых. Например, В.С. Мухина определяет внутреннюю позицию личности как особое отношение к миру, одновременно ответственное и ценностное, к окружающим людям, к себе и к жизни в целом [11]. Это подчеркивает эмоционально-ценностный аспект позиции, формируемый в процессе социализации и культурного развития, где личность

интегрирует опыт для создания гармоничной системы отношений. В педагогической литературе, как, например, в учебнике В.А. Слостенина и соавт., позиция трактуется как социально-педагогическое образование, включающее антропологические и аксиологические основы, где личность интегрирует знания, ценности и практическую деятельность в целостном педагогическом процессе. Это позволяет рассматривать позицию как инструмент профессионального роста, особенно для педагогов [11].

«Гражданская позиция» как специализированная форма общей позиции акцентирует общественную и ценностную направленность, ориентированную на государство, общество и активное гражданство. В трудах С.Л. Рубинштейна она не выделяется напрямую, но экстраполируется через направленность и характер: гражданская позиция возникает в деятельности, где личность интегрирует социальные установки в устойчивые свойства, проявляя осознанное отношение к миру и общественному благу. В.И. Слободчиков связывает ее с развитием идентичности и социализацией: гражданская позиция формируется в процессе превращения индивида в личность через освоение норм, где внутренняя позиция отражает эмоциональное и ценностное отношение к обществу, включая толерантность и этническую идентичность. Н.Г. Алексеев напрямую увязывает гражданскую позицию с гражданским обществом: это комплекс качеств, основанных на индивидуальной свободе, законопослушности и социальной активности, где государство и общество взаимосвязаны через порядок и права.

В работах российских ученых к определению «гражданская позиция» выделяется два основных подхода. Первый подход трактует ее как интегративное качество личности, включающее патриотизм, политическую культуру, нравственность, законопослушность, трудолюбие и социальную активность (С.В. Митросенко, Э.П. Стрельникова, А.М. Андресюк). Например, А.М. Андресюк определяет гражданскую позицию как интегративное качество личности, отражающее ценностное отношение к Человеку, Отечеству, Знаниям как субъектной связи с действительностью, проявляющееся в познавательной, социальной и социально-педагогической активности. Этот подход подчеркивает целостность позиции как синтеза когнитивных и аффективных элементов [1].

Второй подход фокусируется на различных аспектах отношений – нравственных, правовых, духовных и деятельностных (В.Т. Лисовской, Ю.В. Березутский, Л.М. Архангельский), выделяя ценностные ориентации и нравственное развитие как основу для социальной активности. Л.М. Архангельский и В.Т. Лисовский акцентируют ценностные аспекты социальной активности и роли в гражданском становлении личности, подчеркивая, что позиция формируется через взаимодействие с социумом [2].

Сопоставляя термины, «позиция» выступает базовой структурой установок и отношений личности, а «гражданская позиция» – ее общественно ориентированной формой, фокусирующейся на ценностях государства, права и активного гражданства. Основными компонентами гражданской позиции являются: познавательный (знания о правах и обязанностях), мотивационно-ценностный (установки, идеалы, направленность), поведенческий (действия в обществе), эмоциональный (отношение к социуму) и волевой (самоопределение и ответственность).

Являясь непосредственным проводником между студентом и государством, в педагогическом вузе формирование гражданской позиции – ключевой элемент воспитательной деятельности, поскольку будущий учитель становится транслятором

общественных ценностей, патриотизма и активной гражданственности в подрастающее поколение, обеспечивая преемственность поколений и социальную стабильность. Эта роль проявляется в органичном единстве обучения и воспитания: через интеграцию курсов гражданско-правового и патриотического образования, проектной и исследовательской деятельности, а также внеучебной работы студенты развивают ответственность, осознанное отношение к государству, обществу и собственной роли в нем.

Как подчеркивает С.Л. Рубинштейн, позиция личности формируется в деятельности, где внешние социальные требования преломляются через внутренние установки и ценности; в педагогическом контексте это означает, что будущий учитель не только усваивает знания, но и превращает их в личностные ориентиры, способные влиять на воспитанников, формируя у них аналогичные качества.

Особое значение приобретает переход студента в позицию субъекта воспитательной деятельности, где пассивное восприятие информации заменяется активным участием в социальных процессах. Л.А. Косолапова отмечает, что в педагогическом вузе образовательный процесс должен быть построен как поэтапный перевод обучающегося от позиции реципиента знаний к позиции активного субъекта, способного рефлексировать собственные ценности, развивать морально-психологическую устойчивость и мотивацию к самообразованию, что становится основой для передачи этих качеств школьникам. Ученый подчеркивает роль самооценки и уровня притязаний в этом процессе, показывая, что гармоничное развитие личности будущего педагога способствует преодолению кризисов идентичности и усилению гражданской ответственности [4]. Данный подход получает дальнейшее развитие в исследованиях Л.Л. Лашковой, которая подчеркивает, что в условиях педагогического вуза происходит смена традиционной модели, где студент «пассивно принимает информацию», на инновационную, в которой он «активно участвует в формировании своего образовательного и воспитательного пространства». Особенно эффективно этот процесс протекает в студенческих отрядах – реальных молодежных общественных объединениях, где через самоорганизацию, квесты и социальные проекты формируются лидерские качества и ответственность [5]. В.И. Панов описывает этот переход как поэтапное развитие субъектности: от стадии «наблюдатель – ученик» (преимущественно репродуктивная деятельность) к стадии «мастер – творец», когда студент становится субъектом совместной деятельности и способен формировать субъектность других [7].

Обсуждение

Согласно «Стратегии реализации молодежной политики» в Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р, с изменениями 2025–2026 гг.), приоритетными направлениями остаются патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, защита ее прав и активное вовлечение в общественные и государственные процессы [8]. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» (в редакции от 28 декабря 2024 г. № 550-ФЗ, с дополнениями 2025 г.) расширяет меры государственной поддержки молодежных инициатив, включая формирование неприятия экстремизма, укрепление семейных ценностей и участия в волонтерстве, что создает правовую основу для интеграции молодежных объединений в воспитательный процесс вуза [13].

По данным Росстата и региональных отчетов на начало 2026 года, лишь около 40–45 % молодых людей 18–35 лет активно участвуют в общественных объединениях, что связано

с кризисом идентичности, доминированием виртуальной реальности и бюрократическими барьерами в реализации идей. Согласно опросам ВЦИОМ (январь 2026 г.), 52 % молодежи выражают интерес к общественной деятельности, но только 28 % реализуют его на практике, что объясняется отсутствием мотивации и поддержки. Если рассмотреть Алтайский край, то данная проблема проявляется особенно ярко, учитывая его географические, экономические и демографические особенности: сельский уклон, многонациональный состав (русские, алтайцы, казахи, немцы и др.), отдаленность от экономического центра. Дополнительно ситуация усугубляется оттоком молодежи: в 2021–2025 гг. уехало более 20 % молодых специалистов (около 50 тысяч человек), а в 2026 году прогнозируется дальнейшее снижение на 5–7 % (до 7 тысяч человек ежегодно) из-за экономических факторов, таких как низкий уровень зарплат и ограниченные карьерные перспективы [3].

Однако позитивные тенденции по вовлеченности молодежи все же заметны: только в 2026 году участниками всероссийской патриотической акции «Снежный десант РСО. Сила в Единстве» стали 650 бойцов из Алтайского края, что на 15 % больше, чем в 2025 году¹, а в региональных волонтерских программах задействовано свыше 10 тысяч молодых людей. Кроме того, почти 65 тысяч молодых жителей впервые пойдут на выборы в сентябре 2026 года, что открывает новые возможности для грамотного выстраивания работы с молодежью в сфере гражданского воспитания. Основной площадкой в данном случае выступает вуз, являющийся проводником между студентом и государством. Для будущего специалиста в сфере образования – это педагогический университет, являющийся центром интеграции образования и воспитания, формирования у студентов позиций и взглядов как гражданина.

В соответствии с Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежные общественные объединения являются добровольными некоммерческими организациями, объединяющими молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет для реализации общих интересов, защиты прав, социальной активности и личностного развития [13]. Эти объединения функционируют на принципах самоуправления, инициативности и равенства, что отличает их от государственных структур и коммерческих организаций. В педагогическом вузе они представлены различными формами: студенческими советами, волонтерскими отрядами, научными обществами и патриотическими клубами. Они включают в себя: неформальность структуры, что позволяет гибко адаптироваться к интересам участников; инициативность, стимулирующую творчество и лидерство; фокус на саморазвитии и социализации через коллективные проекты; многофункциональность, сочетающую развлекательные, образовательные и социальные аспекты.

В настоящее время на территории Российской Федерации среди наиболее значимых современных молодежных общественных объединений, активно влияющих на формирование гражданской позиции в вузах и школах, выделяются следующие:

1. Российское движение детей и молодежи «Движение Первых» (РДДМ «Движение Первых») – крупнейшее общероссийское общественно-государственное движение, созданное в 2022 году при поддержке Президента РФ. Оно объединяет

---

¹ Акция «Снежный десант РСО» в Алтайском крае объединила 650 человек // Национальные проекты [сайт]. URL.: <https://национальныепроекты.пф/news/aktsiya-snezhnyy-desant-rso-v-altayskom-krae-obedinila-650-chelovek/?ysclid=mo1au5xdv4289377197> (дата обращения 20.03.2026)

миллионы участников от 6 до 35+ лет и фокусируется на воспитании на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, уважении к семье, истории, культуре народов России и активном участии в жизни страны [9].

2. Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия» – создано в 2016 году при поддержке Министерства обороны РФ. К 2026 году насчитывает более 2 миллионов участников по всей России (свыше 89 региональных штабов), включая школьников и студентов. Движение возрождает традиции молодежных организаций, акцентируя военно-патриотическое воспитание, физическую подготовку, дисциплину и готовность к защите Отечества. Программы включают юнармейские лагеря в ВДЦ («Артек», «Орленок», «Смена», «Океан»), спортивные соревнования, поисковые экспедиции, помощь ветеранам и участие в парадах.

3. Программа «Орлята России» – уникальный проект Министерства просвещения РФ при поддержке «Движения Первых», ориентированный на развитие социальной активности школьников младших классов (1–4 классы). Запущена в 2021 году, в 2026 году программа продолжает расширяться с насыщенным календарем событий (ежемесячные тематические недели, конкурсы, образовательные модули). Она формирует базовые гражданские качества – ответственность, взаимопомощь, уважение к традициям – через игровые и проектные формы, что закладывает фундамент для дальнейшего участия в более сложных молодежных объединениях.

4. Молодежная общероссийская общественная организация «Российские студенческие отряды» (МООО «РСО») – крупнейшая молодежная трудовая организация страны, обеспечивающая временную занятость сотен тысяч студентов в различных отраслях экономики, а также занимающаяся гражданским и патриотическим воспитанием, развитием творческого и спортивного потенциала [6].

На базе Алтайского государственного педагогического университета на данный момент функционирует 11 студенческих общественных объединений, направленных на развитие личности студента в разных сферах – науке, творчестве, медиа, международном сотрудничестве, добровольчестве и патриотическом воспитании. Также в университете открыты отделение Российского движения детей и молодежи «Движение Первых» и представительство Алтайского регионального отделения молодежной общероссийской общественной организации «Российские студенческие отряды» в лице Штаба трудовых дел АлтГПУ, оказывающее сотрудничество на протяжении многих лет.

Заключение

Влияние молодежных объединений на формирование гражданской позиции студентов огромно и многогранно: объединения развивают лидерство, социальную ответственность, навыки командной работы и практические компетенции, структурируя активность молодежи и снижая риск пассивности или протестных настроений через конструктивное взаимодействие с властью, обществом и вузовской средой. Исследования и отчеты Росмолодежи показывают, что регулярное участие в таких движениях повышает мотивацию к гражданскому участию на 30–40 %. В педагогическом вузе это особенно важно: будущие учителя осваивают навыки работы с группами, разрешения конфликтов, продвижения идей и организации воспитательной работы, что напрямую влияет на их профессиональную компетентность и готовность передавать гражданские ценности школьникам.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Г. Гражданское общество и государство: философско-правовые аспекты. М.: Норма, 2005. 320 с.
2. Архангельский Л.М. Ценностные ориентации личности и их формирование в юношеском возрасте // Психология личности. М.: Просвещение, 1987. С. 112–145.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Опросы молодежи 2026 г.: гражданская активность и участие в общественных объединениях [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 09.03.2026).
4. Косолапова Л.А. Экспериментально-аналитическое обучение студентов педагогике: дис. ... д-ра пед. наук. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2010. 520 с. EDN: QFLAHZ
5. Лашкова Л.Л., Нургалиева В.Ю., Чуйкова И.В. Формирование субъектной позиции у будущих педагогов в воспитательной деятельности вуза // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 1(88). С. 116–127. DOI: 10.69571/SSPU.2024.88.1.030 EDN: GDSDBV
6. Молодежная общероссийская общественная организация «Российские студенческие отряды» (МООО «РСО»): официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://рсо.рф> (дата обращения: 09.03.2026).
7. Панов В.И., Плаксина И.В. Субъектность студентов педагогического вуза в меняющейся образовательной среде // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14, № 2. С. 64–83. DOI: 10.17759/psyedu.2022140205 EDN: CQNVCT
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 08.05.2025) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 34. Ст. 4567.
9. Российское движение детей и молодежи «Движение Первых»: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://будьвдвижении.рф> (дата обращения: 09.03.2026).
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с. ISBN: 5-314-00016-4 EDN: MBVNSMQ
11. Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2013. 576 с.
12. Слободчиков В.И. Психология развития человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – 2216 с.
13. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2024 г. №550-ФЗ, от 22 апреля 2024 г. №95-ФЗ, от 23 июля 2025 г. №258-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2021. №1 (ч. I).

